

ИНДЕКС 20408 (каталог «Роспечать»)
ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 0201–7385
ISSN 2074–6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

Основан
в 1946 году

Вестник Московского университета

ISSN 0201–7385. ISSN 2074–6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2015. № 4. С. 1–160.

Серия 22

теория перевода

4/2015

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**, доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия);

Бельский Евгений Викторович, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьещи Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия); **Горшкова Вера Евгеньевна**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия);

Есакова Мария Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Исолахти Нина Борисовна**, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия);

Керо Хервилья Энрико Ф., доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Ли-Янке Ханнелоре, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Марусенко Михаил Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мишкuroв Эдуард Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Матасов Роман Александрович**, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Пан Кеён, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Форстнер Мартин, доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос Константинович**, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция);

Хольцер Питер, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия);

Чайковский Роман Романович, доктор филологических наук, профессор, Северо-Восточный государственный университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovskiy, Nikolai K., Editor-in-Chief, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awaiss, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon); **Alexeeva Irina S.**, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium);

Belsky, Yevgeniy V., Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy); **Gorshkova, Vera Ye.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia);

Yesakova, Maria N., Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Isolahti, Nina B.**, School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Koltsova, Yulia N., Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland); **Manerko, Larisa A.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Marusenko, Mikhail N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia); **Mironova, Nadezhda N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mishkurov, Edward N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Matasov, Roman A.**, Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia);

Pan, Yong-Kyo, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea); **Torsukov, Yevgeniy G.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Forstner, Martin, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany); **Charatsidis, Elefterios K.**, Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria);

Khukhuni, Georgiy T., Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Tchaikovskiy, Roman R.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), North-Eastern State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Корректор *Е. А. Босина*

Компьютерная верстка *Ю. В. Одинцовой*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции:

119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус, к. 1150.

Тел.: 8(495) 932-80-72

Подписано в печать 17.03.2016. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 9,4. Тираж экз. Изд. № 10386. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495)939-32-91; e-mail: secretary-msu-press@yandex.ru

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2015 • ОКТЯБРЬ–ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

Общая теория перевода

- Balliu, Chr.* La traductologie Russe sous l'angle de la culture française /
Балью К. Переводоведение в России сквозь призму француз-
ской культуры 4/5
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям
определения научного объекта переводоведения) 34

История перевода и переводческих учений

- Чжао Яньцю.* Очерк распространения и изучения русских перевод-
ческих традиций в Китае 65

Методология перевода

- Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И., Торсуков Е.Г.* Метафоры образа России:
проблемы перевода 75

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

- Джусупов Н.М.* Сопоставительная стилистика в контексте лингви-
стических исследований: проблемы, статус и тенденции развития . . 82
- Какзанова Е.М.* «Умный» или «духовный»? Перевод одного прила-
гательного и концепт «духовность» 98
- Пан КёЁн.* О разрушении системы вежливости корейского языка
в настоящее время 107
- Хванг Джи-ён.* Перевод дипломатической риторики Китая в корей-
ских СМИ 119

Вопросы терминологии

- Балканов И.В.* Теория и практика военной лексикографии (на ма-
териале русско-иноязычных военных словарей) 126

Ким Ире. Семантические заимствования в южнокорейской и русской строительной терминологии 142

Хроника научной жизни

Лесневская Д.С. Международная научная конференция «Перевод как средство обогащения мировой культуры» (г. Лерида, Испания, 21–24 ноября 2015 г.) 152

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» за 2015 год 156

Contents

General Translation Theory

- Balliu, Chr.* Russian Translation Studies: a French Culture Perspective 4
Ivanov, N.V. Dichotomies in Translation: Ontological Definition of Scientific Object in Translation Studies34

Translation History and Translation Studies

- Zhao Yanqiu.* Essay on Dissemination and Study of Russian Translation Tradition in China65

Translation Methodology

- Gavrilov, L.A., Zaripov, R.I., Torsukov, E.G.* Metaphors of Russia's Image: Translation Issues75

Linguistic and Culturological Aspects of Translation

- Dzhusupov, N.M.* Comparative Stylistics Within the Context of Linguistic Studies: Issues, Status and Development Trends82
Kakzanova, Ye.M. *Intelligent or Spiritual?* Translating One Adjective and the Concept of *Spirituality*98
Pan Yong-Kyo. The Destruction of Speech Etiquette in the Korean Language107
Hwang Ji-youn. Translating Chinese Diplomatic Rhetoric in Korean Media . . 119

Terminology Issues

- Balkanov, I.V.* Theory and Practice of Military Lexicography: a Study Based on Russian-English, Russian-French and Russian-German Military Dictionaries126
Kim Yire. Semantically Derived Words in South Korean and Russian Construction Terminology142

Chronicles of Scientific Life

- Lesnevskaya, D.S.* International Scientific Conference "Translation as a Means of Enrichment of World Culture" (Lleida, Spain, November 21–24, 2015)152

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Christian Balliu,

Professeur, Président du département Traduction-Interprétation Faculté de Lettres, Traduction et Communication, Université Libre de Bruxelles; e-mail: christian.balliu@ulb.ac.be

LA TRADUCTOLOGIE RUSSE SOUS L'ANGLE DE LA CULTURE FRANCAISE

La traductologie, c'est-à-dire l'étude scientifique de l'opération traduisante, est une science très récente. Cependant, les réflexions sur la traduction existent depuis que l'homme traduit. L'objectif de cet article est d'étudier la traductologie russe sous l'angle de la traductologie française depuis le 16e siècle et de montrer l'importance des échanges culturels entre les deux pays par le truchement de la traduction. Une attention particulière sera portée au 20e siècle pour tenter de démontrer l'existence de ce que l'on pourrait appeler une «traductologie soviétique», à savoir un programme de traduction arrêté au plus haut niveau de l'Etat et qui se confond avec la majeure partie du siècle dernier. Un parallèle permanent sera fait avec la situation en France, avec analyse des ressemblances et des divergences.

Mots clés: traductologie, Russie et Union Soviétique, France, histoire, culture.

INTRODUCTION

Comme on le sait, la traductologie, c'est-à-dire l'étude scientifique de l'activité traduisante en tant que discipline propre, est relativement récente et commence véritablement dans les années 1950.

Quelques pionniers, peu nombreux, comme Nida, Mounin, Catford, Vinay et Darbelnet ou Fédorov, posent les bases, les fondements de ce que

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

Кристиан Баллю,

профессор, руководитель отделения устного и письменного перевода факультета филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя; e-mail: christian.balliu@ulb.ac.be

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Переводоведение, т.е. научное изучение переводческих операций, как наука возникло совсем недавно. Однако размышления по этому поводу существуют с того момента, как человек начал переводить. Цель этой статьи заключается в том, чтобы показать русское переводоведение начиная с XVI века в сравнении с французским и рассказать о важности культурного обмена между двумя странами, осуществляемого посредством перевода. Особое внимание уделено XX веку, чтобы попытаться доказать существование того, что можно было бы назвать «советским переводоведением», иначе говоря, программы переводческой деятельности, установленной на высшем государственном уровне и совпадающей по времени со всем предшествующим столетием. В статье проводится постоянная параллель между теориями перевода в России и Франции с анализом всех сходств и различий.

Ключевые слова: переводоведение, Россия и Советский Союз, Франция, история, культура.

Christian Balliu,

Professor, Chairman of the Department of Translation and Interpretation, the Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles; e-mail: christian.balliu@ulb.ac.be

RUSSIAN TRANSLATION STUDIES: A FRENCH CULTURE PERSPECTIVE

Translatology, a.k.a. translation studies, has emerged fairly recently. However, people have reflected on the essence of translation ever since translation itself was invented. The main purpose of this paper is to provide an overview of the history of Russian translation studies all the way from the 16th century up to the present day in comparison with French translatology as well as to show the everlasting importance of cultural exchanges between the two countries through translation. Special attention is paid to the 20th century in an attempt to prove the existence of what may be referred to as Soviet translation studies — in other words, the translation program that was sustained at the national level. In this paper, the author draws a parallel between the Russian and French translation theories while analyzing all their differences and similarities.

Key words: translatology, Russia and the Soviet Union, France, history, culture.

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, переводоведение, т.е. изучение переводческой деятельности, как самостоятельная научная дисциплина появилось сравнительно недавно — в 1950-х гг.

Несколько теоретиков — Ю. Найда, Ж. Мунен, Дж. Кэтфорд, Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, А.В. Фёдоров — заложили основы науки,

l'on n'appellera que plus tard en français la «traductologie». La genèse du mot «traductologie» est d'ailleurs intéressante, sa première apparition ne datant que de 1973. Il semble que ce soient Brian Harris ou Roger Goffin (peut-être les deux) qui aient proposé cette appellation qui, depuis, s'est imposée. Mais je me souviens bien qu'il y avait de nombreuses voix discordantes à l'époque et que certains avaient proposé «traductiologie», «traductionologie» (sur la base de l'accusatif) ou encore «translatologie». Bref, l'apparition tardive du mot prouve qu'il s'agit d'une science très jeune.

Autrement dit, si la traduction est une activité humaine qui remonte à la nuit des temps, il est tout aussi vrai qu'une réflexion ordonnée et systématique sur cette activité s'est fait attendre jusqu'au 20e siècle, et pour être plus précis, jusqu'à la deuxième moitié du 20e siècle.

Il est pour le moins peu fréquent de rencontrer nombre d'activités humaines recourant à l'usage concret de l'intelligence et à la volonté d'établir des contacts culturels entre êtres humains d'origines les plus diverses qui ne se soient pas soldées plus tôt par une théorisation qui permette d'objectiver la pratique du terrain. Au cours de l'histoire, on ne peut en effet considérer comme modèles théoriques les réflexions ponctuelles des traducteurs eux-mêmes, qui étaient sans aucun doute remarquablement placés pour réfléchir sur leur lot quotidien, mais qui travaillaient le plus souvent dans l'ombre de leurs alcôves, s'appuyant uniquement sur leur expérience personnelle et sur les critères culturels et esthétiques des différentes époques qui les ont vu naître.

On retiendra par conséquent l'abîme chronologique qui sépare la pratique millénaire du traducteur et l'étude systématique de sa profession. En outre, pendant très longtemps, les considérations théoriques se sont focalisées sur la traduction des seules oeuvres littéraires, comme si les textes littéraires – dont la forme la plus achevée serait la poésie – étaient les seuls dignes de quelque considération ou plus simplement les seuls présents sur le «marché». En réalité, les recherches ont démontré que les traductions littéraire et technique (au sens de «spécialisée») ont de tous temps coexisté et que la traduction technique est née en même temps que la traduction littéraire – peut-être avant? – même si sa présence est moins brillante. Ce n'est qu'au cours des quarante dernières années que, pour des raisons de contexte historique, la traduction technique, pragmatique, a réellement acquis droit de cité et a fait l'objet d'une étude plus fouillée et systématique. Les progrès dans les domaines scientifiques les plus divers y ont évidemment largement contribué.

Enfin, la grande question de la possibilité ou de l'impossibilité de traduire – de *tout* traduire – a quasi toujours été au centre des débats, freinant indubitablement la recherche et allant parfois jusqu'à discréditer le bien-fondé du métier. C'est le célèbre problème de l'**objection préjudicielle**, si cher à Georges Mounin et repris par d'autres comme Jean-René Ladmiral. La question de la

которая впоследствии получила название «переводоведение» (фр. *traductologie*). Интересна история возникновения этого термина. Во французском он появился лишь в 1973 г. Считается, что его ввел Б. Харрис или Р. Гоффен (а возможно, оба эти исследователя) и что именно с тех пор он закрепился в языке. Однако я помню, что в то время было множество вариантов разногласий по поводу наименования: предлагались варианты «traductiologie», «traductionologie», а также «translatologie». Столь позднее появление общепринятого термина подтверждает тот факт, что речь идёт об очень молодой науке.

Иными словами, перевод как деятельность существует с незапамятных времён, однако систематические и упорядоченные размышления о ней появились лишь в XX в. — или, если быть более точным, во второй его половине.

Трудно привести другой пример человеческой деятельности, требующей использования умственных способностей и направленной на установление новых культурных контактов между людьми различного этнического происхождения, которая долгое время не имела теоретической базы, позволяющей на практике решать конкретные проблемы. Безусловно, мы не можем считать теоретическими моделями отдельные размышления переводчиков прошлого. Их значимость для науки, разумеется, трудно переоценить, однако работали эти переводчики, как правило, изолированно, опирались исключительно на собственный опыт и на те культурные и эстетические нормы, которые существовали именно в их эпохи.

Таким образом, между практикой перевода и системным изучением этой деятельности существует огромный временной разрыв. Кроме того, в течение достаточно долгого времени теоретические размышления фокусировались исключительно на художественном переводе, как будто только художественные тексты, высшей формой которых является поэзия, считались достойными изучения. Исследования же показали, что во все времена существовал перевод как художественных, так и технических (специальных) текстов и что технический перевод появился одновременно с литературным переводом (а может, и раньше?), хотя его существование часто остаётся в тени. Лишь в последние 40 лет прагматический технический перевод получил признание и стал предметом более тщательного и систематического изучения. Во многом этому способствовал прогресс в самых разных отраслях науки.

Вопрос о переводимости/непереводимости (т.е. невозможности перевести *всё*) почти всегда был в центре обсуждений и осложнял переводческие исследования, а иногда даже ставил под сомнение целесообразность профессии переводчика. Но это так называемый **преюдициальный вопрос**, который так нравился Ж. Мунену, а вслед за ним и другим, в частности Ж.-Р. Ладмирало. Вопрос о *переводимости* (используем здесь термин Мунена) долгое время

«traduisibilité», pour reprendre le terme de Mounin, a longtemps aveuglé les esprits, alors que toutes les époques, et la nôtre en constitue vraisemblablement le meilleur exemple, ont eu recours à la traduction. On en est arrivé, sur la base de postulats éminemment contestables, à nier une réalité omniprésente et quotidienne. C'est plus que probablement parce que les théoriciens sont à court de définitions réellement satisfaisantes pour décrire la traduction, une activité aux mille visages, «recouverts d'une multitude de masques», pour utiliser la métaphore de Jacques Catteau, grand traducteur de la littérature russe récente et contemporaine.

Je terminerai cette introduction générale en soulignant que, paradoxalement, les traductologues ne lisent les productions de leurs collègues que dans leur langue maternelle, voire dans leurs langues de travail. Pour prendre mon propre exemple, je lis beaucoup de textes de traductologie en français, quelques-uns en espagnol, quelques-uns en russe. Je ne lis rien en allemand, très peu en anglais, car ce ne sont pas mes langues de travail. Mon cas n'est pas unique; j'ai pu constater la même chose chez les autres. Si la traduction est par essence un lieu d'échanges interlinguistiques et interculturels, nous restons confinés dans nos lectures à nos propres cultures. J'ai toujours trouvé cela très paradoxal, comme le fait que les grands congrès de la FIT (Fédération Internationale des Traducteurs) voient plus de 90% de leurs communications présentées en anglais. Or, la traduction, c'est précisément la lutte contre le tout-à-l'anglais, contre le nivellement linguistique, contre la domination d'une langue par rapport aux autres, et nous-mêmes, traducteurs, nous cédon à cette pression de l'anglais.

C'est pour cette raison que l'histoire de la traduction est somme toute peu présente dans les cursus de traduction dans le monde. A tort, car l'histoire de la traduction est une formidable introduction à la traductologie. Elle permet avant tout de relativiser et de contextualiser les pratiques en fonction de conditions historiques, sociologiques, religieuses et autres. L'histoire montre que la traduction est une activité sociologiquement déterminée: dire cela, c'est déjà faire de la traductologie. Il y a peu d'historiens de la traduction; ce sont généralement des traducteurs qui ont un intérêt particulier pour l'histoire, de bons amateurs en quelque sorte. Mais aucun historien de formation ne s'intéressera vraiment à l'histoire de la traduction et c'est dommage. S'intéresser à l'histoire de la traduction, c'est selon moi élargir son éventail épistémologique.

QUELQUES REPERES HISTORIQUES

Le titre de cette étude peut sembler prétentieux. Vouloir examiner la traductologie russe sous l'angle de la culture française peut donner l'impres-

затуманивал умы переводчиков, а между тем во все эпохи человек прибегал к переводу. Основываясь на постулатах в высшей степени спорных, мы начали отрицать вездесущую и каждодневную реальность, вероятно потому, что теоретики не могут предложить приемлемые определения перевода, который представляет собой многоликую деятельность, «скрытую за тысячей масок», как говорил выдающийся переводчик современной русской литературы Жак Катто.

В завершение введения хочу отметить тот факт, что, как ни странно, переводоведы читают труды, посвящённые переводу, только на своём родном или на рабочих языках. Могу привести пример из собственного опыта: я читаю много трудов на французском языке, некоторые — на испанском и русском. Но я не читаю на немецком, а на английском читаю очень редко: причина в том, что я не работаю с этими языками. И мой случай не единичный, так делают очень многие. Несмотря на то, что перевод по своей природе является средством межъязыкового и межкультурного обмена, в процессе чтения мы всё равно остаёмся в рамках своей культуры. Мне это всегда казалось странным, как и то, что на заседаниях Международной федерации переводчиков более 90% докладов делаются на английском. Перевод — это как раз борьба с засильем английского языка, с лингвистическим обезличиванием, с превосходством одного языка над другими, но мы, переводчики, поддаёмся этому давлению со стороны английского языка.

История перевода очень мало представлена в курсе преподавания переводоведения по всему миру. И напрасно, потому что курс истории перевода прекрасно подходит для введения в переводоведение. Прежде всего, она позволяет упорядочить и распределить весь накопленный опыт в соответствии с ходом развития истории, общества и религии. История показывает нам, что перевод — это социально детерминированная деятельность. Подобный подход свидетельствует о научном осмыслении перевода, т.е. является переводоведческим. Существует очень мало историков перевода: в основном это переводчики, которые проявляют большой интерес к истории, своего рода любители. Но никакой профессиональный историк не заинтересуется историей перевода. А жаль! История перевода, как мне кажется, обогащает эпистемологию науки о переводе.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Название данной статьи может показаться амбициозным. Стремление рассмотреть историю переводоведения в России в зеркале французской культуры может создать впечатление, будто французская культура превосходит русскую и позволяет судить о том, что происходит в других странах. Однако я не ставлю перед собой подобной цели. Я лишь хочу показать, как переводческая мысль, развивавшаяся в России, освещалась и исследовалась во француз-

sion que la culture française possède un avantage sur la culture russe, qu'elle peut être le juge de ce qui se fait ailleurs. Tel n'est pas mon objectif; je souhaite simplement montrer comment les réflexions théoriques sur la traduction menées en Russie ont été relayées et étudiées au sein de la culture française. Je crois que cela peut être intéressant puisque cela permet de comprendre le regard de l'autre, lequel peut avoir une vision déformée de ce qui se fait, depuis longtemps maintenant, en Russie.

Une remarque encore avant d'aborder les repères historiques. Rares sont les francophones (je ne parle pas seulement des Français, je dis les francophones) à étudier la traductologie, mais aussi la traductographie (mot que j'emploie dans le sens de «production de traductions») russe. Dans une conférence prononcée en mars 2014 à l'ISTI à Bruxelles (*Les livres de Diderot et de Voltaire se trouvent à la Bibliothèque nationale de Russie, anciennement Bibliothèque publique impériale, fondée par Catherine II en 1795*), le professeur Garbovskij a recensé en tout depuis 1967 cinq publications sur la traductologie russe en langue française. Deux seulement étaient l'œuvre de francophones, de Belges en fait. Il s'agit de Henri Van Hoof et de moi-même. Pour la France, pas un auteur, même si Tatiana Bodrova-Gogenmos, auteur du livre *La traductologie russe: ses apports et ses limites* fait sa carrière à l'ESIT à Paris. C'est tout dire.

Les quelques réflexions que je livre dans ce texte sont surtout très personnelles.

Un petit détour par la France pour commencer. Les premières réflexions sur la traduction en France datent de la Renaissance et sont l'œuvre d'Etienne Dolet, un traducteur qui par ailleurs a fixé l'accentuation et la ponctuation en langue française. Dolet publie en 1540 *La meilleure manière de traduire d'une langue en une autre*, qui est donc le premier traité de traduction en langue française. Il est très court, ne comporte que 5 règles pour un total de 6 pages, mais propose une vision très moderne de la traduction. Par exemple, la première règle de Dolet veut que l'on connaisse «le sens et la matière» de l'auteur que l'on traduit. Dolet a donc déjà compris que la traduction est plus qu'une affaire de transcodage interlinguistique. Ce traité ne naît pas du néant. Dès le règne de François Ier en effet, le nombre de traductions augmente énormément en France, ce qui motive le traité de Dolet qui est une reconnaissance scientifique de l'activité traduisante inédite en France. Le détonateur de l'évolution est l'*Ordonnance de Villers-Cotterêts* de 1539, par laquelle le roi rend le français obligatoire dans les actes officiels et les jugements des tribunaux de l'Etat. L'affirmation et l'officialisation du français doivent être considérées comme un passage de témoin entre les langues classiques et les langues vulgaires, ces dernières pouvant aussi servir de support et de transport à une identité culturelle.

ской культуре. Думаю, это может быть интересным, поскольку позволяет понять взгляд со стороны, который способен несколько искажённо представлять то, что на деле происходит в России на протяжении уже довольно длительного периода времени.

Ещё один комментарий, прежде чем перейти к истории. Вельма редки среди носителей французского языка (я имею в виду не только французов, но всех говорящих по-французски) те, кто занимался бы изучением российского переводоведения и переводоведения (то есть описанием переводческой деятельности в России). В лекции, прочитанной в марте 2014 г. в Высшем институте перевода в Брюсселе (ISTI) (*Les livres de Diderot et de Voltaire se trouvent à la Bibliothèque nationale de Russie, anciennement Bibliothèque publique impériale, fondée par Catherine II en 1795*), профессор Н.К. Гарбовский назвал пять публикаций о российском переводоведении, написанных на французском языке с 1967 г. Лишь две из этих работ были созданы носителями французского языка, в данном случае бельгийцами: Анри Ван Офом и мной. Во Франции не было написано ни одной такой работы, хотя стоит упомянуть, что Татьяна Бодрова-Гоженмос, автор книги «Российское переводоведение: его роль и пределы», работает сегодня в Высшей школе переводчиков (ESIT) в Париже. Этим всё сказано.

Некоторые размышления, которые я публикую в этой статье, носят сугубо личный характер.

Начну с Франции. Первые размышления о переводе здесь появились в эпоху Возрождения и связаны с деятельностью Этьена Доле — переводчика, который, кстати, установил нормы ударения и пунктуации во французском языке. В 1540 г. он опубликовал трактат «О способе хорошо переводить с одного языка на другой», являющийся первой работой о переводе на французском языке. Текст совсем небольшой, всего шесть страниц, на которых Доле описывает пять правил. Тем не менее этот трактат представляет собой вполне современное видение перевода. Так, согласно первому правилу, переводчик должен понимать «смысл и предмет» автора оригинала. Доле уже тогда пришёл к выводу, что перевод — это намного больше, чем просто межъязыковое декодирование. Со времён Франциска I количество переводов значительно увеличилось, чем и объясняется появление работы Доле, который отдаёт дань возникшей во Франции переводческой деятельности через научное осмысление. Катализатором для развития этой деятельности послужил *Ордонанс Виллер-Комре*, изданный в 1539 г. Указом короля французский язык становился обязательным при составлении административных документов и в судопроизводстве. Утверждение и официальное признание французского языка должны рассматриваться как некая эстафета между классическими и народными языками. Отныне народные языки могли выступать в роли носителей культурной самобытности.

La traduction n'est donc pas l'ennemie des littératures nationales. Les premières œuvres dans une langue vulgaire sont souvent des traductions, et celles-ci créent une langue littéraire qui va favoriser l'éclosion d'une littérature nationale.

Pour en revenir à la Renaissance, il faut remarquer que cette même année 1539, Robert Estienne, imprimeur royal au service de François Ier et de Henri II, crée le verbe *traduire* pour remplacer l'ancien *translater*. Le mot *traducteur* date quant à lui de 1540. Le mot *traductrice* n'apparaîtra qu'en 1711, vraisemblablement dans la foulée des traductions de Madame Dacier. Dans l'histoire, les traductions ont très majoritairement été l'œuvre d'hommes; aujourd'hui cependant, dans toutes les écoles de traduction du monde, on trouve une écrasante majorité de filles. Cet élément devrait alimenter la réflexion.

Le 17e siècle français sera vraiment celui de la traductologie, avec nombre de traités, comme ceux d'Antoine Lemaistre (1656), de Gaspard de Tende (1660) ou de Pierre-Daniel Huet. Rien d'étonnant à cela non plus quand on sait que le 17e siècle français, le plus brillant de l'histoire littéraire de France, le siècle du classicisme, est dominé en littérature et en sciences par trois mots qui en sont véritablement la marque de fabrique: *Raison, Traités, Règles*. Tout est fixé par une Académie française et plus tard par une Académie des Sciences toutes puissantes. Une réflexion traductologique est donc déjà installée en France, depuis le 17e siècle au moins.

En Russie, et on me pardonnera de résumer les choses à l'extrême mais il ne s'agit pas ici d'un cours sur l'histoire de la Russie, il n'y a pas de Renaissance. Le 17e siècle s'ouvre pour sa part sur le temps des troubles et se poursuit avec la dynastie des Romanov. L'ouverture à l'étranger, qui est une des conditions *sine qua non* à l'exercice de la traduction, ne commence véritablement qu'avec Pierre-le-Grand, sa volonté de moderniser la Russie, ses voyages à l'étranger (notamment en Belgique même si cette région ne s'appelait pas encore ainsi à l'époque), son souci de doter la Russie d'une véritable flotte. Tout cela se voit dans son obsession de donner à la Russie un débouché vers le Nord (la Baltique), qui se concrétisera par exemple par la fondation de Saint-Pétersbourg en 1703.

Ce faisant, la Russie passe brutalement du Moyen-Age aux Temps Modernes. On ne peut en effet considérer que les prises de Kazan et d'Astrakhan par Ivan le Terrible et sa volonté de conquérir la Sibérie témoignent d'une volonté de s'ouvrir à l'étranger. Pour le dire autrement, l'intérêt pour la traduction et, dans la foulée, une réflexion ordonnée sur celle-ci, ne pouvaient naître en Russie qu'à partir de l'œuvre de Pierre-le-Grand.

Parallèlement, c'est aussi au début du 18e siècle, après la mort de Louis XIV en 1715, que la France s'ouvre à l'étranger. La traduction y était jusque-là régie par le classicisme qui lui imposait ce que je pourrais appeler une

Получается, что перевод не является врагом национальной словесности. Очень часто первые произведения на народном языке — это как раз переводы; они способствуют появлению литературного языка, который, в свою очередь, участвует в создании национальной литературы.

Возвращаясь к эпохе Возрождения, мы должны отметить, что в том же 1539 году Робер Этьен, королевский книгопечатник, состоявший на службе у Франциска I и Генриха II, придумал глагол *traduire* («переводить»), заменив существующее *translater*. Слово *traducteur* («переводчик») датируется лишь 1540 г. Слово *traductrice* («переводчица») возникло в 1711 г. — предпосылкой для этого, скорее всего, послужила переводческая деятельность мадам Дасье. Раньше переводчиками были в основном мужчины, в то время как сейчас во всех переводческих учебных заведениях подавляющее большинство составляют девушки. Стоит об этом задуматься.

Во Франции XVII век стал эпохой размышлений о переводе. В это время появилось множество трактатов — к примеру, трактаты Антуана Леместра (1656), Гаспара де Танда (1660) и Пьера-Даниэля Юэ. И это тоже неудивительно, поскольку XVII век — век расцвета французской литературы, век классицизма — стал свидетелем господства в литературе и науке трёх концептов: *Разум, Трактаты, Правила*. Всё определялось Французской академией, а позже — Академией наук, всемогущими институтами своего времени. Таким образом, во Франции размышления о переводе восходят как минимум к XVII в.

В России — да простят мне некоторую поверхностность, так как я не стремлюсь преподавать курс русской истории, — не было Возрождения. Начало XVII в. — период потрясений, завершившийся приходом к власти династии Романовых. Открытость другим странам — условие *sine qua non* для осуществления перевода — в России формируется лишь при Петре I, с его стремлением сделать Россию современной страной, его выездами за границу (в том числе и в Бельгию, хотя этот регион назывался тогда иначе), его заботой о создании для России настоящего флота. Всё это подчинено его страстному желанию дать России выход к Северу (к Балтийскому морю), и свидетельством тому — основание Санкт-Петербурга в 1703 г.

В результате Россия стремительно перешла от Средневековья к Новому времени. Вряд ли можно считать взятие Казани и Астрахани Иваном Грозным и его стремление завоевать Сибирь свидетельством открытости. Иначе говоря, интерес к переводу и упорядоченные размышления о нём могли появиться лишь в связи с деяниями Петра Великого.

В ту же эпоху, после смерти Людовика XIV в 1715 г., начинает открываться миру Франция. До этого над переводом довлели нормы классицизма, которые превращали его в так называемую «диахро-

«adaptation intraculturelle diachronique». Les traducteurs de l'époque traduisaient en français les oeuvres classiques gréco-latines en les adaptant aux mœurs de l'époque, au bon goût de Versailles et des salons. Au 18e siècle donc, c'est ce que l'on appelle en France la victoire des Modernes sur les Anciens. On abandonne peu à peu l'héritage classique pour se tourner vers les littératures modernes, contemporaines, essentiellement anglaise. C'est l'époque de l'anglomanie. Mais il y aura aussi un intérêt pour les cultures allemande, espagnole, italienne, russe et même arabe; c'est ce qu'on appelle les «turqueries». Il s'agira cette fois d'une «adaptation interculturelle synchronique». La France abandonne son nombrilisme et s'ouvre aux cultures étrangères. En échange, la France rayonne à l'étranger, le français devient la langue de la diplomatie jusqu'en 1918; une véritable francophilie s'empare des pays européens et notamment de la Russie.

Le 18e siècle est donc à mon sens le premier moment d'un vrai échange culturel avec la Russie, qui va se manifester par des traductions, du russe en français et du français en russe. C'est l'époque des Lumières; Voltaire entretiendra une relation épistolaire avec Catherine II, la grande Catherine, qui prolongera sur le plan culturel l'héritage politique de Pierre-le-Grand. Les plus grands souverains européens se targueront de parler et d'écrire en français, qu'il s'agisse de Frédéric de Prusse, de Gustave III de Suède, du Prince de Ligne ou de Catherine II précisément (cette dernière avait appris le français avec sa gouvernante). Catherine II va s'ouvrir aux Lumières en incitant d'Alembert à devenir le précepteur du futur Paul 1er, son fils, et en permettant à Diderot d'imprimer son *Encyclopédie* à Riga. Elle rachètera d'ailleurs les bibliothèques de Diderot et de Voltaire.

Une lettre de Voltaire à Mme du Deffand illustre la francophilie à la cour de la grande Catherine: «Rien n'est plus extraordinaire que cet assemblage de toutes les grâces françaises dans le pays qui n'était que celui des ours il y a cinquante ans [...]. On parle français à la cour de l'Impératrice plus purement qu'à Versailles, parce que nos belles dames ne se piquent pas de savoir la grammaire. Diderot est tout étonné de ce qu'il a vu et entendu» [Fumaroli, 2001, p. 311].

En matière politique, on sait que Catherine II, grande admiratrice de Montesquieu et lectrice assidue de l'*Esprit des Lois*, réformera en partie la politique russe. Benjamin Franklin exportera vers les États-Unis les idées de l'*Encyclopédie* et participera à la Guerre d'Indépendance avant de rédiger avec d'autres la Déclaration d'Indépendance de 1776.

L'*Encyclopédie* sera d'ailleurs une des traductions importantes faites à l'époque en russe. Elle ne sera pas traduite entièrement; certains articles seulement seront traduits en fonction de leur intérêt. Dans un numéro de la

ническую внутрикультурную адаптацию». Переводчики того времени переводили на французский язык античную литературу, адаптируя её к нравам эпохи, вкусам Версаля и салонов. В XVIII в. произошло то, что во Франции называется *победой новых над древними*. О классическом наследии постепенно забыли и стали обращаться к современной литературе, преимущественно английской. Это была эпоха англomanии. Однако в то же время интересовались и немецкой, испанской, итальянской, русской и даже арабской культурой; создавались произведения «в турецком стиле». Это уже «синхроническая межкультурная адаптация». Франция отошла от «самокопания» и открылась другим культурам. В итоге французский язык стал языком дипломатии, сохранив этот статус до 1918 г. В европейских странах появилась мода на всё французское, и Россия в этом смысле не была исключением.

Таким образом, XVIII век стал, по моему мнению, временем начала культурного обмена с другими странами, в том числе и с Россией, что проявилось в переводах с русского на французский и наоборот. Это была эпоха Просвещения. Величайшие европейские суверены гордились тем, что говорят и пишут по-французски: будь то Фридрих, король Пруссии, шведский король Густав III, принц де Линь или Екатерина II, которую французскому языку научила гувернантка. Екатерина II была увлечена философией Просвещения, вела переписку с Вольтером и даже пригласила Ж.Л. д'Аламбера в качестве воспитателя для своего сына, будущего императора Павла I, а также позволила Д. Дидро напечатать «Энциклопедию» в Риге. Она выкупила библиотеки Дидро и Вольтера.

Отрывок из письма Вольтера госпоже дю Деффан свидетельствует о любви ко всему французскому при дворе Екатерины Великой: «Нет ничего удивительнее, чем собрание всех французских прелестей в стране, где пятьдесят лет назад жили одни медведи... При дворе императрицы по-французски говорят лучше, чем в Версале, так как наши дамы грамматикой себя не утруждают. Дидро был необычайно удивлён тем, что здесь видел и слышал» [Fumagoli, 2001, p. 311].

Екатерина II, большая почитательница Монтескьё, внимательно изучила его трактат «О духе законов» и провела ряд соответствующих реформ в области политики. Бенджамин Франклин распространил в Соединённых Штатах идеи энциклопедистов и участвовал в Войне за независимость, после чего принял участие в составлении текста Декларации независимости 1776 г.

Перевод «Энциклопедии» на русский язык имел большое значение для того времени, хотя переведены были далеко не все статьи. В одном из номеров *Revue des études slaves* за 1965 г. П. Берков пишет: «Российские газеты того времени, петербургские и москов-

Revue des études slaves de 1965, Berkov étudie remarquablement le succès de l'*Encyclopédie* en Russie. En voici un court extrait: «Les journaux russes du temps, les *Nouvelles de Saint-Pétersbourg* et les *Nouvelles de Moscou*, informaient leurs lecteurs de la publication de chacun des tomes de l'*Encyclopédie* et des suppléments illustrés. On en parlait dans la correspondance privée, on en faisait des citations; des articles étaient traduits et publiés à part, et des extraits étaient édités sur tel ou tel sujet» [Berkov, 1965, p. 48].

Longinov, un historien de la littérature, a publié en 1857 un article dans la revue *Sovremennik*, consacré aux *Traductions tirées de l'Encyclopédie*, qui furent éditées en 1767 à Moscou: 27 articles portant sur différents domaines scientifiques avaient été traduits à l'époque, mais dans les années suivantes des centaines d'autres seront traduits. Longinov commente les choix traductifs des traducteurs, la sélection des originaux; bref, il y a là déjà les prémices d'une traductologie. Un autre grand érudit, Štrange, qui est à mon sens un grand traductologue russe méconnu du 20e siècle dans la mesure où il s'intéresse à l'histoire de la traduction, a étudié le lien entre la traduction russe de l'*Encyclopédie* et le développement de la libre pensée dans plusieurs cours de l'université. Selon lui, la traduction de l'*Encyclopédie* s'est interrompue à cause la grande révolte paysanne de 1773–1775. Dans un très intéressant article, *L'Encyclopédie de Diderot et les traducteurs russes* [Annuaire d'études françaises..., 1961, p. 76–87], Štrange dresse un portrait idéologique des traducteurs.

Toujours dans ce 18e siècle qui vit la naissance de l'Université Lomonossov de Moscou (1755), je me dois de citer Trediakovskij, qui fut traducteur et devint ensuite secrétaire de l'Académie des Sciences en 1735. Trediakovskij versa en russe Boileau et Rollin. Trediakovskij est tout à fait de son époque puisqu'il tente de limiter au maximum les slavonismes; il se fait ainsi l'écho du classicisme français en Russie et pourtant, il était détesté par Catherine II (mais pour d'autres raisons il est vrai...). Il faut lui rendre justice: il traduisit en russe plus de 12.000 pages françaises. Il séjourna à Paris, où il se lia d'amitié avec l'abbé Girard, académicien et auteur de *Justesse de la langue française* (1718), texte que Trediakovskij admirait. C'est l'abbé Girard qui publiera la première traduction d'un texte russe en français, l'*Oraison funèbre de Pierre-le-Grand* de Théophane Prokopovič (Saint-Pétersbourg, 1725), qui sera éditée dans le *Journal des Savants* (1726).

Je ne pourrais passer sous silence l'influence de Mikhaïl Lomonossov, à la fois sur la langue russe, mais aussi indirectement sur la traduction. Lorsqu'il écrit en 1755 la première *Grammaire russe*, il fixe la langue et en fait un support littéraire qui sera remarquablement utilisé un peu plus tard par

ские “Ведомости”, сообщали читателям о публикации каждого тома “Энциклопедии” и иллюстрированных приложений. О ней говорили в частной переписке, её цитировали; отдельные статьи и выдержки переводились и издавались самостоятельно» [Верков, 1965, р. 48].

Историк литературы М.Н. Лонгинов опубликовал в 1857 г. в журнале «Современник» статью, посвящённую переводам из «Энциклопедии», изданным в Москве в 1767 г. Он отмечает, что тогда было переведено 27 статей по различным научным направлениям. В последующие годы появились переводы сотен других статей. Лонгинов комментировал переводческие решения, отбор статей для перевода. Словом, это были первые шаги на пути к переводоведению. Другой видный учёный, М.М. Штранге, замечательный и, на мой взгляд, недооценённый русский переводовед XX в., изучал связь между русским переводом «Энциклопедии» и развитием свободной критической мысли в университетах. Он утверждал, что перевод «Энциклопедии» был прерван из-за крестьянского восстания 1773—1775 гг. В своей чрезвычайно интересной статье «“Энциклопедия” Дидро и её русские переводчики» [Французский ежегодник..., 1961, с. 76—87] Штранге составил идеологический портрет переводчиков, познакомивших русского читателя с трудом французских энциклопедистов.

В том же XVIII веке, когда был основан и Московский университет (1755), важной фигурой является В.К. Тредиаковский, поэт и переводчик, ставший в 1735 г. секретарём Академии наук. Тредиаковский перевёл на русский Буало и Роллена. Он в полной мере отражал дух своей эпохи, пытаясь максимально ограничить употребление славянизмов, — это своего рода эхо французского классицизма в России; тем не менее Екатерина II его не жаловала (впрочем, на то у неё были свои причины). Надо отдать ему должное: он перевёл с французского на русский более 12 тысяч страниц. Какое-то время он жил в Париже, где подружился с аббатом Жираром, членом Французской академии и автором книги «Точность французского языка» (1718), которой Тредиаковский восхищался. Аббату Жирару принадлежит первый перевод с русского на французский язык «Слова на погребение Петра Великого» Феофана Прокоповича (СПб., 1725), опубликованный в *Journal des Savants* в 1726 г.

Нельзя не упомянуть о влиянии М.В. Ломоносова — как на русский язык, так и опосредованно на перевод. Написав в 1775 г. «Российскую грамматику», он зафиксировал языковые нормы, тем самым фактически заложив основу литературного языка, которым в дальнейшем мастерски пользовался Пушкин. Первая рос-

Pouchkine. Cette première grammaire russe est publiée environ un siècle après les *Remarques sur la langue française* de Vaugelas (1647), que l'on peut considérer comme la grammaire de l'Académie française. Il s'agit pour Lomonossov comme pour Vaugelas de fixer la langue, de la réguler dans son fonctionnement. En France, il s'agissait d'écarter les dialectes, les patois, les parlers des provinces; chez Lomonossov, il s'agira aussi de normaliser le russe (c'est cette volonté que l'on retrouve dans sa *Théorie des trois styles*) et de créer en quelque sorte un russe littéraire. Lomonossov veut bannir l'utilisation de vocables étrangers ou barbares et se prononce en faveur d'une langue russe fondée sur son histoire.

Il y a là, comme chez un Wilhelm von Humboldt pour l'allemand, une volonté d'affirmer la grandeur et même la suprématie de la langue russe. Dans sa dédicace (c'était la mode et même une obligation à l'époque, que l'on retrouve aussi en France) à l'impératrice Elisabeth Petrovna, il écrit: «Maîtresse de plusieurs langues, la langue russe n'est pas seulement supérieure à toutes celles d'Europe par l'étendue des pays où elle règne, elle l'est aussi par son ampleur et par sa richesse propres. Cela semblera incroyable aux étrangers et à certains Russes d'origine qui ont plus consacré leurs travaux aux langues étrangères qu'à la leur. Mais celui qui, non influencé par les hautes opinions établies sur ces langues étrangères portera sur la langue russe son intelligence et s'appliquera à l'approfondir, sera d'accord avec moi» [Masline, 2010, p. 502].

Ce que je veux signifier, c'est que Lomonossov parle implicitement de traduction. Quand il bannit les mots étrangers, il pense à la contamination interlinguistique que peut provoquer la traduction; quand il célèbre la grandeur de la langue russe, il affirme *ipso facto* qu'elle celle-ci a les moyens d'accueillir par la traduction les grandes œuvres étrangères. C'est, en termes traductologiques, un plaidoyer pour le ciblisme, un programme de traduction qui prend en compte le récepteur.

On pourrait discuter longtemps de cette problématique, mais cela demanderait une étude plus longue. Au 19e siècle, tout lecteur des grands écrivains russes sait que les mots et expressions en langue française sont légion dans les œuvres originales russes, qu'il s'agisse de Pouchkine, de Tolstoï (peut-être à mon sens l'écrivain le plus emblématique à ce propos) et de bien d'autres encore. *Guerre et Paix* contient de nombreux passages entiers écrits en français, ce qui est un bon exemple de la francophilie qui régnait en Europe à partir du 18e siècle.

Après cette introduction un peu longue, mais nécessaire je crois pour mettre les choses en place, je voudrais maintenant m'attaquer à la traductologie russe du 20e siècle, qui se confond en grande partie avec la période soviétique.

сийская грамматика вышла в свет почти век спустя после «Заметок о французском языке» К. Вожла (1647), которые можно считать грамматикой Французской академии. Как и Вожла, Ломоносов сыграл важную роль в становлении и нормировании родного языка. Во Франции такая работа означала исключение диалектов, патуа и местных говоров. Ломоносову также нужно было нормировать русский язык (именно это мы и видим в его учении о трёх штилях) и в каком-то смысле создать литературный язык. Он хотел очистить язык от иностранных слов, варваризмов и выступал за тот русский язык, который сформировался естественным путём.

Здесь прослеживается аналогия с деятельностью В. фон Гумбольдта в отношении немецкого языка — желание показать всё величие и даже превосходство русского языка. В своём посвящении императрице Елизавете Петровне (в то время в России, как и во Франции, подобные обращения были данью моде, а иногда даже носили обязательный характер) Ломоносов пишет: «Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упреждённый великими о других мнениями, прострёт в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится» [Masline, 2010, p. 502].

Иными словами, Ломоносов имплицитно говорил о переводе. Запрещая иностранные слова, он опасался засорения языка, к которому может привести перевод. Когда он прославлял величие русского языка, он тем самым утверждал, что в нём есть все необходимые ресурсы для перевода выдающихся произведений иностранной литературы. Выражаясь научным языком, мы можем здесь говорить о так называемом целевом подходе, т.е. переводческом принципе ориентации на читателя.

Можно долго обсуждать этот вопрос, но это требует более детального изучения. В XIX в. каждый русский читатель знал, что французские слова и выражения буквально наводнили произведения отечественных авторов, в частности Пушкина и Толстого. Последний, как мне представляется, наиболее показателен в этом отношении. «Война и мир» содержит множество страниц, написанных полностью на французском языке, что говорит о галломании, господствовавшей в Европе с начала XVIII в.

После этого длинного, но, на мой взгляд, необходимого введения обратимся к переводоведению России XX в., которое развивалось в основном в советский период.

L'ECOLE RUSSE DE TRADUCTION AVANT FEDOROV

Jusqu'en 1920 environ, on peut dire que les théoriciens russes considèrent que toute traduction est impossible parce qu'elle ne peut atteindre une fidélité absolue au texte original. Dans ses *Principes de traduction littéraire*, F.D. Batiouchkov écrivait entre autres que «aucune traduction, même la plus parfaite, ne peut remplacer entièrement la lecture d'une oeuvre littéraire dans l'original» [Batiouchkov et al., 1920, p. 10]. C'est une conception que je trouve «dans l'air du temps» et que Mounin appellera plus tard «objection préjudicielle». Sous l'influence du réalisme socialiste et à partir des années 1930, les théoriciens russes commenceront à délaisser cette conception trop rigoriste, trop inflexible de la traduction pour lui préférer l'idée d'une *correspondance fonctionnelle* entre l'original et la traduction. L'important n'est plus alors d'obtenir une fidélité absolue, idéal inaccessible selon les théoriciens précédents, mais de créer un texte équivalent en langue d'arrivée. En d'autres termes, il ne faut plus une égalité de textes, mais une identité de résultat.

En 1934, A.A. Smirnov publie un article où il met en évidence la notion d'adéquation, laquelle fait appel à des équivalences directes ou à des substituts. La théorie de Smirnov est systémique et considère le texte à traduire non comme une succession de phrases et de paragraphes modulaires, mais comme une entité globale dont les éléments ne peuvent être traduits séparément. C'est ce qui conduisit les traducteurs littéraires à privilégier la fonction esthétique de l'original, estimant que c'est elle qui constitue l'essence de l'oeuvre. Lozinsky, le merveilleux traducteur de Shakespeare et de Corneille, disait de la traduction poétique: il faut «créer la même impression que l'original» [Lozinsky, 1955, p. 166] («vpečatlenie», au sens étymologique du terme). Cette prise de position est assez logique lorsque l'on sait que la traduction littéraire, riche d'une longue tradition en Russie, fut aux mains d'orfèvres de la langue comme Pouchkine ou Biélinky.

C'est cet héritage culturel qui influencera Maxime Gorki, lequel avait aussi une activité de rédacteur, de critique et de directeur de traductions. Gorki fonda en 1918 à Petrograd l'édition d'Etat *Littérature universelle*, qui avait pour objectif de rassembler systématiquement, sous forme de traductions originales ou revues, les oeuvres les plus remarquables des littératures étrangères. Soucieux d'une qualité irréprochable, Gorki organisa sous les auspices de la maison d'édition un «studium», un conservatoire spécial pour traducteurs. On sait que Blok était responsable de la littérature allemande, que Tchoukovskij et Zamiatine s'occupaient de la littérature anglo-saxonne, et que Goumiliov supervisait la littérature française. En 1920, la maison d'édition publia aussi le premier manuel de traduction en langue

РУССКАЯ ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ШКОЛА ДО ФЁДОРОВА

Примерно до 1920 г. русские теоретики считали, что перевод в принципе невозможен, поскольку он не может точно соответствовать оригиналу. Ф.Д. Батюшков, в частности, писал, что «ни один перевод, даже самый совершенный, не может вполне заменить чтение художественного произведения в подлиннике» [Батюшков и др., 1920, с. 10]. По моему мнению, эта концепция соответствует духу того времени. Именно её Ж. Мунен позже назвал «*objection préjudicielle*». В 1930-е гг. под влиянием социалистического реализма русские теоретики начали отходить от этой достаточно жёсткой концепции, отдавая предпочтение идее «функционального соответствия» между текстами оригинала и перевода. Основной задачей теперь было не достижение абсолютной верности в переводе, а создание эквивалентного текста на языке перевода. Другими словами, отныне требовалась не тождественность текстов оригинала и перевода, а равный эффект от них.

В 1934 г. А.А. Смирнов опубликовал статью, в которой описал понятие *адекватности*, предполагавшей использование прямых соответствий или замен. Его теория является системной и рассматривает текст оригинала не как последовательность отдельных предложений и абзацев, а как единое целое, элементы которого не могут переводиться отдельно. По этой причине переводчики художественной литературы на первое место ставили эстетическую функцию оригинала, считая, что именно она составляет сущность произведения. Выдающийся переводчик Шекспира и Корнеля М.Л. Лозинский писал: поэтический перевод должен произвести «то же впечатление, что и подлинник» [Лозинский, 1955, с. 166]. Такая позиция вполне логична, поскольку художественным переводом в России издавна занимались мастера слова — как, к примеру, Пушкин и Белинский.

Это культурное наследие повлияло впоследствии на творчество Максима Горького, который занимался редактированием, критикой и изданием переводов. В 1918 г. в Петрограде Горький основал государственное издательство «Всемирная литература», где должны были публиковаться оригинальные и пересмотренные переводы выдающихся произведений зарубежной литературы. В стремлении к безупречному качеству переводов, Горький под эгидой издательства основал специальную студию для переводчиков. Известно, что А.А. Блок отвечал за немецкую литературу, К.И. Чуковский и Е.И. Замятин — за англосаксонскую, а Н.С. Гумилёв — за французскую. В 1919 г. издательство опубликовало первый учебник по переводу на русский язык — брошюру под названием «Принципы художественного перевода», посвящённую основам перевода поэзии и прозы. Всё это позволило широкому кругу читателей получить

russe: il s'agit de la brochure *Principes de traduction littéraire*, déjà évoquée plus haut, consacrée aux bases de la traduction de prose et de poésie. Ce travail de fond permit de mettre à la portée d'un nombre toujours plus important de lecteurs des traductions d'une qualité souvent remarquable, même si parfois trop littérales à force de vouloir respecter, coûte que coûte, une fidélité absolue à l'original. C'est ainsi que l'on publia pour la France les traductions des œuvres de Voltaire, de Balzac, de Hugo, des frères Goncourt, de Flaubert, de Maupassant ou de Daudet.

Il y avait parfois à l'époque, comme je viens de le signaler, confusion entre fidélité et littéralité, d'où la mode des traductions juxtalinéaires. L'extraordinaire soumission au contenu sémantique et aux particularités formelles de l'original donnait des traductions «linéaires» qui ne tenaient que peu compte des caractéristiques et des exigences du russe. Ici encore, on peut faire un parallèle avec la France. La tradition des traductions juxtalinéaires remonte aux jésuites; il faut y voir le souci de transparence linguistique entre l'original et sa traduction et une stratégie traductive qui opère par correspondances de signifiants plutôt que par équivalences. C'est une sacralisation de l'original qui est caractéristique de la traduction religieuse et qui aboutit au littéralisme.

Gorki n'était pas seulement «un producteur de traductions», il introduisit aussi la planification des œuvres à traduire, dont le programme était à la fois qualitatif et quantitatif. L'extraordinaire diversité des originaux choisis et le foisonnement des traductions publiées semblaient alors avoir fait un sort au problème de l'objection préjudicielle.

L'engagement de l'Etat dans l'activité traduisante se matérialisera aussi dans la traduction des œuvres nationales des peuples frères, qu'ils appartiennent à l'Union Soviétique ou aux pays satellites. Le premier *Congrès des écrivains de l'U.R.S.S.*, tenu en 1934, joua un rôle important en la matière. Cet engagement est autant politique que littéraire comme en témoigne clairement une missive envoyée par Gorki lui-même au rédacteur d'une revue azerbaïdjanaise des kolkhozes: «...il va de soi que cela accélérerait de manière importante la création d'une culture socialiste unique, grandiose, redoutable, à même de réformer le monde entier» [Gorki, 1955, p. 365–366] (traduction personnelle).

ANDREI V. FEDOROV

Fédorov est un traducteur russe originaire de Saint-Pétersbourg. Il publia en 1953 une *Introduction à la théorie de la traduction (Vvedenie v teoriju perevoda)*, Moscou, Institut des littératures en langues étrangères). Le livre fut réédité en 1958, dans une édition refondue. Une 3e édition fut

доступ к переводам высокого качества, хотя иногда и слишком дословным в связи со стремлением во что бы то ни стало сохранить абсолютную верность оригиналу. Были изданы, в частности, переводы произведений Вольтера, Бальзака, Гюго, братьев Гонкур, Флобера, Мопассана и Доде.

Как было упомянуто выше, раньше существовала некая путаница между «верностью» и «дословностью», откуда и возникла мода на подстрочный перевод. Такой «линейный» перевод полностью подчинялся смысловому содержанию и формальным особенностям оригинала, но в то же время в нём не учитывались особенности русского языка. Здесь также наблюдается определённое сходство с Францией, где традиция подстрочных переводов восходит к иезуитам. Они стремились к языковой прозрачности между оригиналом и переводом и использовали переводческую стратегию, основанную скорее на параллелизме означающих, а не на поиске соответствий. Подобная «сакрализация» оригинала, характерная для перевода религиозных текстов, приводит к буквализму.

М. Горький не только занимался изданием переводов, но и создал целую программу работы с произведениями для перевода, которая принимала во внимание и качественные, и количественные факторы. Казалось, огромное разнообразие выбранных произведений и изобилие опубликованных переводов разрешило проблему «*objection préjudicielle*».

Вовлечённость государства в переводческую деятельность проявлялась в переводе произведений национальной литературы братских народов Советского Союза и дружественных ему государств. Первый всеобщий съезд писателей СССР, состоявшийся в 1934 г., сыграл не последнюю роль в этом отношении. Здесь уместно будет привести цитату из письма Горького, адресованного редактору одной азербайджанской колхозной газеты: «Идеально было бы, если бы каждое произведение каждой народности, входящей в Союз, переводилось на языки всех других народностей Союза. В этом случае мы все быстрее научились бы понимать национально-культурные свойства и особенности друг друга, а это понимание, разумеется, очень ускорило бы процесс создания той единой социалистической культуры, которая, не стирая индивидуальные черты лица всех племён, создала бы единую, величественную, грозную и обновляющую весь мир социалистическую культуру» [Горький, 1955, с. 365–366].

А.В. ФЁДОРОВ

А.В. Фёдоров — русский переводчик, уроженец Санкт-Петербурга. Его книга «Введение в теорию перевода» (М.: Институт иностранной литературы, 1953) в 1958 г. была переиздана в исправлен-

programmée en 1968, mais avec un titre nettement remanié: *Osnovy obščej teorii perevoda (lingvističeskij očerk)*, Moscou, éd. *Vyššaja Škola*.

La 3e édition indique clairement que Fédorov adopte une vision linguistique de la traductologie. Ce qui fait le texte, c'est la langue et c'est donc celle-ci qu'il convient d'étudier.

Par ailleurs, Fédorov emprunte à Smirnov est la notion d'**adéquation** (*adekvatnost'*), qu'il rebaptise **équivalence**. L'adéquation signifie, dans l'esprit de Fédorov, une correspondance fonctionnelle à l'original et une justification des procédés de traduction [Fédorov, 1968, p. 149].

Son ouvrage revendique la sujétion de la traduction au domaine de la linguistique. Il s'agit d'un livre polymorphe, qui traite à la fois d'histoire de la traduction, de typologie des textes et de traduction poétique. Pour preuve, le chapitre 2 s'intitule «Histoire de la traduction avant le marxisme» et le chapitre 3 «Résumé de l'opinion de Marx, Engels et Lénine sur la traduction».

Fédorov insiste sur la nécessité pour le traducteur d'être armé d'un bagage linguistique à toute épreuve (en philologie, en stylistique et en métrique notamment, ce qui s'explique par le fait que Fédorov est surtout un traducteur littéraire). C'est surtout l'édition amendée de 1964 qui insiste sur ce point.

Le lien avec la traductologie française est évident. C'est en 1958 que Vinay et Darbelnet publient leur *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Cette méthode de traduction, étudiée dans de nombreuses écoles de par le monde, est un plaidoyer pour une conception linguistique de la traductologie. Le tournant sociolinguistique incarné par Nida ne verra le jour que dans les années 1960. Juste avant la 3e édition du livre de Fédorov, Georges Mounin avait publié chez Gallimard *Les Problèmes théoriques de la traduction* (1963), fruit d'une thèse présentée en Sorbonne, et qui marque l'entrée décisive de la traductologie dans la chasse gardée de la linguistique. Fédorov est donc tout à fait de son époque et il convient de souligner que ce sont essentiellement Mounin et Cary qui ont introduit et fait connaître la pensée de Fédorov en France. Mounin avait appris le russe en autodidacte et s'était essayé à la traduction poétique, notamment celle des œuvres de Pasternak. Edmond Cary, de son vrai nom Cyrille Znosko-Borovski, était comme Fédorov originaire de Saint-Pétersbourg, mais avait fait toute sa carrière d'interprète en France, notamment à l'Unesco.

L'HERITAGE DE FEDOROV

Paradoxalement, l'après-guerre et singulièrement la guerre froide n'entrouveront pas le développement de la traduction en URSS. La revue *Litté-*

ном и дополненном виде, третье издание вышло в 1968 г., но уже под другим названием [Фёдоров, 1968].

Третье издание чётко указывает на то, что Фёдоров берёт за основу лингвистический подход к теории перевода. Текст создаётся посредством языка; следовательно, изучать нужно язык.

Фёдоров заимствует у Смирнова понятие *адекватности*, которую он называет *эквивалентностью*. По Фёдорову, адекватность представляет собой функциональное соответствие оригиналу и обоснование выбора способов перевода [там же, с. 149].

В своей книге Фёдоров говорит о необходимости подчинения перевода лингвистическому подходу. Эта работа охватывает множество аспектов: и историю перевода, и типологию текстов, и поэтический перевод. К примеру, вторая глава называется «Из истории перевода и переводческой мысли до появления марксизма», а третья — «Маркс, Энгельс, Ленин о переводе».

Фёдоров настаивает на том, что переводчик должен обладать богатым багажом лингвистических знаний (в частности, в области стилистики и метрики; такую позицию можно объяснить тем, что Фёдоров был в основном переводчиком художественной литературы). Это в большей степени прослеживается в исправленном издании книги.

Связь с французским переводоведением очевидна. В 1958 г. Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне опубликовали «Сопоставительную стилистику французского и английского языков». Предложенный ими метод, изучаемый во многих школах по всему миру, отстаивает лингвистическую концепцию перевода. Социолингвистический поворот, осуществлённый Ю. Найдой, произошёл лишь в 1960-х гг. За несколько лет до выхода в свет третьего издания книги Фёдорова Ж. Мунен опубликовал работу «Теоретические проблемы перевода» (Gallimard, 1963), которая была написана на основе защищённой в Сорбонне диссертации и ознаменовала окончательное вхождение переводоведения в русло лингвистики. Таким образом, концепция Фёдорова полностью соответствовала переводческой мысли того времени. Необходимо отметить, что во Франции его идеи распространились во многом благодаря усилиям Ж. Мунена и Э. Кари. Мунен сам выучил русский язык и пробовал себя в переводе поэзии (например, стихотворений Б. Пастернака). Эдмон Кари (наст. имя Кирилл Зноско-Боровский), как и Фёдоров, был уроженцем Санкт-Петербурга, однако всю жизнь работал переводчиком во Франции — в частности, в ЮНЕСКО.

НАСЛЕДИЕ ФЁДОРОВА

Как ни странно, послевоенный период и даже холодная война не препятствовали развитию переводческой деятельности в СССР.

ature étrangère, créée en 1955, a manifestement joué un rôle majeur dans ce développement et le nombre de traductions publiées à l'époque va augmenter de manière très importante.

La revue *Littérature étrangère* va donner une cohérence, une ligne de conduite à la production de traductions. Elle va en quelque sorte en assurer le contrôle, ce qui va améliorer la qualité des traductions et sonner le glas du procédé juxtalinéaire. A titre d'exemple, je mentionnerai que l'*Union des écrivains de l'U.R.S.S.* organisa dans les années 1950–1960 plusieurs conférences sur la traduction pour condamner le procédé juxtalinéaire.

À partir de 1950, l'essor de la traductographie (production de traductions) va naturellement entraîner le développement d'une véritable traductologie, matérialisée par la publication de nombre de livres, d'articles et de manuels consacrés à la théorie et à la pratique de la traduction. Sur ce plan, URSS et Occident sont tout à fait comparables. C'est en effet à la même époque que la profession s'organise en Europe occidentale, par la création de la FIT en 1953 et de la SFT en 1947, sous l'impulsion magistrale de Pierre-François Caillé, le traducteur nantais de *Autant en emporte le vent* et d'Edmond Cary, l'auteur du remarquable *Les grands traducteurs français*.

Sur le plan professionnel, la FIT édita aussitôt sa revue *Babel* et la SFT publia *Traduire*, lesquelles sont aujourd'hui encore des revues de référence. Dès 1955, le *Journal des traducteurs*, devenu *Meta* en 1966, verra aussi le jour. Cette dernière revue a pris depuis de nombreuses années un virage plus théorique.

Les années 1950–1960 marquent un tournant dans l'histoire de la traduction et de la traductologie. Elles se caractérisent par l'abandon progressif de l'option linguistique si chère à Fédorov ou à Vinay et à Darbelnet, au profit d'une traductologie pluridisciplinaire, c'est-à-dire libérée du carcan linguistique qui la tenaillait.

En Union Soviétique, ce changement est incarné par Kachkin dont l'influence demeure aujourd'hui encore en Russie. Son article *La méthode et l'école soviétiques de traduction littéraire* [Kachkin, 1954, p. 152] montre à quel point la traduction est une affaire d'Etat en Union Soviétique, ce qui rappelle la traduction française du 14e siècle et l'action de Charles V le Sage. Kachkin dilate le concept de traductologie et élargit l'approche linguistique à la philologie. Il fait de la traductologie une science-carrefour et intègre, dix ans avant Nida, l'élément sociolinguistique dans ses réflexions. Il revendique une «traduction réaliste», capable d'intégrer les disciplines annexes dans sa théorisation.

Основание в 1955 г. журнала «Иностранная литература» сыграло в этом отношении не последнюю роль. Количество переводов начало расти небывалыми темпами.

Деятельность журнала «Иностранная литература» способствовала выработке единых норм и единой стратегии в создании перевода. Это в какой-то степени усилило контроль над процессом и, как следствие, привело к улучшению качества переводов и ознаменовало отход от дословного перевода. Например, Союз писателей СССР в 1950–1960-е гг. проводил переводческие конференции, целью которых было осуждение дословного перевода.

Начиная с 1950-х гг. интерес к переводоведению (истории создания переводов) привёл к развитию переводоведения в полном смысле этого слова, что проявилось в публикации множества книг, статей и учебников по теории и практике перевода. Подобная тенденция наблюдалась и на Западе. Именно в это время в Западной Европе формировалась профессия переводчика: в 1953 г. была основана Международная федерация переводчиков (FIT), а в 1947 г. во Франции — Французское общество переводчиков под руководством Пьера-Франсуа Кайе, который перевёл роман «Унесённые ветром», и Эдмона Кари, автора книги «Великие французские переводчики».

Кроме того, стали появляться специализированные периодические издания: под эгидой FIT был основан журнал *Babel*, а под эгидой Французского общества переводчиков — журнал *Traduire*. С 1955 г. начал издаваться *Journal des traducteurs*, в 1966 г. переименованный в *Meta*; он уже долгое время отличается в большей степени теоретической направленностью.

Можно сказать, что 1950–1960-е годы стали переломным моментом в истории перевода и переводоведения. Этот период характеризовался постепенным отходом от лингвистического подхода, которого придерживались Фёдоров, Вине и Дарбельне, в пользу междисциплинарного. Таким образом, переводоведение освободилось от оков лингвистики, которые тягощали его до этого времени.

В СССР эти изменения произошли благодаря И.А. Кашкину, чьё влияние на русское переводоведение сохранилось вплоть до наших дней. Его статья «О методе и школе советского художественного перевода» показывает, до какой степени государство оказывало влияние на перевод [Кашкин, 1954, с. 152], что напоминает ситуацию во Франции XIV в., и в частности политику Карла V Мудрого. Кашкин расширил понятие переводоведения и развил лингвистический подход до филологического. Переводоведение у него стало цельной дисциплиной, находящейся на стыке других наук. Он ввёл в свои размышления социолингвистический аспект, на десять лет опередив Ю. Найду. Кашкин отстаивал метод «реалистического перевода», который позволил ему включить в свои рассуждения вспомогательные дисциплины.

Kachkin a ouvert un large chantier réflexif dans le domaine de la planification des traductions, dont deux éléments me paraissent dignes d'être mentionnés ici:

- 1) une grande créativité dans les traductions et une absence de dogmatisme dans les principes à respecter;
- 2) la fondation d'un organisme scientifique chargé de coordonner la rédaction et la publication des traductions.

Ce dernier élément est sans doute essentiel. La création des maisons d'édition soviétiques, dont *Littérature universelle*, répondait à la volonté de publier les traductions de manière plus scientifique.

Les années 1970–1980 verront l'émergence de nombreuses publications en matière de traductions, consacrées notamment à la didactique de la traduction. Ce phénomène est tout à fait normal quand on sait que les études de traduction vont se développer dans les universités russes. Les professeurs prennent en quelque sorte le relais des linguistes et des littéraires. Un juste retour des choses, dans la mesure où la théorisation, à savoir l'objectivation des pratiques au sein de l'université, a permis de renoncer à l'artisanat et à la pléiade de traducteurs improvisés. Cette «académisation» de la traduction a créé une profession, des règles déontologiques et a, *in fine*, grandement amélioré la qualité générale des traducteurs et donc de leurs traductions.

UNE TRADUCTOLOGIE SOVIETIQUE

Comme j'ai essayé de le montrer de manière plus approfondie par ailleurs [Balliu, 2005], il existe véritablement une traductologie soviétique, dans la mesure où une ligne directrice a dominé la pratique de la traduction pendant la totalité du régime. Cette ligne a été imposée dès les premières années depuis le sommet de l'État, avant que le flambeau ne soit repris par les professeurs d'universités. Il est indéniable que, plus qu'en Occident, la réflexion traduisante s'est développée dans le giron universitaire, certainement après la fin de la Seconde Guerre Mondiale. L'hégémonie de la Russie sur les autres Républiques avait imposé la langue russe à l'ensemble du pays et diminué de manière considérable l'impact de la profession sur la théorisation. C'est cette académisation de la traductologie en URSS qui explique la toute-puissance exercée dans un premier temps par la linguistique sur la discipline. L'omniprésence de l'État a aussi anémié la création d'as-

Кашкин создал масштабную исследовательскую базу для осуществления перевода. Наиболее существенными мне кажутся два следующих принципа:

- 1) творческое своеобразие перевода и отсутствие догматизма в соблюдаемых принципах;
- 2) учреждение научного отдела, отвечающего за редактирование и публикацию переводов.

Последний принцип, возможно, представляет наибольший интерес. Создание государственных издательств, таких как «Всемирная литература», отвечало стремлению к изданию переводов, выполненных на строго научных основаниях.

В 1970–1980-е гг. было опубликовано много работ по переводоведению, посвящённых, в частности, дидактике перевода. В российских университетах начала развиваться практика преподавания перевода. В какой-то степени преподаватели перевода сменили лингвистов и литературоведов, и это было логично: объективация процесса обучения переводу в университетах позволила перестать воспринимать перевод как ремесленническую деятельность, носящую импровизированный характер. Академизация перевода привела к созданию профессии, профессиональной этики и, наконец, в значительной степени способствовала росту профессионализма переводчиков и, как следствие, улучшению качества переводов.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

На основании приведённых здесь размышлений [Balliu, 2005] становится ясно, что в СССР действительно существовало переводоведение в полном смысле этого слова. Основной его чертой было наличие господствовавшей идеи, оказывавшей влияние на практику перевода на протяжении всего советского периода. Эта идея была навязана на самом высоком государственном уровне; позже она перекочевала в стены университетов. Неоспорим тот факт, что после окончания Второй мировой войны в СССР в большей степени, чем на Западе, размышления о переводе развивались в университетской среде. Господство России над другими республиками навязало русский язык всей стране и ослабило влияние практики перевода на теорию. Переводоведение в СССР стало научной дисциплиной, которая подчинялась языкознанию. Определяющая роль государства в области перевода тормозила создание профессиональных союзов переводчиков. Иными словами, преподавание перевода в университетах было исключительно нормативным, а правила, регулирующие межъязыковой обмен, носили императивный характер.

sociations professionnelles de traducteurs. Autrement dit, l'enseignement universitaire de la traduction était fondamentalement normatif; la régulation du transfert interlinguistique était impérative.

CONCLUSION

Cette étude vise à démontrer que la traduction est une activité toujours sociologiquement déterminée: le traducteur est de son époque, dans tous les aspects de son travail, qu'il s'agisse de ses stratégies de traduction, du choix des originaux, des modes qu'il va suivre ou de la censure qui lui est imposée. Sa responsabilité est énorme à mesure que la mondialisation s'installe. Pour ce qui est de la Russie, mais cela est vrai aussi de nombreux autres pays, comme la France et la Belgique, on lit – et surtout les jeunes – beaucoup plus de littérature de traduction que de littérature nationale. Les jeunes lecteurs russes lisent davantage Dan Brown, J.K. Rowling et d'autres best-sellers étrangers en traduction que des originaux russes, qu'ils soient contemporains ou classiques.

Les quelques réflexions livrées dans ce cadre sont tout à fait personnelles. Elles illustrent ma propre lecture de la traductographie et de la traductologie russes. Ces réflexions comportent inévitablement des lacunes et des erreurs d'appréciation. Notamment parce que la culture russe y est étudiée à travers un regard étranger, extérieur, à qui il manque certainement le «vécu russe». C'est dans cette optique qu'il convient de lire ce qui précède.

Bibliographiques

Batiouchkov, F.D., Goumiliov, N., Tchoukovskij, K. Principes de traduction littéraire, 2e éd., Saint-Petersbourg, 1920, 59 p.

Berkov, P.N. Histoire de l'Encyclopédie dans la Russie du XVIIIe siècle, *Revue des études slaves*, 1965, vol. 44, № 1, p. 47–58.

Balliu, Chr. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique, *Meta*, 2005, vol. 50, № 3, p. 934–948.

Fumaroli, M. Quand l'Europe parlait français, Paris, éd. de Fallois, 2001, 489 p.

Kachkin, I.A. La méthode et l'école soviétiques de traduction littéraire, *Znamja*, 1954, № 10, p. 141–153.

Lozinsky, M.L. Amitié des peuples, 1955, № 7.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эта статья показывает, что перевод — это всегда социально детерминированная деятельность. Переводчик во всём следует тенденциям своей эпохи: и в переводческих стратегиях, и в выборе произведений, и в способах перевода, и в навязанной ему цензуре. Его ответственность становится колоссальной в условиях растущей глобализации. В России (а также во многих других странах, включая Францию и Бельгию) люди читают — и по большей части это касается молодёжи — в основном переводную, а не отечественную литературу. Российская молодёжь предпочитает популярных зарубежных писателей, таких как Дэн Браун и Джоан Роулинг, российским авторам, будь то современные писатели или классики.

Мысли, изложенные в данной статье, носят исключительно личный характер. Они выражают моё собственное мнение о русской переводческой традиции. Вне всяких сомнений, мои размышления содержат пробелы и ошибочные оценки. Это связано прежде всего с тем, что русская культура описана здесь с точки зрения иностранного, внешнего наблюдателя, которому, разумеется, недостаёт погружения в русскую культуру. Именно с этой позиции и следует подходить к рассмотрению данной статьи.

Список литературы

- Батюшков Ф.Д., Гумилёв Н., Чуковский К.* Принципы художественного перевода. 2-е изд. Пг., 1920. 59 с.
- Batjushkov, F.D., Gumiljov, N., Chukovskij, K.* Principy hudozhestvennogo perevoda. 2-e izd. Petrograd, 1920. 59 p. (in Russian).
- Горький М.* Собрание сочинений: В 30 т. Т. 30. М.: Гослитиздат, 1955. 819 с.
- Gor'kij, M.* Sobranie sochinenij: V 30 t. T. 30. M.: Goslitizdat, 1955. 819 p. (in Russian).
- Кашкин И.А.* О методе и школе советского художественного перевода // Знамя. 1954. № 10. С. 141–153.
- Kashkin, I.A.* O metode i shkole sovetskogo hudozhestvennogo perevoda // Znamja. 1954. № 10. P. 141–153 (in Russian).
- Лозинский М.Л.* Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. 1955. № 7.
- Lozinskij, M.L.* Iskusstvo stihotvornogo perevoda // Druzhiba narodov. 1955. № 7 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Основы общей теории перевода: Лингвистический очерк. М.: Высшая школа, 1968. 396 с.
- Fjodorov, A.V.* Osnovy obshhej teorii perevoda: Lingvisticheskij ocherk. M.: Vysshaja shkola, 1968. 396 p. (in Russian).

- Masline, M.* (dir.) (traduction Françoise Lesourd), Dictionnaire de la philosophie russe, Lausanne, l'Âge d'Homme, coll. "Slavica/Idéa", 2010, 1007 p.
- Gorki, M.* Œuvres, t. 30, M.: Goslitizdat, 1955, 819 p.
- Fédorov, A.V.* Les bases d'une théorie générale de la traduction: une esquisse linguistique. M.: Vysshaya shkola, 1968, 396 p.
- Annuaire d'études françaises: 1959, M., 1961, 598 p.

- Французский ежегодник: Статьи и материалы по истории Франции. 1959. М., 1961. 598 с.
- Frantsuzskij ezhegodnik: Stat'i i materialy po istorii Frantsii. 1959. М., 1961. 598 p. (in Russian).
- Balliu, Chr.* Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique // *Meta*. 2005. Vol. 50, № 3. P. 934–948.
- Berkov, P.N.* Histoire de l'*Encyclopédie* dans la Russie du XVIIIe siècle // *Revue des études slaves*. 1965. Vol. 44, № 1. P. 47–58.
- Fumaroli, M.* Quand l'Europe parlait français. Paris: Fallois, 2001. 489 p.
- Masline, M.* (dir.). Dictionnaire de la philosophie russe. Lausanne: L'Âge d'Homme, 2010. 1007 p.

Н. В. Иванов,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России; e-mail: e-nickma@mail.ru

**ДИХОТОМИИ ПЕРЕВОДА
(к онтологическим основаниям определения
научного объекта переводоведения)**

Статья посвящена проблеме сущностного определения научного объекта переводоведения — перевода. Автор выбирает путь отрицательного определения перевода на основе метода онтологических дихотомий. Проводится аналогия между дихотомическим методом в переводоведении и дихотомическим методом, предложенным Ф. де Соссюром в языкознании, выделяются характерные особенности каждого из них. В основу проводимых дихотомий кладётся противопоставление речевой феноменологии структурной метафизике знака. Постулируется двойственность онтологии перевода, в которой выделяются коммуникативно-деятельностный и структурно-лингвистический аспекты. В каждом из аспектов проводится дальнейшая дифференциация дихотомий, выделяются критерии тождества и ближайшего родства. В рамках структурно-лингвистической онтологии перевод определяется как форма межязыкового/межкультурного контакта. Критерием видовой дифференциации служит понятие интерференции (рассматриваемое как негативный фактор перевода). В рамках коммуникативно-деятельностной онтологии перевод определяется как форма языкового посредничества. Критерием видовой дифференциации служит понятие интерпретации, которая, как считает автор, в переводе ограничена языковой формой текста. В подтверждение высказываемых теоретических положений автор приводит и анализирует ряд характерных переводческих примеров. Статья может быть интересна специалистам в области общей теории перевода и общего языкознания.

Ключевые слова: перевод, дихотомия, двуязычная коммуникация, языковой/культурный контакт, рациональный билингвизм, иррациональный билингвизм, посредничество, осмысление, переосмысление, интерференция, интерпретация, трансформация.

Nikolai V. Ivanov,

Dr. Sc. (Philology), Professor of Linguistics, Head of the Department of Romance Languages of Moscow State University of International Relations (MGIMO), Russia; e-mail: e-nickma@mail.ru

**DICHOTOMIES IN TRANSLATION:
ONTOLOGICAL DEFINITION OF SCIENTIFIC OBJECT
IN TRANSLATION STUDIES**

The paper deals with the ways of ontological definition of translation seen as the main object of translation studies. The author of the paper chooses an inverse (a.k.a. negative) approach to define the phenomenon of translation based on the method of ontological di-

chotomies. The dichotomies in translation are confronted with the Saussurian linguistic dichotomies. Specific features of each method are analyzed. As the main principle of the dichotomies, the paper opposes the speech phenomenology of the sign to the metaphysical structure of the sign. The paper postulates an ontological ambiguity of translation distinguishing two aspects of its reality: communicative activity and linguistic structure. Each aspect offers further dichotomic differentiation of the object, leading to the criteria of its ontological identity and immediate genus (Lat. *genus proximum*). Within the structural linguistic ontology translation is defined as a form of interlingual or intercultural contact. A specific difference is based on the criterion of interference (seen as a negative factor in translation). Within the communicative ontology translation is seen as a form of linguistic mediation. Yet another specific difference here is based on the criterion of interpretation, the scope of which in translation, as the author sees it, is limited to the linguistic form of the text. To corroborate the main theoretical points the paper develops an analysis of translation examples. The paper may be of interest to specialists in general linguistics and general translation studies.

Key words: translation, dichotomy, bilingual communication, lingual/cultural contact, rational bilingualism, irrational bilingualism, mediation, conceptualization, re-conceptualization, interference, interpretation, transformation.

I

Известны два способа определения научного объекта лингвистики (языка): инклюзивный (антиномический) и эксклюзивный (дихотомический). Первый был предложен В. фон Гумбольдтом. Второй последовательно реализовал в своих теоретических построениях Ф. де Соссюр. Данные методы не всегда чётко отличают один от другого ввиду наличия в них ряда чисто внешних терминологических и аналитических процедурных совпадений¹. Вместе с тем разница между двумя методами представляется принципиальной. Дело в том, что два члена антиномической оппозиции понимаются как две стороны *одной* сущности: сущность объекта является результатом их категориального сложения, совмещения. Любая односторонность — отсутствие одного из членов оппозиции или его опущение — теоретически уничтожает искомую сущность. Дихотомическая оппозиция понимается как оппозиция сущностного и не-сущностного, языкового и не-языкового. Внешне она как бы более примитивна. По мысли Ф. де Соссюра, из объектной области науки следует исключить всё не-сущностное, чтобы отрицательно понять, каким образом и где локализуется сущность научного объекта².

¹ Так, например, В.И. Кодухов в своём знаменитом учебнике называет метод Соссюра «антиномическим» [Кодухов, 1974, с. 79].

² Сошлёмся на следующие слова Соссюра: «Такова первая дихотомия (*Langue* и *Langage*. — *Н.И.*)... Надо избрать либо один, либо другой из двух путей и следовать по избранному пути независимо от другого; следовать двумя путями невозможно» [Соссюр, 1977, с. 59].

Два метода отличаются друг от друга по масштабу научного применения и по эффективности. Первый (антиномический) исторически связывался с расширительным и недифференцированным пониманием сущности языка, второй (дихотомический) подводил науку к более узкому и специальному пониманию объекта лингвистики. Так, например, для В. фон Гумбольдта категории языка³ и речи были сторонами одной сущности, одной и той же онтологической реальности. Для Ф. де Соссюра язык (в виртуальном, структурном понимании) и речь противопоставлялись друг другу как сущностное и несущностное начала: в речи — экспрессия, живое движение языковой формы, обусловленное естественными коммуникативными и когнитивными факторами; в языке — искусственная знаковость, структурный закон всякого внешнего речевого движения. Гумбольдт видел сущностное начало на стороне естественных факторов, понимая искусственную языковую знаковость как исторический результат системного становления (своеобразной структурной стагнации) естественного начала языка. Соссюр, напротив, в искусственной знаковости видел подлинную сущность и закон жизни языка. Как можно видеть, первый метод лежит в основе многочисленных естественноисторических трактовок языка и традиционно связывается с культурно-филологической парадигмой лингвистики. Второй был той питательной почвой, из которой в последующем стал вырастать лингвистический структурализм. Исторически переход к дихотомическому методу знаменовал собой дальнейшую специализацию, предметное обособление лингвистики в составе филологии, окончательное утверждение её в своих правах как самостоятельной научной дисциплины.

Наверное, можно считать историческим парадоксом тот факт, что в предметном развитии лингвистики антиномический метод (более тонкий и совершенный по открывающимся возможностям анализа) предшествовал дихотомическому (в целом более ограниченному и грубому). Реальный исторический опыт часто не совпадает с той идеальной логической схемой, в соответствии с которой, в конечном счёте, выстраивается предметная форма науки. Логически дихотомическая онтология должна предвещать антиномическую, а не наоборот. Бесплезно развивать диалектику сущностного анализа бытия объекта, пока чётко не установлены онтологические координаты самой сущности, т.е. принципиальным образом не определены основания природы объекта. Впрочем, указанный

³ Отметим, что В. фон Гумбольдт видел язык не как внеопытную структурную (т.е. виртуальную) реальность, а как эмпирическую реальность — как совокупность эмпирических реализаций языка, как совокупность актов языкового опыта [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 1975, с. 339].

парадокс, по-видимому, является правилом для тех наук, в основе которых лежит диалектика формы и содержания и которые так или иначе в высшей точке своего предметного развития соприкасаются с семиотикой объекта.

II

Момент смены онтологической парадигмы — аналогичной той, которая наблюдалась в лингвистике, — назрел в современной науке о переводе. Здесь также требуется обратиться к дихотомическому методу определения сущностных оснований научного объекта — перевода. Как и в лингвистике, требуется отделить сущностное от несущностного — «зёрна от плевел» — в изучаемой реальности. Как и в лингвистике, в переводоведении дихотомический метод носит лишь предварительный характер и предшествует антиномическому рассмотрению объекта. Дихотомии служат отрицательному вычленению сущности как таковой. Антиномии «вводят» сущность в контекст бытия, характеризуя динамику её необходимого становления, законы «жизнедеятельности» объекта, в которых с максимальной полнотой раскрывается его природа.

Поиск сущности начинается с установления её метафизических оснований — критериев тождества и родства изучаемого объекта. Всякая наука в своём теоретическом аспекте осознанно или неосознанно стремится к установлению этих важнейших критериев понимания своего объекта. Критерий тождества означает установление имманентных свойств объекта, благодаря которым объект в любой своей модификации, в любых условиях бытия остаётся самим собой. Критерий родства означает установление экстенциональных характеристик объекта, общих с похожими на него объектами, или, иначе говоря, установление критерия *ближайшего* родства, относительно которого затем устанавливается *видовая* специализация объекта. Критерии тождества и родства — важнейшие условия научного абстрагирования объекта в понятии.

Надо сказать, что требование определения сущностных оснований научного объекта в переводоведении возникает не на пустом месте. Переводоведение имеет богатый и в то же время достаточно противоречивый опыт поиска сущностных оснований своего объекта. Взгляды учёных на критерии тождества и родства в изучаемой реальности перевода пережили радикальную метаморфозу.

Первоначально наука о переводе⁴ стремилась буквально следовать принципам своей старшей научной сестры — лингвистики, не

⁴ Мы говорим о лингвистическом переводоведении, начало развития которого относится к середине XX в.

отличая категориальных оснований сущности своего объекта от категориальных оснований сущности объекта лингвистики. Так, долгое время в качестве критерия тождества изучаемого объекта в теории перевода рассматривались *структурно-языковые* основания.

Структурные основания тождества вполне подходят для определения сущности языка: они — то, что остаётся неизменным при любой феноменологии речевого узуса. Смысл, напротив, показывает себя как неустойчивая, изменчивая сторона работы языкового знака. Конечно, в качестве вспомогательного подхода мы можем рассматривать знаковую реальность языка, двигаясь от смысла к форме. Но такое рассмотрение не может быть основополагающим для лингвистики в силу его фактуальной неустойчивости; смысл — ненаблюдаемая величина. В конечном счёте, при любых поворотах лингвистического подхода мы ищем то, что способна выразить форма. Исследуя знаковую реальность языка, лингвистика обречена ориентироваться на метафизику формы, а не на метафизику смысла. Если в представленной нам выразительной реальности мы ищем язык, мы ищем форму, видя в ней момент устойчивости.

Структурная метафизика знака принципиально не подходит для установления законов тождества в переводе. Здесь она становится основанием различий, выразительных расхождений между языками. Вместе с тем обращение к метафизике знака (к принципам структурной работы языка) представляется по-своему закономерным для начального этапа развития лингвистического переводоведения. Дело в том, что основанные на структурной метафизике знака межъязыковые выразительные расхождения и есть первопричина перевода. Миссия перевода — в том, чтобы преодолеть выразительные расхождения, представив нечто, выраженное средствами одного языка, с помощью средств другого языка. Неудивительно, что на первоначальном этапе своего развития лингвистическая теория перевода обратилась к этому наиболее очевидному аспекту перевода: к поиску структурных критериев субституции одной языковой формы другой формой, формы ИЯ формой ПЯ. В основу были положены принципы межъязыкового сравнения, и сама теория перевода рассматривалась как часть сопоставительного языкознания. Ключевым понятием, характеризующим изучаемую реальность, стало понятие «трансформация».

Сравнительно-сопоставительный метод в принципе не нацелен на выявление сходств между языками. Объектом, питающим научный поиск, здесь являются различия, а не тождество. Ориентирующееся на этот метод и идущее по пути сопоставительного описания переводческих трансформаций лингвистическое переводоведение, по сути, подменяет законы тождества законами различий. Конечно,

и здесь создаётся видимость некоторой совокупности закономерных соответствий — устойчивых «трансформационных подмен» от ИЯ к ПЯ, которые на начальном этапе обучения переводу могут быть вполне полезными, составляя необходимую часть грамматической и терминологической подготовки переводчика. Так, например, начинающему изучение перевода студенту объясняют, что некоторые виды герундиальных конструкций или абсолютные причастные конструкции в каких-то германских или романских языках целесообразно переводить на русский через инфинитивные конструкции или те или иные виды придаточных. Или, например, какие-то лексические единицы ИЯ нужно переводить через конкретные лексические эквиваленты ПЯ — и т.д. Область так называемых закономерных соответствий достаточно широка, но она не может охватить всё пространство перевода. Новое, необычное в переводе всегда превышает границы познанного, привычного. Да и самые надёжные приёмы могут «не сработать» в каких-то условиях перевода. «Решающую роль всегда играет контекст, конкретный случай» [Фёдоров, 1958, с. 19]. При переводе «исключается возможность любого вида заранее установленной эквивалентности» [Львовская, 2008, с. 75]. Примечательно, что и Я.И. Рецкер в своей теории, в которой наиболее последовательно реализуется лингвистический подход к переводу, выводит собственно трансформации (т.е. контекстно обусловленную окказиональную эквивалентность) за рамки области межъязыковых закономерных соответствий [Рецкер, 2000, с. 21].

Но дело даже не в большем или меньшем потенциальном охвате методом структурного сопоставительного анализа и описания всей области перевода, а в его неспособности объяснить перевод⁵. Никакая полученная методом сравнения констатация различий не приводит нас к пониманию эквивалентного тождества в переводе. Переводу требуется не структурно-сопоставительное, а смысловое обоснование эквивалентности. А для этого необходимо выйти за рамки привычных представлений о том, что есть устойчивое и что есть неустойчивое в знаке. Нужно неустойчивое (те условия, в которые попадает знак в речевом узусе) принять как устойчивое и инвариантное, а устойчивое (структурные основания знаковости) принять как нечто неустойчивое и переменное.

⁵ Весьма характерную констатацию делает В.Н. Комиссаров: «В настоящее время теория перевода может предложить переводчику полтора десятка подобных (трансформационных. — *Н.И.*) процедур, практически полезных, но не претендующих на сколь-нибудь полное описание переводческого процесса» [Комиссаров, 1999, с. 13].

Как для языкознания, так и для переводоведения необходимо строгое разграничение феноменологической и метафизической сторон работы знака. Но если языкознание изначально ориентировано на знак метафизический, смысловые свойства которого изменяются в процессе его речевого становления, то перевод и вместе с ним вся теория переводческой деятельности ориентированы на знак феноменологический, или речевой, смысловые свойства которого принципиально не меняются при выборе иной формы выражения в процессе перехода от ИЯ к ПЯ. Метафизическая сторона знака в переводе носит подчинённый характер, мы меняем любые предметные обозначения, сохраняя смысл.

Инвариантность перевода в принципе лежит не на стороне формы, а на стороне смысла, в феноменологической работе знака. Невозможно представить себе инвариант перевода как структурную выразительную категорию⁶.

Структурный подход в принципе объясняет, насколько перевод зависит от языка, что неоспоримо. Переводчика же в практике его работы интересует не степень выразительной зависимости, а степень выразительной свободы: «...насколько он может быть свободен от заданных языковых предписаний (в аспекте референции, языковых способов выполнения выразительной задачи текста, образных средств выражения)» [Дорошенко, 2014, с. 201]. Весьма показательным наблюдением Р. Якобсона о том, что переводить с языка с большей дифференциацией грамматических категорий на язык с меньшей дифференциацией категорий легче, чем наоборот. Данная мысль иллюстрируется примером, отражающим восприятие категории рода в английском и русском языках [Якобсон, 1978, с. 18]. Однако, рассуждает далее Р. Якобсон, это не является непреодолимым препятствием для перевода: «В своей когнитивной функции язык минимально зависит от грамматической системы языка...» [там же, с. 19].

Всем сказанным мы вовсе не призываем игнорировать структурную работу знака как фактор, действующий в переводе. Струк-

⁶ Это означало бы, что какую-то языковую форму ИЯ (слово, грамматическую конструкцию или оборот речи) нужно переводить только через какую-то конкретную форму ПЯ — и никак иначе. Абсолютных выразительных соответствий между языками в принципе быть не может. Молодого переводчика важно научить, как подняться над языковой формой, как не идти по пути копирования языковой формы. В некоторых учебных комментариях указывается, что переводить нужно по контексту. Так, в одном пособии по переводу отмечается, что перевод инфинитивного оборота с предлогом *for* с английского языка на русский «не подчиняется какому-то определённом правилу и всецело зависит от понимания контекста» [Пушкарёва, 1998, с. 24]. Достаточно гибкое, но в то же время характерное объяснение.

турная работа знака — важный аспект любых эквивалентных решений в переводе, который нельзя игнорировать и который может быть назван низшей, *вариативной* границей эквивалентности. Другой стороной является высшая, *инвариантная* граница эквивалентности (её смысловая форма), на которую обычно и обращают внимание в теоретических работах по переводу. Эквивалентность в переводе принято связывать со смысловой инвариантностью и иногда даже отождествлять с этой категорией [Шорохов, 1982, с. 123; Комиссаров, 1999, с. 11]. Но большинство исследователей всё-таки призывают не игнорировать низший, формально-выразительный аспект. Речь должна идти не о выборе между первой и второй сторонами эквивалентности, а об их совмещении. Так, А.Д. Швейцер говорит о трансформационной и инвариантной сторонах эквивалентности, которые нужно изучать взаимосвязанно [Швейцер, 2009, с. 84]. В этом совмещении открывается то, каким образом смысл управляет формой в переводе. Интересное решение предлагает М.В. Полубоярова, которая разграничивает собственно структурный (статический) и фигуративный (динамический) аспекты в речевом знаке, считая, что смысл непосредственно управляет динамическим аспектом формы (контекстная позиция слова, выразительная форма высказывания) [Полубоярова, 2009, с. 57–58]. Эквивалентность рассматривается не как одномерная, а как комплексная многоуровневая категория, в связи с чем вводится понятие масштаба эквивалентности [там же, с. 88–91].

Тем не менее именно эта высшая граница эквивалентности считается критерием тождества в переводе — тождества межъязыкового (окказионально устанавливаемой эквивалентной соотносённости языковых средств выражения) и онтологического (сущностного). Неизменным при любых условиях перевода должен оставаться смысл. М.В. Полубоярова говорит о двусторонней мотивированности всякой трансформации: положительной (смысловой, функциональной), обеспечивающей содержательное тождество текстов или соотносимых текстовых эквивалентов, и отрицательной (формальной, относительной), обусловленной масштабом и глубиной межъязыковых расхождений [там же, с. 92–95]. С первой ассоциируется телеология перевода, со второй — переменные выразительные механизмы перевода. При этом вторая сторона и технически, и онтологически подчинена первой. Это понятно: цель трансформации — нейтрализовать выразительные расхождения между языками. Вторая сторона, в отличие от первой, практически всегда подлежит изменению и остаётся неизменной лишь в силу наличия естественных совпадений между языками.

Рассмотрим пример, где смысловый критерий требует изменения языковой формы, а кажущийся приемлемым буквальный перевод приводит к грубому содержательному искажению.

The United States has become a leading advocate for the creation of independent institutions and legal structures *in this predominantly Albanian province*.

Искажающий буквальный перевод: «США стали ведущим сторонником создания независимых административных и судебных органов в этой преимущественно албанской провинции»*.

В приведённом примере речь идёт о провинции Сербии — Косово. Элемент, выделенный курсивом, переведён буквально: «*in this predominantly Albanian province*» = «в этой преимущественно албанской провинции»*. Однако данный вариант перевода не может нас устроить. Что значит «преимущественно албанский»? По-русски звучит бессмысленно (хотя по чисто внешним признакам чувства языкового протеста при этом не возникает). Косово — не провинция Албании. Нетрудно догадаться, что речь идёт о составе населения этой провинции. Переводчик, чтобы быть правильно понятым, вынужден ввести дополнительное обозначение в свой перевод — обозначение, которого формально нет в исходном тексте. Приемлемым вариантом перевода может быть, например, следующий: «в этой провинции, населённой преимущественно албанцами» (или: «в этой провинции, где большинство населения составляют албанцы»). Сохранение смысла потребовало от переводчика пойти на трансформацию способа языкового выражения (языковой формы): на расширение референциальной базы выражения (вводится слово «население»), на изменение грамматической структуры (отдельное слово «Albanian» переводится через причастный оборот или через придаточное).

Подобные случаи в переводе не единичны. Рассмотрим ещё один пример.

On November 4, 1979 the Embassy of the United States in Teheran had been seized by Islamic revolutionaries, *together with 53 hostages*.

Искажающий буквальный перевод: «4 ноября 1979 года посольство Соединённых Штатов в Тегеране было захвачено исламскими революционерами *вместе с 53 заложниками*»*.

Буквальный перевод здесь недопустим, поскольку создаётся то понимание, что эти заложники уже находились в посольстве до того, как оно было захвачено исламскими террористами. Лучше перевести путём обособления этой части высказывания и превращения её в самостоятельное высказывание: «...в заложниках оказались 53 человека» (или с изменением залога: «...посольство США

захватили исламские революционеры, взяв в заложники 53 работника посольства»).

Данные примеры призваны проиллюстрировать приоритет смысла над доминантами языковой формы: языковой семантикой, грамматической структурой. Смысл часто отрывают от предметной семантики, считая его чисто внешним атрибутом. Смысл всегда сопряжён с референцией, мотивирует референцию, рационально определяя истинностную границу слова. Смысл интерпретирует семантику обозначения, но и сам он рационально расшифровывается через ассоциацию ситуационных причинно-следственных связей и отношений обозначаемого объекта. Смысл можно представить как некоторое виртуальное предметно-ситуационное расширение семантики знака. Например: 1) «он *посмотрел* в окно» — где находился при этом человек: внутри или вне помещения? Или: 2) «он *заглянул* в окно» — где находился при этом человек? Это — фоновые ассоциации, которые понимаются по умолчанию, «латентно» в случае корректной референции и, напротив, становятся основной причиной непонимания в случае некорректной референции⁷. Именно это произошло в представленных выше искажающих вариантах перевода («в этой преимущественно албанской провинции», «вместе с 53 заложниками»): в одном из них переводчик незаметно приписал Косово Албании, в другом по вине переводчика заложники «оказались» в посольстве до того, как его захватили террористы.

В переводе смысл часто раскрывается через фоновую ситуационную ассоциацию. Между смысловой импликацией и предметной presupпозицией в переводе можно ставить знак равенства. Переводя по смыслу, мы опираемся на ассоциацию (экстралингвистические условия обозначения), которая даёт нам право осуществлять необходимые семантические и грамматические замены в целях сохранения содержательного тождества текстов — истинностных параметров референции. Любые вопросы перевода решаются через референцию. Как бы ни менялась референция в переводе, она не может исчезнуть как таковая. Уничтожив референцию (представим себе такое!), мы лишаем смысл его предметного носителя. Потенциально смысл (руководящий телеологический критерий знаковой деятельности) может выбрать себе любой предметный носитель, но он не может избавиться от предметного носителя как такового. Тождество смысла требует смены референции в переводе.

⁷ Внешние ситуационные условия референции приходится учитывать при переводе: 1) «he looked outside», 2) «he looked inside». При этом референциально опорное слово «окно» пропадает в английском переводе.

«Трансформация» — удачный термин с лингвистической точки зрения, чтобы характеризовать межъязыковую выразительную специфику перевода. Но этот термин трудно применить к содержательному аспекту перевода, поскольку он характеризует адекватность перевода не с положительной, а с отрицательной стороны. Трансформация (как и вообще любая эквивалентность) сама себя не объясняет. Её объясняет смысл, в конечном счёте — экстралингвистические условия выражения. Интерпретационная изнанка выражения в переводе становится критерием онтологического тождества. Не референция как таковая, а смысловое условие референции определяет телеологию переводческого действия.

III

Теперь от критерия тождества обратимся к критерию родства в онтологии перевода, который, как мы понимаем, должен совпадать с критерием тождества. Здесь мы также должны будем противопоставить друг другу структурный и смысловой критерии.

В соответствии с первым критерием перевод трактуется как некоторое *межсистемное отношение*, или взаимодействие: межъязыковое, межтекстовое, межкультурное. Межсистемный подход ориентирует нас на абстрактное рассмотрение перевода независимо от условий его осуществления (везде «работает» система, важен порядок взаимодействия систем). Нетрудно заметить, что этот подход претендует на универсальность. На первое место в нём выходят не феноменологические, а общие системные критерии. В качестве родового термина выбирается понятие *контакта*. Соответственно, перевод определяется как вид языкового и/или культурного контакта.

Понятие контакта давно разрабатывается в различных дисциплинах на материале языков и культур. Контакт рассматривается, прежде всего, как историческое явление: как исторически закрепляющееся видоизменение структурных свойств системы под влиянием другой системы. Имеется в виду взаимодействие систем одного порядка. Учитывается также коммуникативная сторона контакта: две системы сталкиваются в опыте языкового или культурного поведения человека, находящегося в общении с другим человеком — носителем другого языка и/или другой культуры. Таким образом, контакт возникает в ситуации двуязычной и/или межкультурной коммуникации. На языковом уровне понятие контакта обычно связывается с понятием *билингвизма* [Иванов Вяч.Вс., 1990]. Всякий контакт рождается в сознании билингва, имеет билингвальное

происхождение. Переводчик в известном смысле тоже билингв. Так или иначе, в процессе контакта происходит нечто вроде межъязыковой или межкультурной контаминации, т.е. смешения систем, которое, впрочем, протекает по определённым законам и имеет определённую направленность. Многочисленные исследования в области ареальной лингвистики, креолистики, лексических заимствований, лингводидактики показывают это.

При анализе ситуации контакта принципиальное значение имеет не функция передающего языка (аспект кодирования), а функция принимающего языка (аспект декодирования). Всякий контакт имеет две стороны: материальную и идеальную. Чаще обращают внимание на материальную сторону контакта. В основе контакта лежит заимствование — переход выразительного факта из одной системы в другую: формы поведения или артефакта из одной культуры в другую, выразительной формы или приёма из одной литературы в другую, лексического обозначения или грамматической формы из одного языка в другой язык. При этом в идеальном аспекте, в смысловом опыте принимающего языка или культуры, происходит *интерпретация*, *переосмысление* заимствуемого факта в процессе его интериоризации. Внутрисистемная адаптация заимствуемого факта закономерна: телеологически заимствование обусловлено потребностями принимающей, а не передающей системы. Вполне закономерно также, что в этих условиях возникают всякого рода искажения (обычно не осознаваемые носителями принимающей культуры): чистых заимствований практически не бывает. Как следствие, вопрос о межсистемном (в частности, межкультурном) понимании становится достаточно спорным. Культура не может понять другую культуру на основе заимствования. Впрочем, понимание в строгом смысле слова здесь и не требуется: в процессе заимствования доминирует не идентификация факта, а его интерпретация, переосмысление в контексте принимающей культуры. Ю.М. Лотман говорит о «двойственной роли интериоризации»: заимствованный факт должен быть переводим и одновременно неперево́дим на «внутренний язык» принимающей культуры [Лотман, 1992, с. 117]. Примечательно, что именно на базе взгляда на перевод как на межсистемное отношение встаёт и требует своего решения проблема неперево́димости. В ситуации контакта языки не сотрудничают, а борются друг с другом за пространство понимания.

Семиотическое отношение языков и культур в рамках рассматриваемого подхода раскрывается как межтекстовое отношение. Между системами устанавливается *дискурсивная переходность*: факт одной системы переходит в другую систему. Возникает межсистем-

ная инобытийность факта, своеобразная интертекстуальность: вторая система становится продолжением, развитием и отрицанием первой. Телеологически подобный переход завершается интерпретацией факта первой системы в контексте второй системы. Вторая система содержательно доминирует, становится условием понимания: *она* определяет результат понимания.

Итак, какие необходимые атрибуты контакта мы выделяем и в чём специфика перевода как вида межязыкового (а также межтекстового и межкультурного) контакта?

Контакт — форма межсистемного взаимодействия — протекает в условиях *непосредственной* двуязычной коммуникации. Две системы работают одновременно в сознании билингва (в данном случае не имеет значения степень владения той или другой системой) и сталкиваются в опыте коммуникативного поведения. Возникает ситуация *функционального неравенства* систем. Принимающая система (субстрат) выполняет ведущую, определяющую функцию, передающая система (суперстрат) — подчинённую, вспомогательную. Говорящий прибегает к ресурсам другой системы, чтобы восполнить недостаточность, лауну своей системы. Назовём такую форму контакта — *неосозанным билингвизмом*.

Материальным выражением контакта является *интерференция*, т.е. проникновение факта одной системы в опыт функционирования другой системы. Интерференция может быть произвольной (мотивированной) и непроизвольной (немотивированной). Первая возникает в условиях необходимого заимствования. Заимствуемый факт подчиняется воле принимающей системы и получает историческое закрепление. Вторая носит характер случайного индивидуального копирования, протекает в коммуникативных условиях и не закрепляется в историческом опыте языка. Здесь возможны два случая: 1) непроизвольное воспроизводство элементов родного языка в опыте говорения на иностранном языке (когда плохо знающий иностранный язык студент «говорит по-русски иностранными словами»), 2) опыт так называемого буквального перевода — когда переводчик в аспекте выражения в ПЯ копирует форму (семантику предметных обозначений и грамматику) ИЯ. Подобное переводческое копирование мы видели в рассмотренных выше примерах. Заметим, что интерференцию второго рода мы характеризуем крайне негативно — как в том, что касается ущербного владения иностранным языком, так и в том, что касается перевода. «Подстрочный перевод никогда не может быть верен» (А.С. Пушкин). В нём утрачивается аутентичность — как выражения, так и понимания. Назовём такие случаи ложной интерференцией и, соответственно, ложной формой контакта.

Ещё одним атрибутом контакта является *дискурсивная переходность* между системами, аналогичная той, которая наблюдается между текстами одного дискурса. Между системами, рассматриваемыми как тексты, устанавливается *интертекстуальная связь*. В принимающей системе возникает инобытие и переосмысление факта. Возникает своеобразный диалог систем — языков, текстов, культур, — где принимающая культура подчиняет собственной смысловой задаче или функции принимаемый из другой системы факт. Конечно, каждая культура живёт своей жизнью, сохраняя своеобразный дискурсивный иммунитет. Механизм интертекстуальной связи здесь продуктивен в том отношении, что между культурными системами устанавливается *интердискурсивная* связь.

Как следствие дискурсивной переходности, всякий контакт завершается *интерпретацией* и, значит, *переосмыслением* переходящего из одной системы в другую факта. Понимание в условиях контакта — функция принимающей стороны. Критерием понимания является принимающий язык (культура, текст).

Посмотрим теперь, в какой мере перевод соответствует отмеченным выше условиям межсистемного контакта. Прежде всего, в переводе не действует условие двуязычной коммуникативной непосредственности. Перевод рождается в условиях *опосредованной* двуязычной коммуникации, опосредованность — важнейшее функциональное условие перевода. Из этого вытекает условие *функционального равенства* контактирующих в переводе систем (языков, текстов, культур), т.е. принципиальная невозможность и неприемлемость субстратно-суперстратных отношений между системами. Рассматривая перевод, некорректно говорить, что переводчик лучше владеет тем или другим языком. Мы обязаны исходить из того, что переводчик в равной мере совершенно владеет обоими языками. Отношение межсистемного неравенства, характерное для непосредственного контакта, где доминирует одна из систем, реализуется через форму иррационального билингвизма. Перевод, в отличие от условий контакта неравных друг другу систем, должен рассматриваться как форма *рационального билингвизма*. Контакт в переводе носит не фрагментарный, а сплошной, тотальный характер. Языки сравниваются, противостоят друг другу в каждой точке своего соприкосновения. Н.К. Гарбовский различает статический билингвизм, характерный для обычных случаев межъязыковых контактов, и динамический билингвизм, характерный для перевода. «Перевод предполагает одновременную актуализацию обоих языков... При динамическом билингвизме в контакт вступают не только два языка, но и две культуры, а переводчик, соответственно, является местом контакта не только языков, но и двух культур» [Гарбовский, 2007, с. 319].

Далее, межсистемная *интерференция* — явление принципиально чуждое переводу. Можно сказать, что интерференция уничтожает перевод, потому что выражает межсистемное подчинение и иррациональна по сути, стоит за гранью понимания. Интерференция означает, что человек доверяется чужой форме там, где нужна своя, доверяется неподлинному пониманию там, где требуется подлинное. Слепое подчинение чужому, неподлинному — непременный спутник интерференции. Примечательно следующее определение перевода Ж. Мунена (G. Mounin): «Перевод — это контакт языков, случай билингвизма. Но этот очень специфический случай билингвизма, на первый взгляд, мог бы быть отвергнут как неинтересный, в силу того что отклоняется от общего правила. Перевод, хотя и является бесспорным фактом контакта языков, будет поэтому описываться как крайний, статистически очень редкий случай, когда сопротивление обычным последствиям билингвизма более сознательно и более организовано. *Это случай, когда билингв борется против всякого отклонения от нормы, против всякой интерференции*» [цит. по: Гарбовский, 2007, с. 7].

Конечно, избавиться от интерференции в переводе в полной мере вряд ли возможно. Интерференция требует межсистемной адаптации — приспособления одной системы к другой. В переводе это — сложная проблема, которая по-разному решается на языковом, межтекстовом и межкультурном уровнях. Как можно в переводе не копировать форму текста, порядок его смыслового и выразительного развёртывания? Какова должна быть степень приближения к культуре исходного языка и/или, напротив, степень адаптации текста к культуре переводного языка в художественном переводе? Эти вопросы не имеют однозначного решения. С определённой можно сказать лишь то, что в переводе недопустима *межъязыковая адаптация*, что, собственно, и отражено в определении Ж. Мунена.

Вместе с «отменой» интерференции меняются и критерии понимания в переводе. В обычных условиях контакта критерием понимания служит принимающая система, которая интерпретирует и переосмысливает принимаемый факт. Интерпретация венчает процесс заимствования. Целью *перевода* интерпретация быть не может. Здесь она — основа, исходный пункт понимания. Критерием понимания в переводе выступает не принимающая, а передающая система — ИЯ, исходный текст. Интерпретация в переводе не свободна, т.е. имеет границы, и не может приводить к переосмыслению текста.

Вследствие всего сказанного отношение между ИТ и ПТ в переводе не может рассматриваться как интертекстуальное, поскольку в нём отсутствует дискурсивная переходность. Широко распро-

странена трактовка этого отношения как метатекстуального, разрабатываются метатекстуальные критерии приравнивания текстов ПТ и ИТ. В том же ключе разрабатываются метаязыковые критерии приравнивания единиц ИЯ и ПЯ в переводе. Метатекстуальность и метаязыковость трактуются как некий универсальный *tertium comparationis* — некий смысл, стоящий «над схваткой», в равной мере принадлежащий обеим сторонам и служащий основой их «согласия». В. Беньямин, характеризуя ситуацию межъязыкового сопряжения, использует термин «чистый язык», видя в переводе «прорыв к чистому языку» [Мишкурор, 2013, с. 19, 24]. Как бы то ни было, в переводе нужно искать основания *симметричного* (метатекстуального и/или метаязыкового) приравнивания — в отличие от *асимметричного* интерпретирующего приравнивания, характерного для контактного межсистемного заимствования, для интертекстуальной переходности.

IV

Трудно искать сущностные основания перевода на базе критерия межсистемных отношений. Системная регламентация перевода неэффективна. Обратимся к смысловому критерию, который непосредственно связывает нас с феноменологией перевода. В соответствии с этим критерием перевод трактуется как некоторая форма *коммуникативного межличностного взаимодействия*. Подход этот внешне не претендует на универсальность. На первое место в нём выходят не структурные законы, а конкретные внешние условия осуществления перевода, факторы внешнего влияния (общаются люди, а не системы), определяющие смысловую цель общения, а значит, и коммуникативную задачу перевода — определяющий фактор эквивалентного тождества в переводе.

Роль родового термина здесь выполняет понятие *посредничества*. Термин «посредничество» характеризует принцип деятельностной онтологии перевода, связывает перевод с широким рядом родственных коммуникативных явлений. Среди других видов коммуникативного посредничества обычно указывают: пересказ, изложение, реферат, вольный (обобщающий или комментирующий) перевод и т.д. Обобщённо все эти виды посредничества можно назвать реферативными, или интерпретирующими.

Простое наблюдение выявляет достаточное количество характерных различий между реферативными видами посредничества и переводом. Первые используются преимущественно в условиях одноязычной коммуникации, хотя, конечно, они применимы и к условиям двуязычной коммуникации: двуязычный или одноязыч-

ный характер коммуникации не имеет для этих видов посредничества принципиального значения (весьма распространено, например, иноязычное реферирование). Перевод, напротив, специально и изначально предназначен для того, чтобы обеспечить общение разноязычных коммуникантов. Как форма посредничества в условиях одноязычной коммуникации перевод практически не используется: перифрастическая функция — необходимое условие в межъязыковом переводческом посредничестве, но она практически бесполезна при посредничестве в условиях одноязычной коммуникации.

Можно провести аналогию между характеристикой перевода как вида межсистемного контакта и его характеристикой как вида коммуникативного посредничества. В первом случае перевод — наиболее чистая, не искажающая нормативные условия ни одной из систем форма контакта. Во втором — это наиболее чистая и точная форма посредничества⁸. В основе видовой дифференциации перевода как межсистемного контакта лежит понятие интерференции. Перевод рассматривается как форма контакта с нулевым коэффициентом интерференции. В основе видовой дифференциации перевода как коммуникативного посредничества лежит понятие *интерпретации*. По аналогии перевод здесь должен рассматриваться как форма посредничества с нулевым коэффициентом интерпретации. Но так ли это? Не слишком ли радикален вывод, к которому мы вынужденно приходим, — вывод, фактически отрицающий интерпретационную природу перевода?

Следует задуматься о специфике и границах интерпретации в переводе. Критерий посредничества даёт нам путь к решению этой проблемы. Деятельностная онтология перевода тесно связана с его интерпретационной природой. Ю.А. Сорокин, по сути, приравнивает две онтологии [Сорокин, 2003, с. 33]. Один аспект онтологии раскрывается через другой. В самом деле, все выделенные выше родственные переводу виды посредничества являются известными и широко применяемыми речевыми формами интерпретации. Важное отличие перевода от речевых форм интерпретации состоит в том, что последние — эксплицитные формы интерпретации. В переводе же интерпретация имплицитна.

Имплицитная интерпретация стоит также за репликами диалога. Интерпретация — смысловая основа и ориентир в диалоге. Произ-

⁸ В качестве признака, отличающего перевод от других видов посредничества, А.Н. Крюков указывает на «структурно-семантическую близость оригиналу», которая в переводе является наивысшей. Другие виды посредничества предполагают «ту или иную степень сокращения формы и содержания исходных высказываний» [Крюков, 1989, с. 40].

нося что-то, мы, с одной стороны, исходим из интерпретации действий собеседника, а с другой — сами ориентируемся на то, как наше действие будет интерпретироваться собеседником. Учёные говорят об упреждающей роли интерпретации в диалоге [Князева, 2014, с. 612]. «Ещё в идеальной форме вторичная коммуникативная деятельность влияет на первичную» [Сидоров, 2011, с. 43]. Интерпретация управляет диалогом. Она — основа дискурсивной связи реплик в диалоге, подлинная область диалоговой регуляции. «Говорящий всегда вынужден прогнозировать возможную интерпретацию текста» [Франк, 1999, с. 263].

В современной теории перевода нередко можно встретить недифференцированную трактовку интерпретационной природы перевода, а также вытекающую из этого переоценку посреднической роли переводчика как центрального звена опосредованной двуязычной коммуникации. Перевод приравнивается к другим видам интерпретации, его собственная специфика при этом не дифференцируется. Также и статус переводчика как посредника не получает никаких отличительных признаков в сравнении с другими видами посредничества. Так, А.Н. Крюков говорит о несамостоятельности переводчика. Впрочем, считает он, «указанная особенность свойственна и другим специализированным двуязычным видам речевой деятельности: реферированию, аннотированию, написанию обзоров и т.д.» [Крюков, 1989, с. 39].

Имеется и другая точка зрения, согласно которой статус переводчика оценивается более высоко. Р.К. Миньяр-Белоручев считает, что опосредованность влечёт за собой существенное структурное усложнение («удвоение») коммуникативного акта, что предполагает взаимодействие трёх участников акта коммуникации с использованием двух языков. Перевод рассматривается как двуязычная деятельность переводчика в его взаимодействии с автором исходного сообщения и получателем продукта перевода [Миньяр-Белоручев, 1996, с. 6]. Э.Н. Мишкурин трактует фигуру переводчика как одну из «сторон триады» наряду с автором и получателем сообщения [Мишкурин, 2013, с. 21], говорит о «функциональном взаимодействии членов триады» [там же, с. 26]. О двойной субъективности мировосприятия в переводе — «субъективности автора и переводчика» — пишет Н.К. Гарбовский. «Переводчик — это ещё один индивид, он индивидуально, только в силу своего собственного, одному ему присущего мировосприятия расшифровывает то, что увидел, осмыслил, прочувствовал... автор» [Гарбовский, 2007, с. 319].

В некоторых случаях верность переводчика получателю (т.е. нормам культурного восприятия на ПЯ) противопоставляется его верности оригиналу. Отстаивается более активная роль переводчи-

ка, который должен отказаться от своей «невидимости». На этой основе возникают новые теории: теория так называемого «резистивного перевода» (Л. Венути), «скопос-теория» (К. Райс, Х. Фермеер). В первой представлен отказ от какой-либо интерпретации в переводе путём максимального подчинения переводного языка исходному. Во второй, наоборот, мы видим переоценку роли интерпретации в переводе: понимание всецело определяется нормами ПЯ, критериями принимающей культуры (даже если это приводит к искажению содержания), допускается содержательный произвол переводчика.

Теории перевода требуется более чёткая, однозначная постановка вопроса о посредническом статусе переводчика. Является ли переводчик *участником* акта коммуникации, в котором он выступает в качестве посредника? Ответ «да» приравнивает перевод к другим видам коммуникативного посредничества: интерпретация в переводе ничем не отличается от интерпретации в других видах посредничества. Ответ «нет» направляет нас к дальнейшему анализу — к выделению характерных функциональных особенностей перевода, к определению границ и специфики интерпретации в переводе.

Мы будем развивать свой анализ, исходя из того, что переводчик не является участником акта коммуникации, в котором он выступает в качестве посредника. Что позволяет нам считать эту точку зрения действительно верной, отвечающей сущности переводческого труда? Прежде всего, по самим условиям своей работы переводчик не является объектом коммуникативного воздействия: «с ним никто не разговаривает», любая форма коммуникативного воздействия направлена не на него. Отсюда, любое мнение переводчика о переводимом им тексте (комментарий, обобщение, оценка и пр.) является неуместным. «Точка зрения» переводчика никого не интересует. Разумеется, в реальных условиях международного общения, за рамками своих прямых обязанностей, переводчик может давать комментарий или оценку переводимого текста с целью облегчить его понимание конечным получателем. Но, согласимся, любой переводчик по мере сил стремится переводить «без комментариев».

Всё это непосредственно отражается на самой технике работы переводчика. Весьма характерно мнение одного опытного преподавателя-переводчика, который на вопрос студента: «От какого лица следует переводить в устном переводе?» — ответил: «Хороший переводчик переводит от первого лица, плохой — от третьего». И в письменном, и в устном переводе переводчик перевоплощается в автора переводимого им текста — высказывания, речевого действия. Хорошим переводом можно назвать тот, в котором общающиеся «не видят» переводчика, «забывают», что они общаются через по-

средника. Идеалом является *безличностный* статус фигуры переводчика в опосредованной переводной коммуникации. «Тип когнитивно-интерпретативной рефлексии» в переводе зависит от жанрово-стилистических особенностей исходного текста и выразительных жанрово-стилистических возможностей языка перевода [Мишкурлов, 2013, с. 29], а не от «пристрастий» переводчика.

Напротив, в других видах посредничества (реферат, аннотация, обзор, пересказ и т.д.) предполагается личностное присутствие посредника в акте опосредованной коммуникации. Его личное мнение, его взгляд на интерпретируемое произведение выдвигается на первый план и составляет подлинную ценность вторичного текста — продукта посредничества. Акт коммуникации усложняется, удваивается, разрывае́мый фигурой посредника. Переводчик, лично самоустраняясь, связывает общающихся. Интерпретатор, предлагая своё личное видение авторского высказывания, разделяет общающихся, не даёт им напрямую «почувствовать» друг друга. Впрочем, другого здесь и не требуется. Получателю достаточно стороннего мнения об интересующем его тексте.

Перевод и классическая эксплицитная интерпретация, характерная для реферативных видов посредничества, различаются по масштабу смыслового развития. В пересказе, реферате, критическом обзоре и пр. интерпретация практически ничем не ограничена: её итогом является *переосмысление* текста. В переводе интерпретация несвободна, переводу доступно лишь *осмысление* текста.

Чем отличается один масштаб интерпретации от другого и, значит, чем отличается перевод от классической эксплицитной интерпретации по чисто внешним, формальным показателям? При осмыслении в процессе перевода сохраняются *объём* и общая архитектура текста (то, что может быть определено как поэтическая форма текста)⁹. Кроме того, сохраняется *порядок смыслового и выразительного развёртывания* текста, выражаемый через серию последовательных переходов от высказывания к высказыванию (то, что может быть определено как риторическая форма текста). Изменению и трансформации подлежат *семантика и грамматика предметных обозначений*, т.е. языковые механизмы предметного моделирования, через которые раскрывается так называемая *кар-*

⁹ Первое, что проверяют при приёме выполненного переводческого заказа ещё даже до оценки самого качества перевода, — это количество знаков. Если количество знаков в переводе существенно отличается от количества знаков в исходном тексте, то это вызывает вопросы. Невозможно также представить изменение переводчиком общей структуры текста: количества абзацев в статье, количества разделов или глав в книге.

тина мира — знаковая схема внешней ситуации описания (то, что может быть определено как языковая форма текста).

В свободных видах посредничества, в которых интерпретация ничем не ограничена, при переходе от первичного текста к вторичному невозможно говорить о сохранении объёма текста или о сохранении порядка его смыслового развёртывания (составителю реферата или рассказчику совсем не обязательно повторять движение мысли автора). Реферат, пересказ и т.д. — это как раз сокращённые формы передачи информации. В реферате оценивается и подлежит интерпретации главная информация текста, его тематическая направленность, социальное предназначение, возможные мотивы создания, эстетика выражения и пр. Говорить о сохранении языковой формы текста в реферате вообще не приходится. Вследствие всего этого невозможно говорить, что продукт реферативного посредничества является функциональной заменой оригинала. Он не предназначен для этого [Гаврилов, Латышев, 1981, с. 9]. Текст перевода, напротив, по самому своему предназначению и по условиям создания должен быть полной функциональной заменой оригинала (даже плохой перевод изначально полагается как полная замена оригинала).

Практически невозможно говорить о границах интерпретации в реферативных видах посредничества. Критерием здесь может служить требование адекватности интерпретации интерпретируемому. Требование адекватности, однако, не означает, что интерпретация должна также быть эквивалентна интерпретируемому. Интерпретация в реферативных видах посредничества не может и *не должна* быть эквивалентна интерпретируемому.

Перевод должен быть и адекватен, и эквивалентен оригиналу. Адекватность означает соответствие переводного текста исходному по содержанию, эквивалентность — соответствие переводного текста исходному по форме. Адекватность — безусловная категория перевода. Эквивалентность — условная¹⁰ (хотя, конечно, в масштабе целостной формы текста мы также должны полагать эквивалентность как абсолютную категорию).

В переводе также работает интерпретация, которая является основой адекватности перевода. Принципиальное значение имеет направленность, техника интерпретации в переводе и в классических эксплицитно интерпретационных видах посредничества. «Универсум интерпретации шире универсума перевода...» [Эко, 2006,

¹⁰ «Эквивалентность определяется как *условно принимаемое как достаточное в заданных коммуникативных условиях структурное соответствие* между ПТ и ИТ или между отдельными составляющими два текста единицами» [Полубоярова, 2009, с. 75].

с. 280]. «Интерпретировать» — не значит «переводить»» [там же, с. 270].

Можно выделить одно основание, общее для классической интерпретации и интерпретации переводческой. Первая носит открытый характер. Вторая — закрытая интерпретация. Однако и в том и в другом случае интерпретация является фактором, за которым стоит некоторое изменение, метаморфоза, переход от явного к сокрытому, от эксплицитного к имплицитному в содержательном развитии/движении мысли. Различается направленность перехода в каждом из видов интерпретации.

Всякая интерпретация строится на оппозиции двух сторон феноменологической работы речевого знака: символической (эксплицитной) и смысловой (имплицитной). Первая сторона — интерпретируемая. Вторая — интерпретирующая. В исходном тексте обе стороны представлены синкретично. В процессе интерпретации они мыслятся раздельно. Символическую сторону представляет некоторое обозначение в исходном тексте, которое служит носителем некоторого смысла и поэтому может быть названо символическим представителем смысла. Классическая интерпретация представляет собой переход от символического обозначения смысла в первичном тексте к его эксплицитной интерпретации во вторичном тексте. Задача интерпретатора — вскрыть и эксплицитно представить смысл, стоящий за символическим обозначением. Интерпретация представляет собой своеобразную рациональную *расшифровку* смысла. Интерпретатор вскрывает дискурсивную смысловую ауру текста: предметно-тематические, социальные, культурные, эстетические и пр. мотивы, а также возможные следствия, вытекающие из данного в тексте факта авторского сообщения. Чего хочет, добивается, какой позиции придерживается, что приемлет или не приемлет, чего объективно достигает автор своим текстом? На эти вопросы ищет ответа интерпретатор, опираясь на предметную сторону авторского сообщения. Интерпретатор может увидеть и эксплицировать не только прямое авторское намерение, но и то, что, может быть, сам автор не вполне осознал или учёл (как возможное смысловое следствие) в своём сообщении. Последующая интерпретация может превышать тот смысловой масштаб, в рамках которого сам автор мыслит своё сообщение. Иначе говоря, интерпретация может быть неадекватной (или не вполне адекватной) тексту.

Переводчик не может ставить расшифровку смысла в качестве конечной цели своей работы. Интерпретация не может быть целью, но она является основанием, отправной точкой работы переводчика. Причём, в целях адекватности (т.е. содержательного соответствия исходному тексту), переводчик не может переступить

через тот смысловой масштаб, который устанавливает для своего сообщения (как критерий его полноценного понимания) сам автор. Расставляя предметные обозначения — символические носители смысла — в структуре высказывания-текста, автор сам предлагает получателю сообщения некоторый вариант его интерпретации, моделируя, таким образом, последующее восприятие. Перевод — не интерпретация, в нём не может быть смысловых «приписок». Переводчик — раб авторского «проекта» интерпретации. Переводческая «мера смысла» должна отвечать авторскому замыслу [Новикова, 2014, с. 155–156]. А.Н. Крюков трактует интерпретационный критерий адекватности как отношение «рецептивного смысла» в аспекте восприятия к «интенциональному смыслу» в аспекте порождения (хотя при этом допускает их нетождественность) [Крюков, 1989, с. 96].

Если интерпретация — содержательная константа перевода, то что же тогда подлежит изменению, метаморфозе в условиях переводческой интерпретации? Изменению подлежит не аспект адекватности, а аспект эквивалентности перевода. Вариативным в переводе оказывается не смысл, а аспект его символической репрезентации. Это значит, что меняются структура и состав предметных обозначений — носителей смысла. Меняется эксплицитная, интерпретируемая сторона речевого знака. Переводчик не расшифровывает, а зашифровывает или, точнее, *перешифровывает* в терминах другого символического кода тот смысл, который изначально задан в исходном сообщении. Переводческую интерпретацию поэтому можно назвать *символическим перекодированием смысла*.

Действительно поражает «смелость», с которой переводчики иногда отказываются от заданных в ИТ предметных обозначений или от представленной в ИТ общей модели описания, выбирая другие обозначения, изменяя до неузнаваемости модель описания.

Henry Kissinger, perhaps, the (1) *ultimate* Burboun, (2) *is nevertheless asking some of the right questions*.

Перевод: «(2) *Стоит прислушаться к вопросам* Генри Киссинджера, которого многие считают (1) *неисправимым бурбоном*» [Палащенко, 1999, с. 186].

Исходное высказывание выражает иронию. Прямой перевод возможен, но он обнаруживает элемент снисхождения, которого нет в исходном тексте: «иногда задаёт неплохие/правильные вопросы»*. Переводчик применяет сложный приём — сочетание смысловой конверсии (смена ракурса описания ситуации) и антонимического перевода («он *спрашивает*» заменяется на «[нам] *стоит прислушаться*») — и тем самым сохраняет иронию. В этих же целях осу-

шествляется структурная перестройка: часть (2) переносится в начало высказывания. Слово «ultimate» также представляет трудность для перевода. Прямой семантический перевод («законченный бурбон», «совершенный бурбон») неадекватен по смыслу: появляется резко негативный оценочный смысл, которого нет в исходном тексте. Переводчик тонко подбирает требуемый менее «обидный» эквивалент: «неисправимый бурбон».

Помимо решения прагматической задачи перевода, переводчику гораздо чаще требуется раскрыть понятийный смысл предметного обозначения. Иначе говоря, требуется раскрыть, о чем идёт речь.

Deputy Prime Minister I. Klebanov, in charge of the military-industrial complex conceded... last week, that Russia's (1) *stranglehold* on (2) *Indian contracts* was under threat.

Перевод: «На прошлой неделе заместитель премьер-министра России И. Клебанов, курирующий военно-промышленный комплекс... признал, что (1) *доминирующее положение* России (2) *в индийском военном импорте* находится под угрозой» [Иванов, 2014, с. 133].

В этом примере наибольшую сложность представляют элементы (1) и (2). «Stranglehold» — образное обозначение, дословно означает «удушающая хватка». Понятно, что буквальный перевод исказит смысловую функцию элемента, сделает его непонятным. При этом нарушается контекстная сочетаемость («удушающая хватка... под угрозой»^{*}). Далее, сочетание элемента (1) с элементом (2) с точки зрения русского языка не очевидно («удушающая хватка на индийских контрактах»^{*} — звучит непонятно). В смысловом анализе при подборе предметных эквивалентов переводчик может идти путём реконструкции ситуации описания. Если Россия «держит» Индию, то «...это значит, что “Россия доминирует”, “имеет доминирующее положение”». Рождается первое переводческое решение: «доминирующее положение России...». Но «доминирующее положение» где? В контрактах? Попробуем вновь найти решение в ситуации: «если есть контракты между государствами в сфере военного сотрудничества, то, видимо, одно государство передаёт что-то другому, между ними — *экспортно-импортные отношения*». Рождается приемлемый окончательный вариант перевода: «доминирующее положение России в индийском военном импорте» [там же].

Рассмотрим пример описательного перевода, который возникает ввиду непереводаемости образного элемента.

Andrey Illarionov, an (1) *iconoclastic* economical adviser of (a) Kremlin...

Перевод: «Андрей Илларионов, экономический советник президента России, (1) *мнение которого нередко расходится с официальной точкой зрения Кремля...*»

Элемент (1) означает «иконоборческий». Это образное обозначение, которое в данном контексте может быть передано лишь описательно, поскольку возникают сочетаемостные ограничения («иконоборческий советник»*, помимо ущербной сочетаемости, не выражает требуемого смысла). Необходима ситуационная расшифровка смысла, выбор предметных обозначений, раскрывающих смысл.

Still, there is plenty of scope for (1) *further* economic reform. An (2) *enthusiast for competition*, Mr. Amato himself would like to (3) *deregulate* (4) *further* and (5) *faster*.

Перевод: «Всё-таки ещё есть много места для (1) *продолжения* экономической реформы. И (2) *такой энтузиаст рыночного соревнования*, как г-н Амато, с удовольствием (4) *продолжит* (3) *децентрализацию экономики* и даже (5) *ускорит её*».

Прокомментируем отмеченные цифрами приёмы перевода. Под номером (1) стоит грамматическая конверсия (прилагательное «*further*» заменяется существительным «*продолжение*»), под номером (2) — прямая замена с небольшой компенсацией («*рыночное соревнование*»). Сложнее с элементом (3) — «*deregulate*», который в своём словарном значении переводится как «прекращать регулирование». Сложность возникает и с переводом элементов (4) и (5), которые грамматически и по смыслу связаны с элементом (3) (буквальный перевод звучит неудовлетворительно: «будет прекращать регулирование дальше и быстрее»*). Ситуацию вновь спасают семантическая замена и грамматическая конверсия: замена глагола существительным («*deregulate*» — «*децентрализация*»), замена наречий «*further*» и «*faster*» глаголами «*продолжит*» и «*ускорит*». Переводчик меняет семантико-грамматический способ приближения к смыслу, т.е. принцип предметного языкового обозначения, которое служит носителем смысла.

(1) *Beginning a pilgrimage* (2) *to retrace the steps of Moses*, the Pope arrived Thursday in Egypt seeking to use (3) *ancient biblical symbols* to reduce modern religious tensions.

Перевод: «(1) *Начиная паломничество по святым местам*, в четверг папа римский прибыл в Египет. (2) *Повторяя путь Моисея*, папа стремится использовать (3) *древние библейские символы*, чтобы ослабить межрелигиозную напряжённость».

В этом примере наибольшую сложность представляет элемент (2) — «*to retrace the steps of Moses*». В исходном высказывании этот элемент раскрывает смысл элемента (1) — «*pilgrimage*», выражая, куда направлено паломничество папы. Основная задача для переводчика — связать по смыслу элементы (2) и (3), показать, что

«повторение пути Моисея» и есть тот «библейский символ», к которому обращается папа, чтобы «ослабить напряжённость». Переводчик решает эту задачу путём дробления высказывания и переноса элемента (2) во второе высказывание, ясно показывая смысловую связь этих элементов.

Анализ примеров показывает, что механизм интерпретации в переводе предстаёт как бы в перевёрнутом виде. Переводчик идёт не по пути расширительного дискурсивного толкования, вскрывая мыслимые внешние дискурсивные связи текста (возможные мотивы и следствия), а по пути внутренней *эксплицитации* смысла, выбирая подходящий предметный носитель. Из этого можно сделать вывод, что интерпретация в переводе в своём вариативном аспекте ограничена *языковой формой текста*, т.е. семантикой и грамматикой предметных обозначений. Риторика и поэтика текста не могут быть объектом «переводческой интерпретации», не подлежат изменению. Интерпретатор не может изменить сказанного, но может переосмыслить (изменить, расширить, усилить, ослабить, исказить и пр.) его толкование. Меняется субъективная смысловая сторона толкования, но не меняется объект. Интерпретатор глубже, шире, лучше автора «видит» объект. Переводчик не может изменить заложенное автором — подлинным субъектом речевого действия — понимание текста, но, следуя авторскому смысловому заданию, он может изменить объект, «исправить» порядок обозначения.

Анализ примеров также показывает, что все проблемы перевода решаются через слово. Обычную трудность в переводе представляют слова, ёмкие по смыслу. Это — слова с яркой экспрессивной и/или образной функцией или слова, за которыми стоит сложная ситуация описания. В приведённых выше примерах это элементы «stranglehold», «Indian contracts», «deregulate», «iconoclastic». В переводном языке требуется выбор более сложного порядка обозначения, чтобы достичь требуемой формы смыслового тождества.

С давних времён известно, что переводить нужно по смыслу. Можно вспомнить теоретические рассуждения Цицерона, который считал, что при переводе слова нужно не подсчитывать, а взвешивать [Нелюбин, Хухуни, 2006, с. 31].

V

Дихотомии перевода — сложная совокупность теоретических координат, характеризующих перевод как системную лингвистическую и как коммуникативно-деятельностную реальность. Фундаментальная задача теории — найти и объяснить момент тождества изучаемого объекта, который будет осмыслен как критерий

его сущностного становления. Дихотомии противопоставляют инвариантное (необходимое) вариативному (случайному) и таким образом отрицательно определяют сущностные очертания объекта.

Соссюровские дихотомии языка строятся на основе устойчивых структурных свойств языкового знака. Дихотомии перевода имеют точкой отсчёта знак речевой, феноменологический. Языкознание в своём теоретическом развитии движется от метафизики к феноменологии знака. Переводоведение, объясняя свой объект, движется в обратном направлении: от феноменологии к метафизике знака.

В переводе знаки двух языков, отличаясь друг от друга в принципах структурной работы (в грамматике, в принципах предметного обозначения), не отличаются друг от друга феноменологически. Тождество феноменологий — вот что объединяет знаки разных языков в переводе, делает их условно взаимозаменяемыми. Переводчик, решая задачу перевода, ищет момент максимального совпадения знаков с точки зрения общей для них смысловой задачи. Не структурные, а экстралингвистические основания тождества определяют значение переводческих дихотомий.

Переводоведение движется от смыслового тождества к структурному сопоставлению языков. Обратный путь — от сопоставительного структурного анализа к смыслу (т.е. от различий к тождеству) — непродуктивен, приводит к мнимым закономерностям перевода.

В рамках новой научной парадигмы переводоведения более широко должен ставиться вопрос о критериях анализа переводческих трансформаций. Структурный анализ трансформаций должен быть дополнен их интерпретационным анализом. Интерпретация в переводе отличается от обычной интерпретации. В обычной интерпретации инвариантен объект, вариативен субъект. В переводе, наоборот, вариативен объект, инвариантен субъект. В своём вариативном аспекте интерпретация в переводе ограничена языковой формой текста (предметной спецификой выражения).

Список литературы

- Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* Очерки по истории лингвистики. М.: Главная редакция восточной литературы, 1975. 559 с.
- Amirova, T.A., Olkhovikov, B.A., Rojdestvenskiy, Yu.V.* Ocherki po istorii lingvistiki. Moskva: Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1975. 559 p. (in Russian).
- Гаврилов Л.А., Латышев Л.К.* Основы аннотирования и реферирования: Учеб. пособие. М.: Военный институт, 1981. 125 с.
- Gavrilov, L.A., Latyshev, L.K.* Osnovy annotirovaniya i referirovaniya: Ucheb. posobiye. Moskva: Voyenniy institut, 1981. 125 p. (in Russian).

- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.
- Garbovskiy, N.K.* Teoriya perevoda: Uchebnik. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007. 544 p. (in Russian).
- Дорошенко В.П.* Теория перевода в поисках новой парадигмы развития (к основаниям переводческой концепции Я.И. Рецкера) // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 200–204.
- Doroshenko, V.P.* Teoriya perevoda v poiskah novoy paradigmy razvitiya (k osnovaniyam perevodcheskoy kontseptsii Ya.I. Retsera) // Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyah: Mat-ly VIII Mejdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam yazyka i kommunikatsii (Moskva, 27 iyunya 2014 g.). Moskva: ID "Mejdunarodnye otnosheniya", 2014. P. 200–204 (in Russian).
- Иванов Вяч.Вс.* Контакты языковые // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 237.
- Ivanov, Vyach.Vs.* Kontakty yazykovye // Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya, 1990. P. 237 (in Russian).
- Иванов Н.В.* Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 110–135.
- Ivanov, N.V.* Antinomiya interpretatsii: nachala analiza // Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyah: Mat-ly VIII Mejdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam yazyka i kommunikatsii (Moskva, 27 iyunya 2014 g.). Moskva: ID "Mejdunarodnye otnosheniya", 2014. P. 110–135 (in Russian).
- Князева Е.Г.* Речевая единица и коммуникативная антиципация // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 609–613.
- Knyazeva, E.G.* Rechevaya edinita i kommunikativnaya antitsipatsiya // Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyah: Mat-ly VIII Mejdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam yazyka i kommunikatsii (Moskva, 27 iyunya 2014 g.). Moskva: ID "Mejdunarodnye otnosheniya", 2014. P. 609–613 (in Russian).
- Кодухов В.И.* Общее языкознание. М.: Высшая школа, 1974. 303 с.
- Kodukhov, V.I.* Obshhee yazykoznanie. Moskva: Vysshaya shkola, 1974. 303 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Переводоведение в XX веке: некоторые итоги // Тетради переводчика. Вып. 24. М.: МГЛУ, 1999. С. 4–20.

- Komissarov, V.N.* Perevodovedeniye v XX veke: nekotoryye itogi // Tetradi perevodchika. Vyp. 24. Moskva: MGLU, 1999. P. 4–20 (in Russian).
- Крюков А.Н.* Теория перевода: Учеб. пособие. М.: Военный институт, 1989. 176 с.
- Крыков, А.Н.* Teoriya perevoda: Ucheb. posobiye. M.: Voyenniy institut, 1989. 176 p. (in Russian).
- Лотман Ю.М.* К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 110–120.
- Lotman, Yu.M.* K postroyeniyu teorii vzaimodeistviya kul'tur (semioticheskii aspekt) // Lotman Yu.M. Izbranniye stat'i. T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. P. 110–120 (in Russian).
- Львовская З.Д.* Современные проблемы перевода / Пер. с исп. В.А. Иовенко. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.
- L'vovskaya, Z.D.* Sovremenniye problemy perevoda / Per. s isp. V.A. Iovenko. Moskva: Izd-vo LKI, 2008. 224 p. (in Russian).
- Мишьяр-Белоручев Р.К.* Теория и методы перевода. М.: Московский Лицей, 1996. 208 с.
- Minyar-Beloruichev, R.K.* Teoriya i metody perevoda. Moskva: Moskovskiy Litsey, 1996. 208 p. (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть II) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2013. № 2. С. 3–41.
- Mishkurov, E.N.* O “germenevticheskom povorote” v sovremennoy teorii i metodologii perevoda (tchast' II) // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda. 2013. № 2. P. 3–41 (in Russian).
- Нелюбин Л.Л., Хухуни Г.Т.* Наука о переводе (история и теория с древнейших времён до наших дней): Учеб. пособие. М.: Флинта, 2006. 416 с.
- Nelyubin, L.L., Khukhuni, G.T.* Nauka o perevode (istoriya i teoriya s drevneishih vremyon do nashih dnei): Ucheb. posobiye. Moskva: Flinta, 2006. 416 p. (in Russian).
- Новикова М.Г.* Языковой символизм и мера смысла как способ передачи идиостиля при переводе художественной прозы // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Мат-лы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва, 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 150–161.
- Novikova, M.G.* Yazykovoy simbolizm i mera smysla kak sposob peredachi idio-stilya pri perevode khudojestvennoy prozy // Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokul'turnom i kommunikativnom izmereniyah: Mat-ly VIII Mejdunar. nauch. konf. po aktualnym problemam yazyka i kommunikatsii (Moskva, 27 iyunya 2014 g.). Moskva: ID “Mejdunarodnye otnosheniya”, 2014. P. 150–161 (in Russian).
- Палажченко П.Р.* Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М.: Валент, 1999. 240 с.

- Palajtchenko, P.R.* Nesistemicheskiy slovar' trudnostey, tonkostey i premudrostey angliyskogo yazyka v sopostavlenii s russkim. Moskva: Valent, 1999. 240 p. (in Russian).
- Полубоярова М.В.* Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.
- Poluboyarova, M.V.* Strukturniye urovni ekvivalentnosti v spetsial'nom perevode (na materiale anglo-russkogo publitsisticheskogo perevoda): Dis. ... kand. philol. nauk. Moskva, 2009. 179 p. (in Russian).
- Пушкарёва Л.П.* Общий перевод: Учебник для 3-го курса. М.: Военный университет, 1998. 285 с.
- Pushkaryova, L.P.* Obshhiy perevod: Uchebnik dlya 3-go kursa. Moskva: Voenyenniy universitet, 1998. 285 p. (in Russian).
- Рецкер Я.И.* Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. 2-е изд. М.: Р. Валент, 2006. 240 с.
- Retsker, Ya.I.* Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda. 2-e izd. Moskva: R. Valent, 2006. 240 p. (in Russian).
- Сидоров Е.В.* Социальная коммуникация. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 200 с.
- Sidorov, E.V.* Sotsial'naya kommunikatsiya. Moskva: Izd-vo RGSU, 2011. 200 p. (in Russian).
- Сорокин Ю.А.* Переводоведение: статус переводчика и герменевтические процедуры. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 160 с.
- Sorokin, Yu.A.* Perevodovedeniye: status perevodchika i germenevticheskiye protsedury. Moskva: ITDGK "Gnozis", 2003. 160 p. (in Russian).
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–274.
- Saussure, F. de.* Kurs obshhey lingvistiki // Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniiyu. Moskva: Progress, 1977. P. 31–274 (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Введение в теорию перевода (лингвистические проблемы). М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 375 с.
- Fyodorov, A.V.* Vvedeniye v teoriyu perevoda (lingvisticheskiye problemy). Moskva: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1958. 375 p. (in Russian).
- Франк Д.* Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1999. С. 254–264.
- Frank, D.* Sem' grekhov pragmatiki: tezisy o teorii rechevykh aktov, analize rechevogo obshheniya, lingvistike i ritorike // Novoye v zarubejnoy lingvistike. Vyp. 17: Teoriya rechevykh aktov. Moskva: Progress, 1999. P. 254–264 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 216 с.
- Shveitser, A.D.* Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty. Moskva: LIBROKOM, 2009. 216 p. (in Russian).
- Шорохов В.А.* Перевод и семантика // Тетради переводчика. Вып. 19. М.: Высшая школа, 1982. С. 116–126.

- Shorohov, A.D.* Perevod i semantika // Tetradi perevodchika. Vyp. 19. Moskva: Vysshaya shkola, 1982. P. 116–126 (in Russian).
- Эко У.* Сказать почти то же самое: Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.
- Еко, У.* Skazat' pochti to je samoye: Opyty o perevode. SPb.: Symposium, 2006. 574 p. (in Russian).
- Якобсон Р.* О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 16–24.
- Yakobson, R.* O lingvisticheskikh aspektah perevoda // Voprosy teorii perevoda v zarubejnoj lingvistike. Moskva: Mejdunarodnye otnosheniya, 1978. P. 16–24 (in Russian).

ИСТОРИЯ ПЕРЕВОДА И ПЕРЕВОДЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Чжао Яньцю,

кандидат филологических наук, старший преподаватель Института иностранных языков Фуданьского университета, Китай; e-mail: zhaoyq@fudan.edu.cn

ОЧЕРК РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ В КИТАЕ*

В статье даётся краткий обзор распространения и развития русской теории перевода в Китае. В ходе изучения работ китайских филологов было выявлено, что китайские учёные познакомились с концепциями 22 русских теоретиков в области перевода; исследовано 7 актуальных тем, связанных с теорией перевода. Особое внимание уделяется 5 главным разделам в изучении русского переводоведения.

Ключевые слова: теория перевода, Китай, Россия, культурное и научное влияние.

Zhao Yanqiu,

Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer at the Institute of Foreign Languages, Fudan University, China; e-mail: zhaoyq@fudan.edu.cn

ESSAY ON DISSEMINATION AND STUDY OF RUSSIAN TRANSLATION TRADITION IN CHINA

This article presents a brief overview of the spread and development of Russian translation theory in China. Chinese scholars are acquainted with 22 Russian theorists' works in the field of translation; the author also studied 7 important topics related to the theory of translation and focused on 5 main branches in analyzing Russian translation and interpretation studies.

Key words: translation theory, China, Russia, cultural and scientific influence.

Исследование русских переводческих традиций в Китае имеет достаточно долгую историю. Ещё в начале образования Нового Китая концепции двух русских школ переводоведения стали предметом изучения китайских лингвистов. В 1951 г. в первом номере журнала «Обучение русскому языку» был напечатан перевод работы «О мере точности в переводе» Л.Н. Соболева. А в 1955 г. в Китае впервые был издан краткий обзор научной работы А.В. Фёдорова «Основы общей теории перевода». Прошло более полувека с тех

* Статья написана при поддержке Государственного фонда по гуманитарным наукам Министерства образования Китая (проект № 14YJC740123 «К вопросу об изучении современных советских и русских переводческих традиций в течение 60 лет (1953–2013)»).

пор, как китайские учёные обратились к русским переводческим традициям. Анализируя исследования китайских лингвистов, мы выявили ряд актуальных аспектов в изучении русского переводоведения.

1. Об известных русских учёных в области теории перевода

До сих пор в Китае издано всего 9 переводных книг, связанных с русской переводческой мыслью. В них представлены труды 22 учёных. Для того чтобы иметь полное представление об этих работах, мы выделили три этапа в истории изучения русского теоретического наследия.

1. В 1950-е гг. было опубликовано 10 научных статей о взглядах русских учёных на перевод, среди них работы А.В. Фёдорова (1954, 1956), И.А. Кашкина (1952), В.А. Жуковского (1952), а также другие переводы статей по художественному переводу из русских газет «Известия» и «Литературная газета». В 1958 г. в китайском журнале «Западное литературоведение» появилась статья о переводческой деятельности в СССР, где автор представил подробный очерк научных достижений в области перевода в СССР с 1917 по 1955 г., перечислил ряд влиятельных учёных в этой сфере, определивших направления исследований на десятилетия вперёд. Стоит подчеркнуть, что в этот период в Китае вышли в свет 4 важные переводные работы, а именно: «Основы общей теории перевода» А.В. Фёдорова (1955), «Автоматический перевод» Д.Ю. Панова (1957), «Основы перевода» Л.Н. Соболева (1958), «Вопросы о художественном переводе» (1959).

2. В период 1980–90-х гг. самым известным специалистом, системно занимающимся изучением и популяризацией русской теории перевода, стал профессор Цай И. В начале своей карьеры он опубликовал статьи о теоретических взглядах И.А. Кашкина (1983), Л.С. Бархударова (1987), систематизировал и перевёл научные труды Л.С. Бархударова (1985) и Г.Р. Гаччиладзе (1987), которые стали образцами для последующих исследователей. Кроме того, в этот период на китайский язык были переведены работы В.Н. Комиссарова (1984, 1999), З.Д. Львовской (1987), В.Г. Белинского (1989), Н.М. Любимова (1989), А.Д. Швейцера (1995).

3. С 2000 г. и до настоящего времени китайские специалисты познакомились с трудами следующих учёных: Л.А. Черняховской (2000), Р.К. Миньяр-Белоручева (2000), Л.К. Латышева (2002), П.М. Топера (2002), А.А. Смирнова (2011), С.В. Тюленева (2013), Г.В. Чернова (2013). Следует отметить, что в этот период были глубоко переосмыслены переводческие подходы Л.С. Бархударова (2002),

А.Д. Швейцера (2003), В.Г. Белинского (2010). Самой актуальной темой в эти годы была дискуссия о переводческой концепции В.Н. Комиссарова (2001, 2002, 2003, 2004, 2010). В 2006 г. монография В.Н. Комиссарова «Современное переводоведение» вышла в переводе на китайский язык. Сенсационным событием стал выпуск научной работы «Обзор о направлениях изучения по русско-советской переводческой традиции» [吴克礼 / У Кэли, 2006], в которой впервые системно были собраны взгляды 13 главных теоретиков перевода, в том числе и тех, чьи работы никогда ранее не публиковались в Китае: Н.К. Гарбовского, В.В. Сдобникова и В.С. Виноградова. Эта книга обогатила и углубила наше понимание русской теории перевода.

2. Об актуальных теоретических темах в области переводоведения

Из вышесказанного мы узнали, что китайские учёные давно обратили внимание на русскую переводческую традицию и определили немало направлений для дальнейших исследований. Учёные не только останавливались на описании взглядов главных представителей этой науки, но и проводили исследования по ряду актуальных теоретических тем в области переводоведения. Нами было выявлено 7 таких тем.

1. О единице перевода

Вопрос о единице перевода является одним из самых сложных в теории перевода. Китайские учёные уделили особое внимание освещению этой проблемы в русскоязычных работах. Например, Чэнь Цзе тщательно проанализировал учение Л.С. Бархударова о 6 уровнях единицы перевода и на его основе выдвинул свою теорию. Он относительно полно описал результаты изучения единицы перевода в России и заявил, что «единица перевода представляет собой самую минимальную единицу речи или языковую единицу по семантической синтагме в оригинале и переводе» [陈洁 / Чэнь Цзе, 2007]. Профессор Ян Шичжан считал вопрос о единице перевода одним из 8 аспектов лингвистической теории перевода. Он коротко обобщил представления о единице перевода таких теоретиков, как И.И. Ревзин, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев [杨仕章 / Ян Шичжан, 2006]. Мао Чживэнь определил 4 позиции русских учёных в отношении единицы перевода: отрицание существования единицы перевода, признание её с точки зрения функциональной лингвистики, стилистики текста и функциональной коммуникации. Также автор высоко оценил новаторское мне-

ние С.В. Тюленева, который рассматривал единицу перевода как процесс перевода, что привело к новому пути изучения этого вопроса [毛志文 / Мао Чживэнь, 2012].

2. О прагматической концепции перевода

В Китае первым обобщённо описал вопрос о прагматике перевода Цай И. В своей работе «Теория перевода в СССР» он посвятил данной проблеме целый раздел, где кратко изложил концепции А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова и Л.С. Бархударова. В последующие годы другие авторы также обращали внимание на роль прагматики в языковой коммуникации или объясняли понятия «прагматическое воздействие» и «прагматический потенциал», в основном опираясь на концепции трёх упомянутых выше русских теоретиков.

3. О концепции «эквивалент»

«Среди зарубежных теорий перевода понятие об эквиваленте А.В. Фёдорова появилось в Китае раньше других» [方梦之 / Фан Мэнчжи, 1989, с. 17]. Китайские учёные единогласно утверждали, что понятие эквивалента вводится А.А. Смирновым и Я.И. Рецкером в 1930–50-х гг., постепенно развивается А.В. Фёдоровым и Л.С. Бархударовым в 50–80-х и далее разъясняется В.Н. Комиссаровым и А.Д. Швейцером. Разумеется, концепция эквивалента разрабатывается и в XXI в.: например, известный современный теоретик перевода Н.К. Гарбовский подробно проанализировал отношения между эквивалентностью и адекватностью, эквивалентностью и смыслом на основе лингвистики и философии языка и отметил, что смысл эквивалентности и понимания переводчика играет важную роль. В.В. Сдобников разделил критерий оценки качества перевода на два различных понятия: «эквивалент» и «тождество», исходя из теории общей коммуникации. В.Н. Крупнов рассмотрел отношения между эквивалентом и лексикографией с точки зрения практики перевода [陶源 / Тао Юань, 2012].

4. О спорах между двумя направлениями

Характерной чертой русской теории перевода является спор между двумя направлениями — лингвистическим и художественным. Можно отметить три главные статьи на китайском языке по этой теме, которые характерны для каждого этапа изучения: в 50–60-е гг. было рассказано о споре двух направлений, в 80-е гг. подробно обсуждались взгляды теоретиков каждого направления, в начале XXI в. проводится сравнительный анализ актуальных во-

просов их дискуссии. Систематизируя опыт китайских учёных, мы выявили, что данная дискуссия сосредоточена на следующих вопросах:

- Каков критерий перевода?
- Художественный перевод необходимо изучать с позиций лингвистики или с позиций литературоведения?

Указанные направления постепенно сошлись во мнениях: художественный перевод объективно требует совместного многоаспектного и многоотраслевого изучения [谢云才 / Се Юньцай, 2002].

5. О моделях перевода

Наиболее разработанным методом изучения переводческого процесса является создание теоретических моделей перевода и описание различных типов преобразований, с помощью которых возможен переход от части текста оригинала к части текста перевода. Хань Чжэньюй познакомил нас с 4 моделями В.Н. Комиссарова, служащими для описания процесса перевода (ситуативная, трансформационная, семантическая и психолингвистическая модели). Се Юньцай и Чжан Цзе разделили существующие русские модели перевода, основанные на разных постулатах, на два типа: лингвистическая и речевая коммуникативная модели. В первый тип включены упомянутые ситуативная, трансформационная и семантическая модели, закономерно добавлена эквивалентная модель. Второй тип включает динамическую модель А.Д. Швейцера, функционально-коммуникативную модель Л.К. Латышева и З.Д. Львовской. Из сравнительного анализа очевидно, что с углублением изучения теории переводческие модели постоянно совершенствуются; их установление имеет очень важное значение для нашей страны, даже для всего мира, так как это позволит рационально описать процесс перевода.

6. Об истории теории перевода

В 1955 г. была опубликована статья на китайском языке о состоянии перевода в СССР. В 1987 г. китайские учёные Цай И и Ван Лэй перевели статью А.Д. Швейцера, в которой излагаются достижения и недостатки в развитии советской теории перевода в течение 70 лет после Октябрьской революции.

В научных кругах Китая историю развития советской теории перевода по традиции делят на три этапа: этап формирования (1919–1950), этап развития (1950–1970) и этап углубления (после

1970 г.). Разумеется, существуют и другие классификации. Не остаются без внимания новейшие концепции русских исследователей: так, Тао Юань впервые познакомила китайских учёных с новой тенденцией, представленной работами И.С. Алексеевой (2008), В.И. Хайруллина (2009), В.Н. Крупнова (2009) [陶源 / Тао Юань, 2012].

7. Об отношении писателя к переводу

Российские писатели и литературные критики традиционно занимаются переводческой деятельностью. Ими написано много статей, очерков и других работ по теории перевода. Их мнения и воззрения помогают нам понять тайну и красоту перевода. Однако у нас в Китае недостаточно обсуждаются такие исследования. На сегодняшний день имеется только 3 статьи об отношении к переводческой деятельности В.Г. Белинского и А.С. Пушкина. Очевидно, что данная тема имеет большую перспективу изучения.

3. О главных разделах в процессе исследования теории перевода

1. О лингвистических теориях перевода

Как мы уже говорили, в китайских изданиях освещались концепции ряда влиятельных русских учёных — специалистов в области лингвистического переводоведения: А.В. Фёдорова, Л.С. Бархударова, А.Д. Швейцера, В.Н. Комиссарова, Л.К. Латышева, Л.А. Черняховской, З.Д. Львовской, В.С. Виноградова, В.В. Слобникова и Н.К. Гарбовского. Работы А.В. Фёдорова, Л.С. Бархударова и В.Н. Комиссарова были переведены на китайский язык. Кроме того, в связи с бурным развитием лингвистического направления русской теории перевода с 1980-х гг. до настоящего времени китайские учёные непрерывно обобщали и развивали свои исследования. В частности, в 2006 г. была издана монография «Лингвистическое переводоведение», которая является существенной работой на китайском языке, посвящённой лингвистическому направлению советской и русской теории перевода. Её издание свидетельствует о большом прогрессе в изучении этой области.

2. О художественных традициях перевода

До сих пор мы специально изучали переводческие теории всего 9 русских представителей данного направления: ознакомились с суждениями К.И. Чуковского, М.М. Морозова, А.А. Смирнова; анализировали работу Л.Н. Соболева «Переводить образ образом», а также «Реалистический перевод» И.А. Кашкина; обсуждали кон-

цепцию творческого воссоздания объективной реальности Г.Р. Гачечиладзе и положения П.М. Топера о месте перевода в системе сравнительного литературоведения; разъясняли переводческие концепции В.Г. Белинского и Н.М. Любимова. Стоит отметить, что в Китае опубликованы сокращённые или полные переводы монографий М.М. Морозова, Л.Н. Соболева и Г.Р. Гачечиладзе. Китайские учёные постоянно следят за развитием переводоведения в мире и систематически пишут о достижениях в переводоведении художественного направления. Например, Цзинь Фан описала процесс развития данного направления [靳芳 / Цзинь Фан, 2010]; Се Тяньчжэнь упомянул об идеях Е.Г. Эткинда, В.М. Россельса, В. Коптилова, работы которых до сих пор не изучались в Китае [谢天振 / Се Тяньчжэнь, 1997]; Мао Чживэнь дополнительно описал труды В.С. Модестова и Ю.П. Солодуба, которые внесли особый вклад в развитие указанного направления в начале XXI в. [毛志文 / Мао Чживэнь, 2013].

3. О машинном переводе

Как пишет Линь Сюехун, «в 1939–1944 гг. в СССР была создана модель автопереводческой машины» [林学洪 / Линь Сюехун, 1958, с. 438]. С 1954 г. по настоящее время в России ведутся исследования машинного перевода, в 1955 г. Д.Ю. Панову и другим исследователям удалось осуществить перевод с английского языка на русский с помощью машины. В 1957 г. в китайском переводе вышла монография Д.Ю. Панова «Автоматический перевод». В настоящее время в Китае существует три вуза, пристально изучающих машинный перевод: Хэйлунцзянский университет, Университет иностранных языков при НОАК и Харбинский политехнический университет. Эти вузы славятся своими достижениями в данной сфере: их сотрудники многократно писали о системе ЭТАП Ю.Д. Апресяна [易绵竹, 薛恩奎, 李绍哲, 南振兴 / И Мянчжу и др., 2002], ознакомили китайскую аудиторию с системой машинного перевода фразеологии RETRANA, которую исследовали Г.Г. Белоногов и др. [武斌 / У Бин, 2007]. Профессор Хэйлунцзянского университета Ли Сиинь квалифицированно перевёл на китайский язык работу украинского учёного Г. Мирама «Translation Algorithms», где подробно объясняется несколько характерных моделей машинного перевода, в частности алгоритм автоматического перевода Л.Л. Нелюбина и моделирование перевода на основе переводных соответствий Ю.Н. Марчука.

4. Об устном переводе

В России устный перевод имеет долгую историю, которая берёт начало с 30-х гг. прошлого века. Можно отметить, в частности, большой российский опыт в области подготовки переводчиков ООН. В Китае опубликовано всего три статьи об исследовании устного перевода до 80-х гг. [方梦之 / Фан Мэнчжи, 2003, с. 54]. С 90-х гг. устный перевод является неотъемлемой частью переводческой деятельности в нашей стране. Как бы то ни было, мы уделяли устному переводу гораздо меньше внимания, нежели русские учёные, не говоря уже о применении их опыта. Долгое время мы были знакомы только с работами Р.К. Миньяр-Белоручева, который известен у нас главным образом не как представитель теории устного перевода, а как исследователь лингвистического направления. В 2013 г. было написано две диссертационные работы о научном творчестве русского специалиста Г.В. Чернова, в них переведены 1, 5 и 6-я главы книги Г.В. Чернова «Основы синхронного перевода», что дало возможность китайским исследователям более подробно и внимательно ознакомиться с его концепцией [牟丽莎 / Му Лиша, 2013; 许多 / Сюй До, 2013].

5. О влиянии русской теории перевода на Китай и мир

«Важное влияние имела и имеет русская теория перевода на Китай и мир» [吴克礼 / У Кэли, 2006, с. 195]. Так, концепция «эквивалент» зародилась в России и быстро распространилась по всему миру. Это влияние оказывается двухаспектным: с одной стороны — влияние на переводческую мысль в макроаспекте, с другой — на переводческую практику в микроаспекте. Во-первых, многие учёные в Китае не раз упоминали влияние русской переводческой мысли на И. Левого (Чехословакия), А. Поповича (Словакия) и Анну Лилову (Болгария), поэтому мы всё время уделяем внимание развитию восточноевропейского направления. Например, концепция выбора перевода И. Левого и историческая концепция перевода Анны Лиловой были заимствованы китайскими специалистами. Во-вторых, некоторые учёные пытались исследовать устный перевод с помощью концепции «эквивалент», а также делать переводы в разных стилях. Это значительно расширило границы влияния теории, особенно в области практики перевода.

Список литературы

- 陈洁. 俄语界对翻译单位研究综述 [J]. 中国科技翻译, 2007, 01:46—48.
Чэнь Цзе. Очерки исследований о единице перевода в научном кругу рустистов // Научно-технический перевод Китая. 2007. № 1. С. 46—48.

- 方梦之. 20 世纪下半叶我国翻译研究的量化分析 [J]. 外语研究, 2003, 03:50—56.
- Фан Мэнчжи*. Количественный анализ изучения переводоведения во второй половине XX века в нашей стране // Исследования по иностранным языкам. 2003. № 3. С. 50—56.
- 方梦之. 文体研究与科技翻译 [J]. 中国翻译, 1989, 04:17—21.
- Фан Мэнчжи*. Исследование стиля и научно-технический перевод // Китайское переводоведение. 1989. № 4. С. 17—21.
- 靳芳. 俄苏文学学派翻译思想研究 — 以《庄子》俄译本为分析个案 [D]. 北京师范大学, 2010.
- Цзинь Фан*. О переводческой традиции художественного направления в России. Пекинский педагогический университет, 2010.
- 林学洪. 苏联的翻译事业 [J]. 西方语文, 1958, 04:434—439.
- Линь Сюехун*. О переводческой деятельности в СССР // Литературоведение на Западе. 1958. № 4. С. 434—439.
- 毛志文. 从俄语界翻译单位的研究分类看秋列涅夫对翻译单位研究的贡献 [J]. 外语教学理论与实践, 2012, 04:93—97.
- Мао Чжигэнь*. О вкладе Тюленева на основе типов «единиц перевода» в русской теории перевода // Теория и практика обучения иностранным языкам. 2012. № 4. С. 93—97.
- 毛志文. 苏、俄翻译理论文艺学派的思想演变及其研究 [J]. 上海翻译, 2013, 01:13—17.
- Мао Чжигэнь*. Об эволюции переводческой мысли художественного направления в теории перевода // Шанхайский перевод. 2013. № 1. С. 13—17.
- 牟莉莎. 《同声传译中的推理与预期》(第一章和第六章)翻译报告 [D]. 四川外国语大学, 2013.
- Моу Лиша*. Индивидуальное суждение и умозаключение при синхронном переводе (перевод гл. 1 и 6). Сычуаньский университет иностранных языков, 2013.
- 索伯列夫. 论翻译的准确性 [J]. 俄文教学, 创刊号, 1951:41.
- Соболев Л.Н.* О мере точности в переводе // Обучение русскому языку. 1951. С. 41.
- 陶源. 俄罗斯翻译理论在 21 世纪的新发展 [J]. 语言与翻译, 2012, 02:65—68.
- Тао Юань*. Новое развитие русской теории перевода в XXI веке // Язык и перевод. 2012. № 2. С. 65—68.
- 吴克礼主编. 《俄苏翻译理论流派述评》[M]. 上海: 上海外语教育出版社, 2006.
- У Кэли*. Обзор о направлениях изучения по русско-советской переводческой традиции. Шанхай: Издательство шанхайского иностранного образования, 2006.
- 武斌. 面向俄文信息处理的机器翻译实验研究 [D]. 中国人民解放军外国语学院, 2007.
- У Бин*. Об испытании механического перевода. НОАК, 2007.
- 谢天振. 前苏联及东欧诸国的文学翻译研究及其理论 [J]. 中国比较文学, 1997, 04:65—76.
- Се Тяньчжэнь*. О художественном переводе в СССР и восточноевропейских странах // Китайская сравнительная литература. 1997. № 4. С. 65—76.

- 谢云才. 俄罗斯翻译理论的语言学派与艺术学派 — 两派文学翻译理论对比分析 [J]. 外语学刊, 2002, 01:97–101.
- Се Юньцай*. Лингвистическое и художественное направления в теории перевода: сравнительный анализ двух направлений // Научная периодика по иностранным языкам. 2002. № 1. С. 97–101.
- 许多. 《同声传译中的推理和预期》(第五章) 翻译报告 [D]. 四川外国语大学, 2013.
- Суй До*. Индивидуальное суждение и умозаключение при синхронном переводе (перевод гл. 5). Сычуаньский университет иностранных языков, 2013.
- 杨仕章. 俄罗斯语言翻译学研究的八大领域 [J]. 外语研究, 2006, 03:56–60.
- Ян Шичжан*. О 8 аспектах в изучении лингвистического направления теории перевода // Исследования по иностранным языкам. 2006. № 3. С. 56–60.
- 易绵竹, 薛恩奎, 李绍哲, 南振兴. 一种与 UNL 接口的机器翻译系统 ЕТАП-3 概要 [A]. 中国中文信息学会、中国人工智能学会. 机器翻译研究进展 — 2002 年全国机器翻译研讨会论文集 [C]. 中国中文信息学会、中国人工智能学会, 2002:10.
- И Мянъчжу* и др. О системе ЭТАП-3 машинного перевода // Сборник докладов Всекитайского симпозиума по механическому переводу. 2002. С. 10.

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА

Л.А. Гаврилов,

кандидат филологических наук, профессор кафедры французского языка Военного университета МО РФ

Р.И. Зарипов,

кандидат филологических наук, начальник группы Центра (лингвистического) МО РФ; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

Е.Г. Торсуков,

кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕТАФОРЫ ОБРАЗА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Настоящая статья посвящена вопросу перевода политических метафор с иностранного языка на русский. Отечественные переводчики сталкиваются с растущим количеством образных выражений, которые по ряду причин представляется затруднительным передать концептуально верно. Выдвигается ряд способов решения этой проблемы.

Статья предназначена для студентов и аспирантов филологического направления, профессиональных переводчиков и преподавателей иностранных языков.

Ключевые слова: метафора, образ России, перевод, переводчик, реципиент.

Lev A. Gavrilov,

Cand. Sc. (Philology), Professor at the Department of the French Language, the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Ruslan I. Zaripov,

Cand. Sc. (Philology), Chief of Group of the Linguistic Center of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail: lieutenant-en-chef@ya.ru

Yevgeny G. Torsukov,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor at the Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University, Russia

METAPHORS OF RUSSIA'S IMAGE: TRANSLATION ISSUES

The article focuses on issues connected with translation of political metaphors from foreign languages into Russian. Russian interpreters and translators face with an increasingly growing amount of metaphors which are difficult to translate conceptually correctly for a number of reasons. The paper puts forward a range of solutions to meet the challenge.

The article may be of interest to undergraduate and post-graduate students specializing in philology, professional interpreters and translators as well as teachers of foreign languages.

Key words: metaphor, image of Russia, translation, interpreter, recipient.

В современных условиях нарастающего геополитического противостояния и ведущейся против России информационной войны наблюдается растущий интерес отечественных исследователей к демонстрации образа нашей страны в западных средствах массовой информации. Основой его формирования, как правило, выступает метафора, поскольку именно она способна создавать как эвфемизм и положительный языковой политический штамп, так и дисфемизм, отрицательный или дискредитирующий образ [Зарипов, 2015, с. 61].

В отечественных работах последних лет, посвящённых метафорическому моделированию образа России в политических текстах зарубежных СМИ, в большей степени рассматривались когнитивно-дискурсивные и прагматические аспекты: структура и свойства метафорических моделей, их семантический и манипулятивный потенциал, а также взаимосвязь метафор и факторов, обусловивших их востребованность. Однако часто обходится стороной вопрос адекватности перевода данных метафор с иностранного языка на русский.

Актуальность этой проблемы подтверждается тем обстоятельством, что на фоне обострения украинского кризиса в ряде языковых сегментов зарубежного политического дискурса (в частности, английском, французском, немецком) резко возросло количество метафор, порождающих яркие пейоративные образы России в сознании (подсознании) реципиента и обладающих весьма выраженным вектором конфликтности. Эти образы как часть политических текстов также требуют достоверного перевода на русский язык. Так, в своей работе отечественные переводчики сталкиваются с серьёзной проблемой сохранения метафорических полей и самих образов, реализующихся в иноязычном дискурсе. Ситуация усложняется тем, что в последнее время метафоры присутствуют не только в текстах массмедиа (новостные блоки, комментарии, аналитические статьи), но и всё чаще появляются в речи зарубежных политических деятелей, дипломатов и партийных функционеров.

В рамках данной статьи мы приведём несколько актуальных примеров и укажем способы решения переводческой проблемы.

В преддверии саммита «Большой двадцатки» в Австралии прозвучало резонансное высказывание премьер-министра этой страны Тони Эбботта: *I'm going to **shirt-front** Mr Putin* [News.com.au].

В словаре Urban Dictionary глагол *to shirt-front* имеет следующие варианты толкования:

– в американском футболе: «сбить мчащегося на полном ходу соперника и вместе с ним упасть на землю»;

– в регби: «стоя лицом к лицу, схватить кого-то за футболку, резко притянуть к себе и сказать что-нибудь резкое».

Очевидно, что регби и американский футбол не являются важной составной частью российской спортивной жизни, поэтому образ, который создаётся такой метафорой на английском языке, весьма затруднительно передать на русском языке в терминах этих во многом незнакомых для среднестатистического реципиента видов спорта. Как же перевести данное выражение?

У переводчика есть два пути решения проблемы.

Во-первых, использовать приём частичной замены образа. Переводчик может выбрать вариант перевода из смежного вида спорта, более присущего российской действительности, — тогда отечественный читатель будет понимать, о чём идёт речь. В этом случае задача переводчика сводится к поиску такого термина (выражения) в знакомой для обывателя игре (или неигровом виде спорта), который концептуально и семантически максимально идентичен исходному термину (выражению) на иностранном языке. Например:

Вариант перевода	Метафорическое поле образа
«Я применю против Путина силовой приём»	хоккей
«Я применю против Путина болевой приём»	борьба

Менее удачным представляется использование выражений «положить на лопатки» (борьба), «послать в нокдаун» (бокс).

Частичная замена образа заключается в данном случае в том, чтобы найти образное выражение в рамках того же метафорического поля («спорт») на русском языке. Выражение «силовой приём» знакомо российскому реципиенту, в частности, по игре в хоккей, выражение «болевого приём» взято из борьбы. Новые образы концептуально схожи с первоначальным образом, который был создан метафорой на иностранном языке, однако нам пришлось опустить спортивные реалии, содержащиеся в исходной фразе. Правило поиска адаптируемой концептуальной сферы при переводе метафор на русский язык не ограничивается указанным примером и действует практически в любой ситуации, когда отечественный реципиент может столкнуться с незнакомыми реалиями.

Второй способ — прибегнуть к полной замене образа. В отечественных средствах массовой информации пошли именно по этому пути, не утруждая себя поиском подходящей спортивной сферы, и решили воспользоваться выражением из сферы «агрессия»: *Я собираюсь взять Путина «за грудки»* [Lenta.ru].

В чём причина такого выбора?

Словарный перевод глагола *to shirt-front* как с точки зрения американского футбола, так и с точки зрения регби говорит о том, что по отношению к сопернику совершаются некие агрессивные действия: в первом случае его сбивают с ног, во втором — хватают за футболку и резко притягивают к себе. Очевидно, что именно агрессивность совершаемых действий подтолкнула переводчика найти такую понятийную сферу, в которой имелось бы похожее по виду и, что самое главное, по характеру действие. В данном случае — метафору драки. Мы сознательно назвали эту сферу более широко — «агрессия», поскольку на самом деле *взять за грудки* можно не только при драке, но и, например, при ссоре. В любом случае это грубое физическое воздействие на человека.

Таким образом, даже несмотря на полную замену образа и области применения, переводчику удалось передать смысл сказанных австралийским премьер-министром слов: он образно пообещал серьёзно поговорить с российским лидером. Уместно заметить, что исходная метафора Эбботта (на английском языке) моделирует политические переговоры как некую грубую спортивную игру с применением силы против соперника. В этих условиях использование в переводном тексте русских просторечных идиом («показать, где раки зимуют», «показать кузькину мать») было бы стилистически неверно.

Сложные для перевода метафоры можно встретить и во французском политическом дискурсе. Так, не один возможный вариант перевода существует для следующей фразы: *Une chape de plomb terrible s'abat sur la société russe* [Letondeur].

При анализе фразеологизмов важно избегать стремления к этимологизации и не рассматривать составляющие элементы отдельно друг от друга. В отношении образных выражений из нескольких слов (элементов) Ш. Балли пишет, что для раскрытия их значения «лучше всего не прибегать к этимологии, а судить... по ситуации и по среде, в которых эти выражения употребляются» [Балли, 2001, с. 230].

Таким образом, смысловая метаморфоза, сопровождающая формирование подобных многоэлементных метафор, основывается на переосмыслении значения всего выражения. Фразеологизм *chape de plomb* означает «ce qui paralyse, constitue un fardeau» [Le Petit Larousse Illustré, 2008, p. 182]. Например: *peser comme une chape de plomb* — «давить тяжёлым гнѐтом; угнетать (морально)» [Ганшина, 1977, с. 146]. Иначе говоря, речь идёт о том, что парализует, обременяет, ограничивает.

В словаре К.А. Ганшиной *chape* в переносном значении переводится как «оковы» [там же], что также позволяет нам говорить об использовании в приведённом контексте ограничительной (ограничивающей какую-либо деятельность или какое-либо действие) метафоры, у которой нет однозначного перевода. Тем не менее совпадение смыслов всего фразеологизма и его отдельного элемента, как в приведённом примере, встречается крайне редко, поэтому стоит опираться именно на коннотативное значение всего фразеологизма.

Если фразеологизм *chape de plomb* переводить фразеологизмом (полная замена образа), то получим: *Российское общество находится под ужасным гнѐтом*. Если переводить, пытаясь передать ограничительный характер метафоры (частичная замена образа), то необходимо подобрать соответствующее существительное для предиката *s'abattre* («опуститься», «обрушиться»). Наиболее подходящее контекстуальное значение слова *chape* — «objet recouvrant qch.» («объект, покрывающий что-либо», с синонимами «крышка», «оболочка», «покров») [Le Petit Robert, 2011, p. 398] — образовано, в свою очередь, от первоначального значения «long manteau de cérémonie, sans manches, agrafé par devant» («облачение священника, мантия»). Значит, приемлемым вариантом станет следующий перевод: *Российское общество накрывает ужасный свинцовый колпак*.

Таким образом, исходным метафорическим полем фразеологизма считается не то поле, которое выступает исходным для его элементов, а то, которое является исходным для конечного значения фразеологизма в целом.

Рассмотрим ещё одно интересное утверждение французских СМИ, на сей раз о российском оппозиционере: *Alexei Navalny est un génant chevalier blanc* [Naudet].

Метафорическое выражение основывается на фразеологической единице *chevalier blanc*, которая означает: «Celui qui vole au secours d'une personne en difficulté» [Le Petit Robert, 2011, p. 417] («тот, кто бросается на помощь человеку в затруднительном положении»). В соответствии с переводческой практикой, в этой ситуации необходимо найти эквивалент представленного фразеологизма в русском языке. Если фразеологический словарь не содержит точного ответа (что случается нередко) или найденный вариант не подходит контекстуально, то нужно самостоятельно подобрать тот образ, который концептуально соответствовал бы образу, порождённому метафорой на французском языке.

Такой образ можно создать разными способами, немаловажную роль здесь играют фоновые знания переводчика, смекалка и неординарное мышление. Кроме того, существуют и исключительные

случаи. Так, в указанном примере представляется возможным перевести всё выражение дословно (вопреки правилу, гласящему, что смысл всего фразеологизма не равен смыслу отдельных образующих его элементов): «Алексей Навальный — мешающий [власти] **рыцарь в белом**». Дословный перевод имеет право на существование ввиду того, что существительное «рыцарь», само по себе означающее героизм, отвагу и способность прийти на помощь, гармонично дополняется указанием на белый цвет одеяния — цвет чистоты, благородства и добра. Таким образом, при переводе сложных образно-метафорических выражений переводчикам не стоит пренебрегать и его «запретными» приёмами. Возможно, такие случаи встречаются достаточно редко, но это именно те случаи, когда цель — достоверный и эстетичный перевод — оправдывает средства.

Стоит отметить, что ограниченный объём статьи как научного труда не позволяет в полной мере проанализировать переводческие аспекты метафоризации, однако существует ряд отдельных трудов (см., например: [Гак, Григорьев, 2000]), в которых им уделяется особое внимание.

Как видим, при переводе политических метафор с иностранного языка на русский переводчику далеко не всегда удаётся избежать семантических «потерь». Часто адекватный перевод требует искажения первоначального образа, заложенного в образно-метафорическом выражении на иностранном языке, поскольку в русском языке метафорическая картина мира несколько иная. Во всяком случае, первоначальный образ, порождённый метафорой на иностранном языке, можно либо сохранить полностью (если найден эквивалент образа в русском языке) или частично (если требуется замена образа в рамках того же лексико-семантического поля), либо заменить с учётом реалий российской культурной действительности. Непредсказуемый и хаотичный характер образования авторских метафор в политической сфере подтверждает незаменимость человеческого ресурса в переводческом деле и превосходство профессионального переводчика над адаптивными системами искусственного интеллекта.

Список литературы

- Балли Ш.* Французская стилистика. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
- Balli, Sh.* Francuzskaya stilistika. 2-e izd., ster. Moskva: Editorial URSS, 2001. 392 p. (in Russian).
- Гак В.Г., Григорьев Б.Б.* Теория и практика перевода: Французский язык. М.: Интердиалект+, 2000. 456 с.

- Gak, V.G., Grigor'ev, B.B.* Teoriya i praktika perevoda: Francuzskiy yazyk. Moskva: Interdialekt+, 2000. 456 p. (in Russian).
- Ганшина К.А.* Французско-русский словарь: 51 000 слов. 7-е изд., стер. М.: Русский язык, 1977. 912 с.
- Ganshina, K.A.* Francuzsko-russkiy slovar': 51 000 slov. 7-e izd., ster. Moskva: Russkiy yazyk, 1977. 912 p. (in Russian).
- Зарипов Р.И.* Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе (на материале французских политических метафор образа России): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 262 с.
- Zaripov, R.I.* Kognitivnye aspekty metaforicheskogo modelirovaniya v politicheskom diskurse (na materiale francuzskih politicheskikh metafor obraza Rossii): Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2015. 262 p. (in Russian).
- Lenta.ru [Электронный ресурс]. — URL: <http://lenta.ru/news/2014/10/13/abbott/> (in Russian).
- Le Petit Larousse Illustré. P.: Larousse, 2008. 1812 p.
- Le Petit Robert. P.: Le Robert, 2011. 2837 p.
- Letondeur, J.-B.* Condamnation de Navalny en Russie: «La communauté internationale doit réagir» [Electronic resource]. — URL: <http://www.rfi.fr/europe/20130718-condamnation-navalny-russie-communautaire-internationale-reagir/>
- Naudet, J.-B.* RUSSIE. Le pouvoir «tue» politiquement Alexei Navalny [Electronic resource]. — URL: <http://tempsreel.nouvelobs.com/monde/20130718.OBS0027/le-pouvoir-russe-tue-politiquement-l-opposant-navalny.html>
- News.com.au [Electronic resource]. — URL: <http://www.news.com.au/national/prime-minister-tony-abbotts-vow-to-shirtfront-russian-president-vladimir-putin/story-fncynjr2-1227089247947>
- Urban Dictionary [Electronic resource]. — URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=Shirtfront>

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА

Н.М. улы Джусупов,

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института перспективных гуманитарных исследований и технологий МГГУ им. М.А. Шолохова; доцент кафедры стилистики английского языка Узбекского государственного университета мировых языков (г. Ташкент); e-mail: nursultan79@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, СТАТУС И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются дискуссионные теоретические вопросы формирования и развития сопоставительной стилистики. В частности, анализируются вопросы становления сопоставительной стилистики в работах Ш. Балли, описываются основные направления сопоставительно-стилистических исследований и выявляется специфика каждого из них. Особое внимание уделяется рассмотрению проблемы соотношения сопоставительной стилистики и теории перевода.

Ключевые слова: стилистика, сопоставительная стилистика, теория перевода, стилистические ресурсы, функциональная стилистика.

Nursultan M. Dzhusupov,

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Fellow at the Russian Institute for Advanced Studies in Humanities and Technology, Sholokhov Moscow State University for the Humanities; Associate Professor at the English Stylistics Department, Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan; e-mail: nursultan79@mail.ru

COMPARATIVE STYLISTICS WITHIN THE CONTEXT OF LINGUISTIC STUDIES: ISSUES, STATUS AND DEVELOPMENT TRENDS

The article focuses on the theoretical issues of formation and development of comparative stylistics within the scope of modern linguistics. The primary emphasis rests on the foundations of comparative stylistics (Charles Bally's ideas), as well as the branches of comparative stylistics and their specific features. In addition, special attention is given to an analysis of relationship between comparative stylistics and the theory of translation.

Key words: stylistics, comparative stylistics, theory of translation, stylistic resources, functional stylistics.

Шарль Балли и проблемы сопоставительной стилистики

В системе сопоставительно-типологических исследований языка проблемы сопоставительной стилистики представляются одними из наиболее сложных и дискуссионных. В связи с этим многие теоретические и практические аспекты сопоставительной стилистики всё ещё остаются открытыми и требуют проведения специальных исследований.

Принимая во внимание достаточно большой объём теоретического материала и невозможность его подробного освещения в рамках одной статьи, мы попытаемся вкратце представить и обобщить ключевые вопросы формирования и развития сопоставительно-стилистических исследований.

Прежде чем перейти к освещению базовых теоретических положений сопоставительной стилистики, необходимо рассмотреть различные варианты её терминологического обозначения. На сегодняшний день в лингвистической литературе фигурируют следующие терминологические варианты: «сопоставительная стилистика», «контрастивная стилистика», «сравнительная стилистика» и «компаративная стилистика». Среди них наиболее широко используемым является вариант «сопоставительная стилистика» [Фёдоров, 1971; Гак, 1988; Гарбовский, 1988]. Вариант «контрастивная стилистика» используется в рамках исследований научной школы А.Д. Швейцера [Швейцер, 1991, 1993, 1994; Профили языка..., 2015]. Остальные варианты («сравнительная стилистика» и «компаративная стилистика») встречаются реже, и в целом их функционирование носит фрагментарный характер. Мы в свою очередь предпочитаем оперировать терминологическим вариантом «сопоставительная стилистика», который может считаться общепризнанным, о чём также свидетельствует его широкое применение в целом ряде справочных изданий, сборников статей и учебных пособий¹.

Основы как общей, так и сопоставительной стилистики были заложены Ш. Балли в его фундаментальном труде «*Traité de stylistique française*» (1909). Прежде всего, Ш. Балли в своём исследовании [Балли, 1961], посвящённом вопросам стилистики французского языка, научно обосновал и наглядно показал необходимость и перспективность сопоставительного изучения стилистической системы языка. Ш. Балли для обозначения сопоставительно-стилистической области исследований языка использовал термин

¹ См.: [Языкознание: Большой энциклопедический словарь, 2000; Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003; Сопоставительная стилистика иностранных языков, 1976; Ижакевич и др., 1980; Алексеев, 2012].

«stylistique externe» («внешняя стилистика»), что, в свою очередь, свидетельствовало о расширении масштабов стилистических исследований и их выходе за рамки одноязычного материала. В результате стилистика как раздел лингвистической науки приобретает межъязыковой (би- и полилингвальный) характер. Опираясь на это положение, автор сопоставил стилистические данные французского языка со стилистическими данными немецкого языка. Сопоставительный подход к изучению стилистических ресурсов обеспечил исследователю более полное и детальное выявление, прежде всего, национально-стилистических особенностей французского языка. Такой подход в итоге продемонстрировал, что исследование стилистических фактов одного языка (исходного языка) именно через призму корреляции с фактами другого языка позволяет получить наиболее достоверные результаты и тем самым служит важным фактором в определении как теоретических, так и практических аспектов развития лингвистической стилистики.

Ш. Балли обозначил широкий спектр сопоставительно-стилистических проблем, который предполагал рассмотрение целого ряда стилистических явлений языка и речи (образность, экспрессивность, социальная дифференциация речи и т.д.) [Балли, 1961, с. 41–43].

Идеи и основы, заложенные в лингвостилистических исследованиях Ш. Балли, послужили толчком для развития стилистики как самостоятельной лингвистической дисциплины. Однако в связи с вышесказанным необходимо отметить, что реализация идей Ш. Балли в контексте последующего активного развития лингвостилистических исследований в плане привлечения фактического языкового материала приобрела однонаправленный, монолингвальный характер. Исследования в процессе развития современной стилистики осуществлялись преимущественно в русле анализа данных одного языка (за исключением небольшого количества работ сопоставительно-стилистического характера), несмотря на то что Ш. Балли достаточно чётко обосновал плодотворность и перспективность сопоставительного подхода к исследованию стилистических явлений и определил множество приоритетных сопоставительно-стилистических проблем.

Объяснением этому может служить ряд причин: во-первых, сложность объекта исследования и содержания самой стилистической науки; во-вторых, явная неопределённость и неоднозначность мнений в вопросе выделения сопоставительной стилистики как специальной области лингвостилистических исследований; в-третьих, более пристальное внимание исследователей к «уровневым» дисциплинам языка; в-четвёртых, более высокая степень

сложности в проведении полилингвальных стилистических исследований по сравнению с монолингвальными, что выражается в сложности привлечения фактического материала двух и более языков.

Как видим, на начальной стадии процесса формирования лингвистической стилистики была обоснована перспективность исследования стилистических данных национального языка с учётом их сопоставления со стилистическими данными другого национального языка. Исходя из этого нужно подчеркнуть, что в отношении использования языкового материала для формирования и развития общей парадигмы стилистических исследований были предопределены два её ключевых аспекта — стилистика в монолингвальном плане, или частная стилистика, т.е. реализация стилистических категорий на материале конкретного языка, и стилистика в би- и полилингвальном (сопоставительном) плане, основанная на материале двух и более языков, т.е. сопоставительная стилистика.

Ключевые аспекты сопоставительно-стилистических исследований

Хотя идеи Ш. Балли о необходимости и перспективности проведения сопоставительных исследований стилистических фактов на материале двух и более языков на протяжении определённого периода времени не находили должной реализации, всё же в связи с качественными сдвигами в сфере науки о языке, главным образом в сторону расширения проблематики как теоретических, так и практических изысканий, впоследствии были достигнуты весьма ощутимые результаты в данном (сопоставительно-стилистическом) направлении. В основном эти достижения связаны с работами таких западноевропейских (франкоязычных) учёных, как Ж.П. Вине, Ж. Дарбельне и А. Мальблан.

До настоящего времени из всего сравнительно небольшого количества работ по сопоставительной стилистике, в которых в разной степени освещаются её фундаментальные теоретические положения, можно выделить труды Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне [Vinay, Darbelnet, 1958], А. Мальблана [Malblanc, 1961], Е.Г. Эткинда [Etkind, 1967], А.В. Фёдорова [Фёдоров, 1971], В.Г. Гака [Гак, 1988], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 1988, 2009], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1991, 1993, 1994]. Также можно отметить работы Ю.С. Степанова [Степанов, 1965] и К.А. Долинина [Долинин, 1978], которые, рассматривая вопросы стилистики иностранного (французского) языка, в целях выявления национально-специфических особенностей проводят анализ стилистических ресурсов в сопоставлении с материалом родного языка.

В общем плане предмет сопоставительной стилистики составляет сравнительное изучение стилистических фактов, традиционно включающее стилистические ресурсы и функционально-стилевые особенности на материале двух и более языков.

Аналогично предметному содержанию общей стилистики в рамках сопоставительной стилистики также выделяют структурный и функционально-стилистический аспекты исследования. Структурный аспект занимается сопоставительным исследованием стилистических ресурсов двух и более языков на основе ярусов (уровней) языковой иерархии, в частности «описывая их сходство и различие стилистических окрасок этих средств, их семантических нюансов, вообще стилового расслоения языковых средств, особенностей их употребления в вербальном контексте, а также рассматривая средства образности и изобразительности, синонимы и антонимы и др. Иначе говоря, реализует в лингвосопоставительном плане проблематику *“стилистики ресурсов”*... Тем самым выявляется национальная и культурно-историческая специфика сравниваемых языков, отражённая в их стилистической стороне. Одним из аспектов исследований этого направления является проблема наибольшей точности выражения одного и того же содержания (мысли, понятия, явления) средствами того или другого из сравниваемых языков, связанная с трудностями перевода с одного языка на другой» [Кожина, 2003, с. 427].

Функционально-стилистический аспект в рамках сопоставительной стилистики предполагает необходимость и эффективность сопоставительного изучения функциональных стилей на материале двух и более языков — как в синхроническом, так и в диахроническом плане. Однако данный аспект сопоставительной стилистики является наименее исследованным, в отличие от структурного. Это, несомненно, объясняется как многоплановостью общей функциональной стилистики, так и очевидной сложностью проблематики её би- и полилингвального характера исследования.

В рамках функционально-стилистического аспекта сопоставительной стилистики в би- и полилингвальном плане рассматривается целый ряд общих и частных проблем, среди которых наиболее актуальными представляются вопросы о стилиевых сходствах и различиях сравниваемых языков, особенностях стилистической дифференциации словарного состава, специфике функционирования стилистически значимых языковых единиц, реализации универсальных стилистических категорий, а также вопросы, касающиеся роли стилеобразующих экстралингвистических факторов. Несмотря на то, что многие функционально-стилистические проблемы в сопоставительном плане ещё недостаточно изучены,

можно отметить ряд фундаментальных работ, представляющих особую теоретическую и практическую ценность для дальнейших сопоставительно-стилистических исследований. В основном это труды А.В. Фёдорова [Фёдоров, 1971], Н.К. Гарбовского [Гарбовский, 1988, 2009], А.Д. Швейцера [Швейцер, 1993], Н.М. Разинкиной [Разинкина, 2004]. В данных исследованиях в билингвальном плане рассматриваются особенности отдельно взятых функциональных стилей. Так, в работе А.В. Фёдорова выявляются стилевые особенности на материале художественной речи; Н.К. Гарбовский исследует стилевое своеобразие профессиональной речи на материале русского и французского языков; А.Д. Швейцер выявляет особенности текстов газетно-публицистического стиля на примере английского и русского языков; Н.М. Разинкина в сопоставительном аспекте анализирует материал художественных и научных текстов русского и английского языков. Эти работы с полной уверенностью можно отнести к числу пионерских и основополагающих исследований в области сопоставительного изучения функциональных стилей.

Рассматривая отдельные теоретические положения контрастивных стилистических исследований, А.Д. Швейцер подчёркивает, что к конкретным задачам контрастивной стилистики может быть отнесено «установление общих и различительных черт, обнаруживаемых системами экспрессивно-эмоциональных и оценочных средств двух языков, а также системами их функциональных стилей» [Швейцер, 1993, с. 11]. Вместе с тем к специфическим задачам непосредственно самой контрастивной функциональной стилистики автор относит «сопоставительный анализ системных отношений между языковыми средствами, используемыми в тех или иных сферах общения, определение принципов их отбора, сочетаемости и организации в текстах» [там же].

Наряду с разделением сопоставительной стилистики на структурную и функциональную области исследований, в ней также выделяются теоретический и практический аспекты.

В рамках теоретического аспекта сопоставительной стилистики разрабатываются и описываются такие фундаментальные основы, как цель и задачи, предмет и объект научной дисциплины, ключевые понятия, терминологический аппарат, принципы и методология науки, общие и частные проблемы, приоритетные тенденции и направления, стадии формирования и современное состояние, теоретические концепции и т.д.

Практическая сопоставительная стилистика в целях обобщения языковых данных и выработки рекомендаций для обучения иностранному языку занимается изучением выбора форм и пред-

почтений говорящего, которые имеют место в процессе межъязыкового контактирования (обучение языку, перевод) [Степанов, 2000, с. 493]. Как и прикладной аспект любой другой научной дисциплины, практическая сопоставительная стилистика концентрируется на задачах рекомендательного характера, имеющих первостепенное значение прежде всего для преподавания иностранного языка и переводческой деятельности, т.е. ставит своей целью разработку правил и практических рекомендаций (на основе примеров функционирования тех или иных языковых средств в различных речевых контекстах) для правильной реализации процесса межъязыковой коммуникации.

Одной из важных проблем теоретической сопоставительной стилистики, по мнению Ю.С. Степанова, является вопрос о её теоретическом языке, инструменте её описаний; в частности, имеется в виду то, что язык описания выполняет две функции — как средство сравнения и как средство или форма содержания данного сравнения, т.е. язык во второй функции может быть назван *эпи-языком* в противовес его первой функции — функции *метаязыка* [там же].

Важность данной проблемы можно объяснить именно полилингвальным характером самой сопоставительной стилистики. В целом актуальность проблемы языка описания распространяется на все лингвистические дисциплины сопоставительного плана, результаты которых основываются на исследовании материала двух и более языков.

Рассматривая теоретические положения, касающиеся предмета исследования сопоставительной стилистики, следует отдельно отметить точку зрения В.Г. Гака. Согласно В.Г. Гаку, сопоставительная стилистика должна включать следующие четыре раздела: 1) изучение системы стилей, включающей как общую систему стилей, так и границы между стилями в разных языках; 2) изучение стилистических функций языковых средств разных уровней; 3) изучение способов выражения стилистических категорий; 4) изучение общих стилистических тенденций языка, независимо от функциональных стилей и индивидуально-авторского стиля, т.е. национальных стилистических особенностей, которые проявляются в закономерностях организации высказывания [Гак, 1988, с. 51–53].

Как видим, данный подход, в отличие от традиционного деления сопоставительной стилистики на структурный и функционально-стилевой аспекты (аналогично общей стилистике), демонстрирует тенденцию исследователя к осуществлению более дробной дифференциации ключевых элементов общего предметного содержания сопоставительной стилистики.

Сопоставительная стилистика и теория перевода: вопросы корреляции

Развитие сопоставительной стилистики тесно связано с теорией перевода. Вокруг вопроса об их взаимосвязанности наблюдаются определённые дискуссионные положения. Главным образом они касаются автономности статуса сопоставительной стилистики в контексте корреляции с теорией перевода. В общем виде в отношении научно-исследовательского статуса сопоставительной стилистики выделяются две основные точки зрения. Согласно первой, сопоставительная стилистика позиционируется как область сопоставительных исследований в лингвистике. При этом подчёркивается её тесная связь с теорией перевода. Так, например, в работе Н.К. Гарбовского отмечается, что сопоставительная стилистика представляет собой один из разделов сопоставительного языкознания [Гарбовский, 2009]. Данное положение находим также в работе Дж. Буранова [Буранов, 1983]. М.Н. Кожина рассматривает сопоставительную стилистику как «одно из направлений общей стилистики, изучающее сходство и различие двух или нескольких сравниваемых языков в стилистическом отношении» [Кожина, 2003, с. 426].

Согласно второй точке зрения, сопоставительная стилистика является важной методологической составляющей исследований в области переводоведения. Существование такой позиции обусловлено специальным рассмотрением сопоставительной стилистики в ракурсе положений науки о переводе [Malblanc, 1961; Vinay, Darbelnet, 1958; Etkind, 1967].

На основе обзора отдельных работ [Vinay, Darbelnet, 1958; Malblanc, 1961; Эткинд, 1962; Etkind, 1967; Фёдоров, 1971; Гак, 1988; Швейцер, 1993], в которых затрагиваются непосредственно вопросы сопоставительно-стилистического исследования языка, в общем плане можно представить основные положения, раскрывающие особенности корреляции сопоставительной стилистики и теории перевода.

А. Мальблан, излагая основные положения сопоставительной стилистики, выделяет две стадии сопоставительно-стилистического исследования, причём первая стадия рассматривается в свете положений переводоведения. Так, в процессе первой стадии, согласно А. Мальблану, «требуется, во-первых, не только установить путём сравнения достоинства и недостатки каждого из языков, но попытаться полнее познать соответствия между этими двумя системами, точнее определить возможности перехода от одной из них к другой, словом — сделать из перевода научную дисциплину, которая давала

бы советы и указания, облегчающие владение этим трудным мастерством...» [Malblanc, 1961, p. 16; цит. по: Фёдоров, 1971, с. 38].

Как видим, А. Мальблан первую стадию сопоставительной стилистики связывает непосредственно с теорией перевода, а основным назначением данной стадии является разработка определённых рекомендаций для научного обоснования переводческого процесса.

На второй стадии требуется «противопоставить жанры и стили в двух языках, определить, что в двух произведениях или текстах одного и того же жанра в том и другом языке относится, с одной стороны, к языку, а с другой — к индивидуальности автора, что (пользуясь понятиями де Соссюра) относится к языку и что — к речи, сопоставить средства, которые тот и другой может дать в распоряжение сатиры и лирики, риторики и поэзии...» [ibid.; цит. по: Фёдоров, 1971, с. 39].

Вторая стадия видится несколько усложнённой и, в отличие от первой, которая ориентирована на теорию перевода, в большей степени обуславливается обращением к литературоведческому аспекту. В итоге автор заключает, что «вторая стадия может быть достигнута не ранее, чем будет завершена в качестве основы работа первой стадии; вторую же стадию мы представляем себе лишь как некую обетованную землю, на которую нам не придётся ступить» [ibid.; цит. по: Фёдоров, 1971, с. 39].

Итак, видение А. Мальбланом предмета сопоставительной стилистики ограничивается двумя стадиями, причём делается явный акцент на актуализацию положений других дисциплин. Этот факт в определённой степени ставит сопоставительную стилистику в периферийное положение и усложняет вопрос о её самостоятельном исследовательском статусе. Вторая стадия, выделенная А. Мальбланом в рамках сопоставительной стилистики, в силу расплывчатости границ её исследований представляется чрезмерно усложнённой и, по признанию самого автора, невыполнимой.

В работе Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне проблемы сопоставительной стилистики также рассматриваются в тесной взаимосвязи с переводоведением. Авторы исследования подчёркивают, что две дисциплины неразрывно связаны между собой. Их взаимосвязь определяется в первую очередь тем, что сопоставительная стилистика использует данные переводов для выработки определённых правил (закономерностей) и рекомендаций, а в переводческом процессе данные правила и рекомендации находят практическое применение [Vinau, Darbelnet, 1958, p. 21]. Таким образом, перевод является практической реализацией положений сопоставительной стилистики. Причём акцентируется связь именно с практикой пе-

ревода, что свидетельствует о многоаспектности сферы применения сопоставительно-стилистических положений.

В исследованиях Е.Г. Эткинда проблемы сопоставительной стилистики также рассматриваются в свете соотношения с теорией и практикой перевода, в частности художественного перевода, что становится вполне очевидным из названий его статей — «Теория художественного перевода и сопоставительная стилистика» [Эткинд, 1962] и «*La stylistique comparée base de l'art de traduire*» [Etkind, 1967].

Согласно Е.Г. Эткинду, «предмет сопоставительной стилистики составляет изучение закономерностей, определяющих искусство перевода. Чтобы открыть эти закономерности, необходимо установить несколько уровней сопоставления» [Etkind, 1967; цит. по: Фёдоров, 1971, с. 40]. Данные уровни сопоставительно-стилистического исследования на базе двуязычного материала в совокупности образуют целый ряд градуированных и логически взаимосвязанных ступеней, которые в общем и более сжатом виде представляются как сопоставление: 1) языковых систем; 2) стилистических систем; 3) традиционных литературных стилей; 4) просодических систем в их национальной специфике; 5) культурных и исторических традиций; 6) индивидуальных художественных систем [ibid.].

Важной отличительной особенностью сопоставительной стилистики в вопросе о связи с теорией перевода служит специфический характер материала исследования, который может включать как переводные тексты, так и неперевоженные оригинальные тексты, т.е., как утверждает А.В. Фёдоров, «сопоставительная стилистика... может строиться на основании анализа не только переводов в их отношении к оригиналам, но и оригинальных текстов, представляющих те или иные аналогии или параллели (употребление одинаковых средств языка — например, архаизмов или варваризмов, или глагольных форм или одинаковых типов предложений, либо принадлежность к одинаковым функциональным стилям или литературным жанрам, либо близость индивидуальной манеры в произведениях двух авторов), а результаты такого анализа могут быть полезны и для теории перевода, как всё, что помогает установлению закономерностей в отношениях между двумя языками. С другой стороны, сопоставление переводов с оригиналами может вызывать и выводы, выходящие за пределы перевода, т.е. имеющие более общий интерес» [Фёдоров, 1971, с. 44].

Возможность привлечения в рамках сопоставительно-стилистического анализа двух видов текстового материала имеет чрезвычайно важное значение для решения вопроса о соотношении сопоставительной стилистики и переводоведения. Выделение до-

полнительного вида фактического языкового материала в рамках сопоставительной стилистики, во-первых, расширяет и специфицирует её научно-исследовательские масштабы, а во-вторых, даёт достаточно полные основания по разработке рекомендаций также и для процесса перевода и тем самым обогащает теорию перевода новыми теоретическими и практическими знаниями. В контексте этих факторов необходимо учитывать, что источник (исходный практический материал) получаемых новых знаний для теории перевода, а также для процесса обучения языку является характерным именно для сопоставительной стилистики.

А.В. Фёдоров в отношении связи сопоставительной стилистики художественной речи и теории перевода подчёркивает, что «они дают ценнейший материал для стилистики художественной речи отдельных языков и для общей поэтики (т.е. той её части, которая отводится стилистике литературного произведения)» [Фёдоров, 1971, с. 44]. В контексте этой корреляции А.В. Фёдоров указывает на то, что «стилистика художественной речи отдельных языков и, в особенности, общая поэтика остро нуждаются в конкретизации своих категорий и обогащении содержания данными, полученными в результате стилистических сопоставлений и наблюдений над переводами» [там же, с. 44–45].

Как правило, художественная речь является наиболее богатым источником стилистических процессов и явлений и отличается наличием индивидуально-авторской специфики, вследствие чего предлагает исследователю чрезвычайно сложный круг проблем как в плане монолингвального, так и в плане полилингвального стилистического анализа. В силу этого многие аспекты сопоставительной стилистики художественной речи остаются недостаточно изученными и требуют более глубоких и комплексно ориентированных научных изысканий в соответствии с приоритетными тенденциями развития современной лингвистики.

Исходя из вышеизложенного представляется, что изучение сопоставительной стилистики в контексте корреляции с теорией перевода следует рассматривать как наглядный и убедительный пример, свидетельствующий о широких возможностях сопоставительно-стилистических исследований по выработке новых знаний как для теории перевода, так и для целого ряда других лингвистических дисциплин. В этой связи необходимо также отметить, что комплексное начало сопоставительно-стилистических исследований расширяет сферу использования их результатов и во многом определяет непосредственное участие сопоставительной стилистики в интенсивном процессе развития современной лингвистики, характеризующейся прежде всего реализацией антропоцентрического,

междисциплинарного и «экспансионистского» принципов. Всё это выявляет необходимость и перспективность ещё более высокой степени комплексности содержания исследований по сопоставительной стилистике с учётом обязательного применения положений и принципов актуальных подходов современной лингвистики (когнитивный, коммуникативно-прагматический, психолингвистический, социолингвистический, гендерный и т.д.).

Заключительные положения

Наиболее специфичным и принципиально важным фактором развития сопоставительной стилистики является то, что «сопоставительная стилистика — независимо от характера изучаемого материала разных языков (оригинального или переводного в сопоставлении с оригиналами) — вырабатывает весьма существенные данные для частной стилистики отдельных языков, далее — для общей стилистики как лингвистической дисциплины, а через неё — и для общего языкознания» [Фёдоров, 1971, с. 44].

На наш взгляд, можно выделить несколько основных причин, стимулирующих интерес учёных-лингвистов к проблемам сопоставительной стилистики. Во-первых, это наиболее активные процессы смены парадигм в рамках лингвистической науки, которые имеют место с середины XX в., что обусловлено определёнными тенденциями к расширению масштабов проводимых исследований, обращением к данным смежных дисциплин. Во-вторых, это возрастающий всеобщий интерес к изучению иностранных языков и, следовательно, необходимость их качественного преподавания. В-третьих, в связи с необходимостью разработки и применения новых общелингвистических данных для практики преподавания языков в области сопоставительной лингвистики наблюдаются определённые тенденции, заключающиеся в расширении границ сопоставительного исследования различных аспектов языка. В-четвёртых, это активизация теоретических разработок в области перевода, в тесной взаимосвязи с которым, по сути, и проводились отдельные фундаментальные исследования по сопоставительной стилистике.

Учитывая все вышеперечисленные факторы как общего, так и частного характера, с наибольшей степенью уверенности можно утверждать, что исследования, проводимые на начальной стадии становления сопоставительной стилистики, не оказались вполне достаточными, так как они были ориентированы преимущественно на отдельные дисциплины и в целом осуществлялись под их эгидой — и, следовательно, были продиктованы несколько иными

задачами, направленными в основном на решение проблем, связанных с вопросами переводоведения и методики преподавания языков. В этом отношении заслуживает внимания мысль А.Д. Швейцера о том, что одной из причин нереализованности обширной и весьма перспективной программы, намеченной Ш. Балли, явилось «отсутствие чёткой дифференциации между контрастивной стилистикой и другими дисциплинами» [Швейцер, 1993, с. 6–7].

Исходя из данных о предмете и содержании сопоставительно-стилистических исследований и в соответствии с путями решения поставленных в них задач представляется возможным выделить четыре доминирующих фактора развития сопоставительной стилистики:

1) сопоставительное изучение стилистических явлений на основе уровневой организации языка;

2) преимущественное сопоставительное изучение функционально-стилевых черт языков;

3) изучение проблем сопоставительной стилистики через призму корреляции с переводоведением с учётом дальнейшего применения результатов исследований как в процессе перевода, так и в процессе обучения языку;

4) сопоставительное изучение стилистических проблем художественного текста (как в лингвистических, так и в литературоведческих целях).

Указанные положения могут служить достаточно убедительным аргументом, подтверждающим широкие возможности и научно-исследовательский потенциал сопоставительной стилистики. Результаты сопоставительно-стилистических исследований отличаются расширенной сферой применения и тем самым дают полное право для вовлечения сопоставительной стилистики в общий «экспансионистский» процесс современной лингвистики, в рамках которой интенсивно развиваются различные направления междисциплинарного характера.

Список литературы

Алексеев А.Я. Сопоставительная стилистика: Учеб. пособие. Днепропетровск: НГУ, 2012. 471 с.

Alekseev, A. Ya. Sopostavitel'naya stilistika: Ucheb. posobie [Comparative Stylistics: A Manual]. Dnepropetrovsk: NGU, 2012. 471 p. (in Russian).

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинды. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 394 с.

Bally, Ch. Frantsuzskaya stilistika [French Stylistics] / Per. s fr. K.A. Dolinina; pod red. E.G. Etkinda. M.: Izd-vo inostrannoy literatury, 1961. 394 p. (in Russian).

- Буранов Дж.* Сравнительная типология английского и тюркских языков: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1983. 268 с.
- Buranov, Dj.* Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i tyurkskikh yazykov: Ucheb. posobie [Comparative Typology of the English and Turkic Languages: A Manual]. М.: Vysshaya shkola, 1983. 268 p. (in Russian).
- Гак В.Г.* О сопоставительной стилистике // Методы сопоставительного изучения языков: Сб. статей. М.: Наука, 1988. С. 48–53.
- Gak, V.G.* O sopostavitel'noy stilistike [On Comparative Stylistics] // Metody sopostavitel'nogo izucheniya yazykov [Methods of Comparative Study of Languages]: Sb. statey. М.: Nauka, 1988. P. 48–53 (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи (на материале русского и французского языков). М.: Изд-во МГУ, 1988. 144 с.
- Garbovskiy, N.K.* Sopostavitel'naya stilistika professional'noy rechi (na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov) [Comparative Stylistics of Professional Speech (Based on the Materials of Russian and French)]. М.: Izd-vo MGU, 1988. 144 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Сопоставительная стилистика профессиональной речи: На материале русского и французского языков. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 144 с.
- Garbovskiy, N.K.* Sopostavitel'naya stilistika professional'noy rechi: Na materiale russkogo i frantsuzskogo yazykov [Comparative Stylistics of Professional Speech: Based on the Materials of Russian and French]. 2-е изд. М.: URSS, 2009. 144 p. (in Russian).
- Долинин К.А.* Стилистика французского языка: Учеб. пособие. 2-е изд., дораб. М.: Просвещение, 1978. 303 с.
- Dolinin, K.A.* Stilistika frantsuzskogo yazyka: Ucheb. posobie [Stylistics of the French Language: A Manual]. 2-е изд., dorab. М.: Prosveshhenie, 1978. 303 p. (in Russian).
- Ижакевич Г.П., Кононенко В.И., Пилинский Н.И., Сиротина В.А.* Сопоставительная стилистика русского и украинского языков: Учеб. пособие для ун-тов и пед. ин-тов / Отв. ред. В.И. Кононенко. Киев: Вища школа, 1980. 207 с.
- Izhakevich, G.P., Kononenko, V.I., Pilinskiy, N.I., Sirotnina, V.A.* Sopostavitel'naya stilistika russkogo i ukrainskogo yazykov: Ucheb. posobie dlya un-tov i ped. in-tov [Comparative Stylistics of the Russian and Ukrainian Languages: A Manual for the Universities and Pedagogical Institutes] / Otv. red. V.I. Kononenko. Kiev: Vishha shkola, 1980. 207 p. (in Russian).
- Кожина М.Н.* Стилистика сопоставительная // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 426–429.
- Kozhina, M.N.* Stilistika sopostavitel'naya [Comparative Stylistics] // Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / Pod red. M.N. Kozhinoy. М.: Flinta: Nauka, 2003. P. 426–429 (in Russian).

- Профили языка: социоллингвистика, национальное варьирование, переводоведение, контрастивная стилистика: Сб. трудов к 90-летию со дня рождения А.Д. Швейцера / Отв. ред. Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев. М.: Буки Веди, 2015. 380 с.
- Profilii yazyka: sotsiolingvistika, natsional'noe var'irovanie, perevodovedenie, kontrastivnaya stilistika: Sb. trudov k 90-letiyu so dnya rozhdeniya A.D. Shveytsera [Language Profiles: Sociolinguistics, National Variation, Translation Studies, Contrastive Stylistics: Collection of Articles in Honour of the Ninetieth Birthday of A.D. Shveitser] / Otv. red. N.S. Babenko, V.A. Nuriev. M.: Buki Vedi, 2015. 380 p. (in Russian).
- Разинкина Н.М.* Функциональная стилистика: на материале английского и русского языков: Учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 269 с.
- Razinkina, N.M.* Funktsional'naya stilistika: na materiale angliyskogo i russkogo yazykov: Ucheb. posobie [Functional Stylistics: Based on the Materials of Russian and English]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Vysshaya shkola, 2004. 269 p. (in Russian).
- Сопоставительная стилистика иностранных языков: Сб. ст. / Отв. ред. И.А. Езолка. Ростов н/Д: Рост. пед. ин-т, 1976. 98 с.
- Sopostavitel'naya stilistika inostrannykh yazykov: Sb. st. [Comparative Stylistics of Foreign Languages: Collection of Articles] / Otv. red. I.A. Ezolka. Rostov n/D: Rost. ped. in-t, 1976. 98 p. (in Russian).
- Степанов Ю.С.* Стилистика // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. С. 492–493.
- Stepanov, Yu.S.* Stilistika [Stylistics] // Yazykoznanie: Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistics: Big Encyclopedic Dictionary] / Gl. red. V.N. Yartseva. 2-e izd. M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya, 2000. P. 492–493 (in Russian).
- Степанов Ю.С.* Французская стилистика. М.: Высшая школа, 1965. 355 с.
- Stepanov, Yu.S.* Frantsuzskaya stilistika [French Stylistics]. M.: Vysshaya shkola, 1965. 355 p. (in Russian).
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. 340 с.
- Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka [Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language] / Pod red. M.N. Kozhinoy. M.: Flinta: Nauka, 2003. 340 p. (in Russian).
- Фёдоров А.В.* Очерки общей и сопоставительной стилистики. М.: Высшая школа, 1971. 195 с.
- Fedorov, A.V.* Ocherki obshhey i sopostavitel'noy stilistiki [Essays on General and Comparative Stylistics]. M.: Vysshaya shkola, 1971. 195 p. (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. 250 с.
- Shveytser, A.D.* Kontrastivnaya stilistika: Gazetno-publitsisticheskiy stil' v angliyskom i russkom yazykakh [Contrastive Stylistics: Newspaper-Publicist Style in English and Russian]. M.: In-t yazykoznaniya RAN, 1993. 250 p. (in Russian).

- Швейцер А.Д.* Опыт контрастивного стилистического анализа: язык русских и англо-американских средств массовой информации // Филологические науки. 1994. № 1. С. 103–109.
- Shveytser, A.D.* Opyt kontrastivnogo stilisticheskogo analiza: yazyk russkikh i anglo-amerikanskikh sredstv massovoy informatsii [The Experience of Contrastive Stylistic Analysis: the Language of Russian and Anglo-American Media] // Filologicheskie nauki. 1994. № 1. P. 103–109 (in Russian).
- Швейцер А.Д.* Проблемы контрастивной стилистики // Вопросы языкознания. 1991. № 4. С. 31–44.
- Shveytser, A.D.* Problemy kontrastivnoy stilistiki [The Issues of Contrastive Stylistics] // Voprosy yazykozvaniya. 1991. № 4. P. 31–44 (in Russian).
- Эткинд Е.Г.* Теория художественного перевода и сопоставительная стилистика // Теория и критика перевода: Сб. ст. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 25–34.
- Etkind, E.G.* Teoriya khudozhestvennogo perevoda i sopostavitel'naya stilistika [Theory of Literary Translation and Comparative Stylistics] // Teoriya i kritika perevoda: Sb. st. [Theory and Critics of Translation: Collection of Articles]. L.: Izd-vo LGU, 1962. P. 25–34 (in Russian).
- Etkind, E.* La stylistique comparée base de l'art de traduire // Diogène. 1967. № 57.
- Malblanc, A.* Stylistique comparée du français et de l'allemand. Paris: Didier, 1961. 351 p.
- Vinay, J.P., Darbelnet, J.* Stylistique comparée du français et de l'anglais: Méthode de traduction. Paris: Didier, 1958. 331 p.

Е.М. Какзанова,

доктор филологических наук, профессор Российского университета дружбы народов; e-mail: kakzanova@post.ru

«УМНЫЙ» ИЛИ «ДУХОВНЫЙ»? ПЕРЕВОД ОДНОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО И КОНЦЕПТ «ДУХОВНОСТЬ»

В статье рассматривается перевод на русский язык немецкого прилагательного *geistig*, встречающегося в книге австрийского философа и писателя, бывшего узника Освенцима Жана Амери. Поскольку концепт «духовность» является одним из ключевых в русской культуре, мы подробно останавливаемся на понимании этого концепта русскоязычным читателем и автором немецкоязычного оригинала. В статье доказывается, что выбор прилагательного «духовный» не способствует адекватному пониманию интенций автора. Неверующий (по его собственному признанию) Ж. Амери придаёт понятию *geistig* исключительно светский характер, рассматривая его как синоним прилагательного «интеллектуальный». Соответствует ли такая картина мира менталитету русскоязычного читателя? В статье даётся отрицательный ответ на этот вопрос.

Ключевые слова: культурный концепт, духовность, духовный, интеллектуальный, светский компонент, религиозный компонент, перевод прилагательного.

Yevgenia M. Kakzanova,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia; e-mail: kakzanova@post.ru

INTELLIGENT OR SPIRITUAL? TRANSLATING ONE ADJECTIVE AND THE CONCEPT OF SPIRITUALITY

The article deals with German-into-Russian translation of *geistig*, an adjective used in a book by the Austrian philosopher and writer Jean Améry, a former prisoner of Auschwitz. As the concept of *spirituality* is a key concept in the Russian culture, we focus on the understanding of this concept by the Russian reader and the author of the German original alike. It is suggested that the choice of the adjective *spiritual* does not contribute to an adequate understanding of the author's intent. The non-believer (by his own admission) Jean Améry gives to the concept of *geistig* an exclusively secular character, namely it as an adjective synonym of *intellectual*. Does this world view correspond with the Russian reader's mentality? This question is answered negatively in the article.

Key words: cultural concept, spirituality, ecclesiastic, intellectual, secular part, religious part, translation of an adjective.

Объектом настоящего исследования явилась книга австрийского философа и писателя, бывшего узника Освенцима, Бухенвальда и Берген-Бельзена Жана Амери „Jenseits von Schuld und Sühne“ [Améry, 2014; Амери, 2015], написанная им в середине 1960-х гг.

В обобщённом цикле эссе автор рассказывает о своём личном опыте существования интеллектuala в концлагере, о физических пытках, о праве на месть, о невозможности прощения и о крушении национальной самоидентификации.

Книга написана настолько пронзительно и откровенно, что у нас нет желания анализировать неточности перевода. Оставим их на совести переводчика русскоязычного издания, совершенно при этом не собираясь умалять достоинств перевода. Одно то, что книга вышла на русском языке и стала доступной массовому читателю, — безусловная заслуга переводчика и издателей.

Книга отвергает любую форму беллетризации [Зебальд, 2015, с. 174], жёстко повествуя о моральных и физических переживаниях одного конкретного человека, хотя, по сути, речь идёт не о трагедии одного человека, а о трагедии целого поколения. Ж. Амери остался единственным, кто открыто описал непристойность психически и социально деформированного общества и позорный факт, что после этого история, как ни в чём не бывало, смогла почти без помех продолжать свой ход [там же, с. 176].

Мы рассмотрим главу «На рубежах духа» („An den Grenzen des Geistes“), первоначальная цель которой — описание пребывания интеллектuala в Освенциме. Как свидетельствует автор, один «благонамеренный друг» рекомендовал ему при описании своего опыта как можно меньше говорить об Освенциме и как можно больше — о духовных вопросах [Амери, 2015, с. 19]. Употреблённое в заголовке существительное *Geist* имеет два основных значения — «дух» и «ум». Соответственно, образованное от него прилагательное *geistig* также имеет два основных значения — «духовный» и «умный». Если перевод названия главы — «На рубежах духа» — возражений не вызывает, то совет посвятить главу духовным вопросам кажется по меньшей мере странным. Здесь следует обратить внимание на отношение к концепту «духовность» в русской языковой картине мира.

Ю.С. Степанов определяет культурный концепт как отпечаток, слепок, сгусток культуры в сознании человека, посредством которого формируется менталитет — и с помощью которого человек входит в мир культуры и может влиять на неё [Степанов, 2001, с. 46]. Обратимся к пониманию языковой картины мира Л. Вайсгербером: «Словарный запас конкретного языка включает вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что воз-

можность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передаёт её всем членам языкового сообщества» [Радченко, 2006, с. 250].

Как и в западной языковой культуре, которую представляет Ж. Амери, в русской языковой культуре концепт «духовность» складывается из светского и религиозного компонентов.

С.М. Алейникова отмечает, что первоначально понятие духовности оформилось в русском языке в рамках светской традиции как противопоставление материальной, телесной природе человека. Религиозный смысл данному понятию придали представители русской религиозной философии — Н.А. Бердяев, В.С. Соловьёв и др. [Алейникова].

Общепризнано, что краеугольным камнем русской культуры является православное вероучение, оставившее неизгладимый след в русском языке [Петрухина, 2007, с. 7]. Христианская духовность неразрывно связана с нравственностью. Она «предполагает в первую очередь стяжание Духа Святаго, следование евангельским заповедям, принятие во всё воли Божией, постоянное предстояние перед Господом» [Гостева, 2013, с. 45]. Хотя светское понятие духовности связано с интеллектуальной природой человека, с высоким уровнем его нравственных и интеллектуальных потребностей, светское понятие духовности в русской культуре изначально вырастает из религиозного, считает И.В. Гостева в отличие от С.М. Алейниковой.

Ж. Амери, употребляя слово *geistig*, подразумевал под ним прежде всего светское понимание, т.е. высокий уровень своих интеллектуальных и эстетических потребностей, тем более если учесть тот факт, что он являлся, по его собственному признанию, неверующим человеком. Более того, Ж. Амери говорит, что неважно, *духовны* ли верующие в принятом им смысле или нет, и полностью отрекается от религиозного значения указанного прилагательного [Амери, 2015, с. 36]. Для неверующего автора существительное *Geist* («дух») в контексте материалистической традиции и науки — это функция высокоразвитой материи — мозга [Харсеева]. Быть духовным, в контексте Ж. Амери, не означает быть религиозным. Быть духовным — значит испытывать интерес к нематериальным ценностям и иметь более широкий и глубокий взгляд на жизнь. При переводе на русский язык слова «дух» и «духовный» теряют своё светское значение, вследствие чего читатель, не знакомый с жизнью Ж. Амери и не знающий немецкого языка, может сделать неправильные выводы.

Автор употребляет прилагательные «духовный» и «интеллектуальный» как синонимы:

Коль скоро речь пойдёт об интеллектуале, или, как сказали бы раньше, о «человеке *духовном*», оказавшемся в Освенциме, необходимо, пожалуй, для начала дать определение моему объекту, а именно интеллектуалу. Кто такой, в моей трактовке, интеллектуал — или человек *духовный*? (перевод частично мой. — *Е.К.*)

Wenn ich über den Intellektuellen, oder, wie man früher gesagt hätte: über den „*geistigen Menschen*“ in Auschwitz sprechen will, habe ich wohl meinen Gegenstand, eben jenen Intellektuellen, zuvor einmal zu definieren. Wer ist in dem von mir angenommenen Wortsinn ein Intellektueller oder ein *geistiger Mensch*? [Améry, 2014, s. 20].

Проанализируем русскоязычное повествование А. Викторова о директоре Института физиологии АН СССР Лине Штерн, которая много лет работала в Швейцарии, в марте 1925 г. переехала в Москву, а после войны была арестована. «...Знавшая почти все европейские языки, интеллигентная Лина Штерн, вспоминая допросы следователя, состоящие из нецензурной брани, говорила: “Я плохо понимала, что следователь хочет от меня услышать, в чём я должна ему признаваться. Но что меня больше всего удивляло, так это непрерывное упоминание о моей матери, которая умерла более 30 лет назад”» [Викторов, 2015]. Обратим внимание на прилагательное «интеллигентная». Мы полагаем, что Жан Амери употребляет прилагательное *geistig* именно в значении «интеллигентный». Можно ли в приведённом русскоязычном контексте заменить «интеллигентная» на «духовная»? Это выглядело бы, по меньшей мере, странно.

Ж. Амери противопоставляет себя, интеллектуала, «не слишком *духовным* представителям так называемых интеллигентных профессий» [Амери, 2015, с. 21] (*nicht weiter geistigen Trägern der sogenannten Intelligenzberufe* [Améry, 2014, s. 21]). Себя и таких же, как он сам, автор называет «образованными и высококультурными» [Амери, 2015, с. 24], отмечая, что «в лагере существовала проблема коммуникации между *духовным* человеком и большинством его товарищей» [там же]. Также Ж. Амери называет *духовной* позицию своего голландского друга и товарища по несчастью, писателя Нико Роста, который считал, что в лагере нужно «ещё больше читать, ещё больше и интенсивнее учиться» [там же]. В отличие от Ж. Амери, Нико Рост находился не в Освенциме, а в Дахау. Ж. Амери указывает на разницу между духовностью в Дахау и духовностью в Освенциме: «...в Дахау... заключённые имели возможность противопоставить эсэсовскому государству, эсэсовской структуре собственную *духовную* структуру, иными словами, у *духа* там была социальная функция, хотя в основном она выражалась в политической, религиозной, идеологической форме и лишь в редких случаях, как, например, у Нико Роста, в философской и эстетической. В Освенциме же *духовный* человек находился в изоляции, предоставленный

исключительно самому себе. В Освенциме *дух* был сам по себе, отсутствовала всякая возможность привязать его к какой-нибудь социальной структуре, пусть даже убогой, подпольной. Интеллектуал оставался наедине со своим *духом*, то есть с содержимым собственного сознания, и *дух* этот не мог распрямиться и окрепнуть в социальной реальности» [Амери, 2015, с. 26–27] (Grundsätzlich bestand in Dachau... für die Häftlinge die Möglichkeit, dem SS-Staat, der SS-Struktur eine *geistige* Struktur entgegenzustellen: damit aber hatte dort der *Geist* eine soziale Funktion, auch wenn diese wesentlich politisch, religiös, ideologisch in Erscheinung trat und nur in seltenen Fällen, wie etwa bei Nico Rost, zugleich auch philosophisch und ästhetisch. In Auschwitz aber war der *geistige* Mensch isoliert, war ganz auf sich selbst gestellt. In Auschwitz war der *Geist* nichts als er selber, und es bestand keine Chance, ihn an eine auch noch so unzulängliche, noch so verborgene soziale Struktur zu montieren. Der Intellektuelle stand also allein mit seinem *Geist*, der nichts war alsbarer Bewußtseinsinhalt und sich nicht aufrichten und erhärten konnte an einer gesellschaftlichen Wirklichkeit [Améry, 2014, s. 27]).

Ж. Амери делает вывод, что «всё *духовное* в Освенциме потихоньку приобретало двойственную новизну: с одной стороны, психологически становилось чем-то совершенно нереальным, с другой, если применять социальные понятия, превращалось в этакую непозволительную роскошь» [Амери, 2015, с. 27] (So nahm langsamerhand in Auschwitz alles *Geistige* eine zweifach neue Gestalt an: Es wurde einerseits, psychologisch, zu etwas ganz und gar Irrealem und andererseits, sofern man es in sozialen Begriffen definiert, zu einer Art von unerlaubtem Luxus [Améry, 2014, s. 28]).

Ушедших в себя интеллектуалов Ж. Амери характеризует как людей, которые больше не верили в реальность *духовного* мира [Амери, 2015, с. 29] (der Mann glaubte einfach nicht mehr an die Wirklichkeit der *geistigen* Welt [Améry, 2014, s. 29]).

Особенно болезненно воспринималось автором то, что «всё *духовное* и эстетическое достояние — от мерзбургских заклинаний до Готфрида Бенна, от Букстехуде до Рихарда Штрауса — перешло в бесспорную и неоспоримую собственность врага» [Амери, 2015, с. 29] (Von den Merseburger Zaubersprüchen bis Gottfried Benn, von Buxtehude bis Richard Strauss war das *geistige* und ästhetische Gut in den unbestrittenen und unbestreitbaren Besitz des Feindes übergegangen [Améry, 2014, s. 29–30]).

Ещё один смысл — антоним прилагательного *духовный*: *бездуховный*. Ж. Амери пишет: «...человек, оказавшись на грани смерти от голода и истощения, не просто становится *бездуховным*, но в буквальном смысле теряет человеческий облик» [Амери, 2015,

с. 30] (...das Subjekt, unmittelbar vor dem Hunger- und Erschöpfungstod stehend, ist nicht nur *entgeistet*, sondern im eigentlichen Wortsinn entmenschlicht ist [Améry, 2014, s. 31]). В отличие от прилагательного *духовный* прилагательное *бездуховный* в русском языке имеет только одно значение, причём с явно отрицательной коннотацией: «характеризующийся отсутствием нравственных идеалов, духовных ценностей или пренебрежением ими». В немецком оригинале употреблено причастие, образованное от глагола *entgeisten* («лишить рассудка, лишить разума»). Мы считаем, что более адекватный перевод первоисточника был бы таким: «...оказавшись на грани смерти от голода и истощения, человек теряет не только рассудок, но и в буквальном смысле человеческий облик». Кстати, прилагательное *бездуховный* в свете русской языковой культуры относится к безэквивалентной лексике в немецком языке. Лишь словосочетанию «бездуховный обыватель» можно найти эквивалент в виде разговорного существительного *Kulturbanause*. Как далёк русскоязычный перевод понятий от смыслов Жана Амери!

В переводе можно встретить ещё один антоним прилагательного *духовный* — *недуховный*. Автор в контексте оригинала также употребляет антонимичную пару — *geistig/ungeistig*: «...*духовный* человек, если только он уже не был физически совершенно разрушен, не становился *недуховным* и не терял способность мыслить» [Амери, 2015, с. 46] (...es war ja nicht so, dass der *geistige* Mensch, sofern er nicht schon physisch vollkkommen zerstört war, nun *ungeistig* oder zum Denken unfähig geworden wäre [Améry, 2014, s. 47–48]).

Ж. Амери вспоминает, как однажды санитар в лазарете дал ему тарелку подслащённой манной каши, которую он жадно проглотил, после чего погрузился в состояние невероятной *духовной* эйфории. Им завладела безумная *духовная* жажда, сопровождавшаяся пронзительной жалостью к себе, от которой на глаза навернулись слёзы. Причём не до конца затуманенным краем сознания он полностью отдавал себе отчёт в иллюзорном характере такого минутного *духовного* подъёма [Амери, 2015, с. 31] (Ich denke daran, wie mir einmal ein Pfleger des Krankenbaues einen Teller mit gesüßtem Grieß schenkte, den ich gierig verschlang, wobei ich in den Zustand einer außerordentlichen *geistigen* Euphorie geriet. <...> Ein wildes *Geist*verlangen ergriff Besitz von mir, das begleitet war von durchdringendem Selbstmitleid und das mir Tränen in die Augen trieb. Dabei war ich mir aber in einer klar gebliebenen Bewußtseinsschicht des Pseudocharakters dieser nur Minuten währenden *geistigen* Erhebung voll bewußt [Améry, 2014, s. 31–32]).

В конце главы Ж. Амери однозначно употребляет прилагательные *духовный* (*geistig*) и *интеллектуальный* (*intellektuell*) как синони-

мы. «*Духовно* не очень развитой узник обычно принимал издёвки с известным хладнокровием... Интеллектуал же бунтовал, разум отказывался ему служить. <...> Таким образом, принципиальная *духовная* толерантность и методическое сомнение интеллектуала становились факторами саморазрушения. <...> Каждый, какова бы ни была его *духовная* конституция на воле, здесь становился гегельянцем» [Амери, 2015, с. 33–35] (*Der geistig nicht weiter geübte Lagerhäftling nahm diese Umstände meist mit einem gewissen Gleichmut zur Kenntnis... Der Intellektuelle aber revoltierte dagegen in der Ohnmacht des Gedankens. <...> Die grundsätzliche geistige Toleranz und der methodische Zweifel des Intellektuellen wurden so zu Faktoren der Autodestruktion. <...> Jedermann, es mochte es geistig draußen gehalten haben wie auch immer, wurde hier zum Hegelianer* [Améry, 2014, s. 33, 34, 36]).

Продолжая противопоставление интеллектуала и не-интеллектуала, Ж. Амери пишет: «...*духовный* человек всегда и всюду находился в полной зависимости от власти. Испокон веков он привычен подвергать её *духовному* сомнению, критическому анализу — и одновременно, в ходе того же умственного процесса, перед нею капитулировать» [Амери, 2015, с. 35] (...*der geistige Mensch hat sich immer und überall in völliger Abhängigkeit von der Macht befunden. Er war und ist es gewohnt, sie geistig anzuzweifeln, sie seiner kritischen Analyse zu unterwerfen — und doch im selben intellektuellen Arbeitsgang vor ihr zu kapitulieren* [Améry, 2014, s. 36]).

В.Г. Борботько отмечал, что в разных языках наблюдаются случаи несовпадения концептов применительно к одной и той же идее [Борботько, 2012, с. 6].

С точки зрения русскоязычной культуры немецкоязычный автор сильно сузил значение прилагательного *geistig*, перевод которого даже одним словом «духовный» подразумевает «нравственный», «гуманный», «милосердный», «свободный», «верующий», «интеллигентный», «начитанный». В русскоязычном варианте присутствуют все перечисленные смыслы, т.е. синтез всех этих качеств человека.

Читая русский перевод книги Ж. Амери, мы зачастую балансируем на грани непонимания того, что же хотел сказать автор оригинала на самом деле. Словосочетания «*духовная структура*», «*духовная эйфория*», «*духовная жажда*», «*духовный подъём*», «*духовная толерантность*», «*духовная конституция*», «*духовное сомнение*» в приведённых выше примерах практически непонятны русскоязычному менталитету. «*Духовная структура*» — это, скорее всего, «образ жизни интеллигентного человека», «*духовная эйфория*» — это «эйфория свободы», «*духовная жажда*» — это «жажда свободы», «*духов-*

ный подъём» — это «вера в лучшее», «духовная толерантность» — это «терпимость к менее образованным и менее интеллигентным людям», «духовная конституция» — это, скорее всего, «уровень интеллигентности», «духовное сомнение» — это «высокомерие образованного человека». Стремление переводчика одно и то же прилагательное *geistig* всегда переводить одинаково (прилагательным *духовный*) оправданно с точки зрения законов переводоведения, но неоправданно с точки зрения понимания. Мы считаем, что переводчик должен смотреть на произведение глазами автора и доносить до читателя истинные авторские интенции.

Список литературы

- Алейникова С.М.* К понятию «духовности»: религиозное, нравственное или политическое? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://zdravomyslie.info/cat/8-articles/251-spirituality>
- Alejnikova, S.M.* K ponjatiju “duhovnosti”: religioznoe, nrvastvennoe ili politicheskoe? [As Regards the Concept of “Spirituality”: Religious, Ethical or Political?] [Electronic resource]. — URL: <http://zdravomyslie.info/cat/8-articles/251-spirituality> (in Russian).
- Амери Ж.* По ту сторону преступления и наказания: Попытки одолённого одолеть / Пер. с нем. И. Эбаноидзе. М.: Новое издательство, 2015. 200 с.
- Амёру, J.* Po tu stranu prestupljenija i nakazanja: Popytki odoljonnogo odolet' [On the Other Side of Crime and Punishment: Attempts of an Overcome Person to Overcome] / Per. s nem. I. Jebanoidze. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. 200 p. (in Russian).
- Борботько В.Г.* Формы концептуализации идей как ценностей культуры в языковом сознании // Жизнь языка в культуре и социуме — 3: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 20–21 апреля 2012 года. М.: Институт языкознания РАН, РУДН, 2012. С. 5–7.
- Borbot'ko, V.G.* Formy konceptualizacii idej kak cennostej kul'tury v jazykovom soznanii [The Forms of Conceptualization of Ideas as Culture Values in Language Perception] // Zhizn' jazyka v kul'ture i sociume — 3: Mat-ly mezhhdunar. nauch. konf. [The Life Span of Language in Culture and Community — 3: Materials of International Scientific Conference]. Moskva, 20–21 aprelja 2012 goda. M.: Institut yazykoznanija RAN, RUDN, 2012. P. 5–7 (in Russian).
- Викторов А.* Таблетка для Сталина // ЕС. 2015. № 17. С. 10.
- Viktorov, A.* Tabletka dlja Stalina [A Tab for Stalin] // ES. 2015. № 17. P. 10 (in Russian).
- Гостева И.В.* Концепт «духовность» в русской языковой картине мира: светские и религиозные компоненты // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 20. Вып. 79. С. 44–48.
- Gosteva, I.V.* Koncept “Duhovnost” v russkoj jazykovoju kartine mira: svetskie i religioznye komponenty [The Concept of “Spirituality” in the Russian Language Picture of the World: Mundane and Religious Components] // Vestn.

- Cheljab. gos. un-ta. Ser.: Filologija. Iskusstvovedenie. 2013. № 20. Vyp. 79. P. 44–48 (in Russian).
- Зебальд В.Г.* Глазами ночной птицы. О Жане Амери / Пер. с нем. Н.Н. Фёдоровой // Амери Ж. По ту сторону преступления и наказания. М.: Новое издательство, 2015. С. 168–188.
- Zebal'd, V.G.* Glazami nochnoj pticy. O Zhane Ameri / Per. s nem. N.N. Fjodorovoj [Through the Eyes of a Night Bird. About Jean Améry] // Améry, J. По ту сторону преступленија и наказанија. М.: Novoe izdatel'stvo, 2015. P. 168–188 (in Russian).
- Петрухина Е.В.* Русская языковая картина мира и православное сознание // Виноград: Православный педагогический журнал. 2007. № 3. С. 6–11.
- Petruhina, E.V.* Russkaja jazykovaja kartina mira i pravoslavnoe soznanie [The Russian Language Picture of the World and Orthodox Consciousness] // Vinograd: Pravoslavnyj pedagogičeskij žurnal. 2007. № 3. P. 6–11 (in Russian).
- Радченко О.А.* Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М.: Едиториал УРСС, 2006. 312 с.
- Radchenko, O.A.* Jazyk kak mirosozidanie: Lingvofilosofskaja koncepcija neogumbol'dtiansva [The Language as World-Creativity: Linguo-Philosophical Concept of Neo-Gumboldtianism]. М.: Editorial URSS, 2006. 312 p. (in Russian).
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
- Stepanov, Ju.S.* Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [The Constants: The Russian Culture Dictionary]. М.: Akademicheskij proekt, 2001. 990 p. (in Russian).
- Харсеева А.В.* Интерпретация понятия «духовность» в философии [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2006/2/harseeva.pdf
- Harseeva, A.V.* Interpretacija ponjatija “duhovnost” v filosofii [The Concept of “Spirituality” Interpreted in Philosophy] [Electronic resource]. — URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2006/2/harseeva.pdf (in Russian).
- Améry, J.* Jenseits von Schuld und Sühne: Bewältigungsversuche eines Überwältigten. Stuttgart: Klett-Gotta, 2014. 173 s.

Пан КёЁн,

профессор, магистратура устного и письменного перевода Университета иностранных языков Хангук, Республика Корея; e-mail: lenabahng@hanmail.net

О РАЗРУШЕНИИ СИСТЕМЫ ВЕЖЛИВОСТИ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ*

В давней традиции корейцев всегда было почтительное отношение друг к другу, что нашло отражение в языке. Если кто-то превосходит говорящего в статусе, если он старше или примерно равного возраста, или это работодатель, учитель, клиент и т.п., подразумевается почтительное обращение к слушателю. Это означает, что изменения формы существительных, глаголов, субстантивных аффиксов обусловлены социальными отношениями между говорящим и слушающим, выступающим и его аудиторией. Данное эссе представляет некоторые аспекты этих выражений почтительности в корейском языке и объясняет, почему эти традиционные модели и обычаи были структурно уничтожены сегодня. Разрушение системы вежливости в современной Корее отражает индивидуализм, преобладающий среди молодых людей — поколения, которое пренебрегает корейской иерархической социальной системой.

Ключевые слова: корейская вежливость, разрушение речевого этикета, социальные перемены.

Pan Yong-Kyo,

Professor, the Master's Program of Translation and Interpreting at Hankuk University of Foreign Studies, the Republic of Korea; e-mail: lenabahng@hanmail.net

THE DESTRUCTION OF SPEECH ETIQUETTE IN THE KOREAN LANGUAGE

It has been a long-standing tradition for Koreans to address each other by using the honorific language system. As an agglutinative language, the predicate verb must agree with its honorific subject in person (and thing) and its affix. Generally, someone is superior in status if he/she is an older relative, a stranger of roughly equal or greater age, an employer, teacher, customer, etc. It means that nouns, verbs, affixes change their form depending on social relations between the speaker and his/her audience.

This essay presents some aspects of these honorific expressions in Korean and explains the reason why their traditional patterns and usages are being structurally destructed today. Honorifics destructed in today's Korea represent a growing individualist culture among the young people — a generation that has a disregard for the Korean hierarchical social system.

Key words: Korean honorifics, the destruction of speech etiquette, social change.

* Работа выполнена при поддержке фонда иностранных исследований Университета иностранных языков Хангук в 2015 г.

1. Введение

В современном английском языке нет вежливого личного местоимения, соотносящегося с местоимением *you*, а в немецком и французском есть: это соответственно *Sie* и *vous* (*вы*). Тем не менее немецкое *du* и французское *tu* (*ты*) не противопоставляются вежливым местоимениям как невежливые, а являются не чем иным, как показателями близких отношений между говорящими. Корейское местоимение *너* (*ты*) также является показателем близких отношений, но его абсолютно невозможно употреблять по отношению к отцу, старшему брату или вышестоящему по положению: это невежливо или даже грубо.

Вежливым соответствием местоимения *너* (*ты*) в корейском языке являются такие слова, как *당신*, *귀하*, *그대*, *님* и другие. Однако они почти никогда не используются в качестве вежливого эквивалента *너*. Это происходит не только потому, что сфера их употребления крайне ограничена, но и потому, что в зависимости от того, к кому они относятся, они могут выражать вежливость, а могут и не выражать. Например, слово *당신* может употребляться для обозначения близких и тёплых отношений, а также в случае плохих отношений, в этом оно подобно французскому *tu*. *귀하* используется только в начале официальных писем. *그대* — книжное выражение, часто использующееся в поэтической речи. *님* используется в поэтической речи, а также как вежливое окончание после имён людей при официальном обращении.

В корейском языке нет личных местоимений, которые можно было бы естественным образом употребить при обращении к человеку, который не ниже говорящего по возрасту, семейному или социальному положению. Даже при непосредственном обращении нужно употреблять только обычные имена существительные, как бы говоря о человеке в третьем лице. Обращаясь к отцу и матери, если речь не идёт о поэзии, нужно употреблять слова *아버지* (*отец*) и *어머니* (*мать*), но нельзя к ним обращаться, используя местоимение *너* (*ты*) или слова *당신*, *귀하*, *그대*, *님*. При официальном общении широко распространены такие обращения, как имя и наименование должности, например: *заведующий отделом Пак*, *доктор Ким*, *директор Ли* и т.д. Также можно обратиться, используя слово *선생* (*учитель*), которое употребляется преимущественно в отношении людей, занимающихся умственным трудом, и буквально означает «родившийся прежде». Только в том случае, когда собеседники равны по возрасту, социальному положению,

полу и находятся в дружеских отношениях, они могут обращаться друг к другу, используя местоимение *너* (*ты*).

Если признавать общественную природу языка, то можно утверждать, что сначала сложилась иерархическая структура общества, а вслед за этим были образованы соответствующие ей обращения. Соответственно, во всех выражениях вежливости не столько выражено значение уважительности или этикет, сколько отражён смысл социального порядка. Система вежливости корейского языка была создана на основе традиций патриархального общества [한석왕, 2005, с. 121]. Но в современном корейском обществе, где исчезают основы патриархальности, в действительности происходит разрушение системы речевого этикета. Целью нашего исследования является рассмотрение того, каким образом происходит разрушение традиционной системы вежливости корейского языка и как изменения общественного порядка отражаются на этой области языка.

2. Парадигма вежливости в корейском языке

Вежливые слова в корейском языке употребляются в двух ситуациях: дома и в обществе. В пособии «Языковой этикет», рекомендованном Национальным институтом изучения корейского языка, условия употребления вежливых слов также делятся на эти две группы [국립국어연구원 (2012), 표준언어예절, 2012. 2012년 3월 13일 개정된 한국경어표현표준이다. www.korean.go.kr]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что вежливые слова в корейском языке используются для общения в семье и обществе и созданы для употребления в этих ситуациях. Они не предназначены для использования в сфере личных отношений, поэтому, когда кореец употребляет вежливое слово, в его речи отражаются семейные или общественные отношения, а не его личные привычки или намерения. Можно сказать, что вопрос вежливости в корейском языке относится к социологии, а не к психологии [이정복, 2001, с. 462].

С точки зрения социальных отношений есть случаи, когда нужно выразить вежливость применительно к субъекту, о котором говорится в предложении (когда он выше по статусу, чем говорящий), а есть случаи, когда субъект ниже или равен по статусу говорящему, и тогда вежливость по отношению к нему не выражается. Однако при непосредственном общении кроме субъекта предложения есть ещё и слушающий, который может быть высшим по отношению к говорящему (и тогда к нему нужно выразить уважение) либо равным или низшим (и тогда к нему уважение выражать не нужно).

На основе этого в корейском языке с точки зрения выражения вежливости к тому, о ком говорится в предложении, и к слушающему могут быть выделены 4 типа предложений:

1) *누님께서가십니다* (*Старшая сестра идёт*) (субъект ▲, слушающий ▲);

2) *누님께서간다* (*Старшая сестра идёт*) (субъект ▲, слушающий ▼);

3) *누나가갑니다* (*Старшая сестра идёт*) (субъект ▼, слушающий ▲);

4) *누나가간다* (*Старшая сестра идёт*) (субъект ▼, слушающий ▼).

В предложении 1 вежливость выражена и к субъекту предложения (частицами *-께서* и *-시*), и к слушающему (формой глагола *-습니다*). В предложении 2 вежливость выражена к субъекту предложения (*-께서*), но не выражена к слушающему (формой глагола *-다*). В предложении 3 вежливость не выражена к субъекту предложения, но выражена к слушающему (формой глагола *-습니다*). В предложении 4 вежливость не выражена ни к субъекту предложения, ни к слушающему.

2.1. Вежливые существительные

	Существительные	Уничижительные или нейтральные выражения ▼	Вежливые выражения ▲
Человек (лицо)	사람 — человек	사람, 이 — человек, он	분 (저분, 웃기분) — человек, он
	부모 — родители	아빠, 엄마, 아버지, 어머니 — папа, мама, отец, мать	아버님, 어머님 — отец, мать
	형제 — братья и сёстры	자식, 형, 누이, 아들, 딸 — дети, старший брат, старшая сестра, сын, дочь	형님, 누님, 아드님, 따님 — старший брат, старшая сестра, сын, дочь
	나 — я	저 — я	나 — я
	너 — ты	너 — ты	당신, 귀하, 그대, 님 — вы
	우리 — мы	저희 — мы	우리 — мы

	Существительные	Уничижительные или нейтральные выражения ▼	Вежливые выражения ▲
Предмет, понятие (обычные существи- тельные)	밥 — рис	밥 — рис	진지 — рис
	이름 — имя	이름 — имя	성함 — имя
	말 — слова, речь	말 — слова, речь	말씀 — слова, речь
	병 — болезнь	병 — болезнь	병환 — болезнь
	집 — дом	집 — дом	댁 — дом
	생일 — день рождения	생일 — день рожде- ния	생신 — день рождения
	술 — вино	술 — вино	약주 — вино
	나이 — возраст	나이 — возраст	연세 — возраст

Прежде всего, в современном корейском языке очень мало выражений, используя которые можно принизить себя. В эпоху Чосон таких выражений было достаточно много, а сегодня они почти не употребляются. Это, в частности, 소인, 소첩 (*я — ничтожный, ничтожная*). Чаще всего используется личное местоимение 저 (*я*), которое является уничижительной (скромной) формой 나, множественное число от него — 저희 (*мы*). Существует также уничижительное слово 자식 (*дети*). Кроме этих примеров, уничижительные слова почти не используются, а вместо них употребляются нейтральные слова. Поэтому сейчас тех, кто, говоря о Корее с иностранцами, использует уничижительную форму 저희나라, а не 우리나라 (*наша страна*), даже обвиняют в отсутствии патриотизма: дескать, они, употребляя уничижительное местоимение, принижают нашу страну. Соответственно, употребление нейтральных существительных там, где отсутствуют уничижительные эквиваленты, с точки зрения выражения вежливости можно рассматривать как принижение, поскольку понятия «вежливость» и «скромность» всегда соотносительные.

С другой стороны, для выражения почтительности к человеку употребляются специальные вежливые, отличающиеся от нейтральных, слова, характеризующие всё, что к нему относится: части его тела, вещи, которые ему принадлежат, и т.д. Например, в таком случае рис, который ест человек, обозначается не нейтральным словом 밥, а его вежливым эквивалентом 진지. Если не использовать вежливый эквивалент, это будет свидетельствовать о том, что

говорящий не соблюдает нормы этикета в семье и обществе. Далее мы покажем, что и для описания действий человека, к которому нужно выразить почтение, также нужно использовать специальные формы.

2.2. Вежливые глаголы

Нейтральные глаголы ▼	Вежливые глаголы ▲	Особенности
~이다 — есть (быть)	~이시다	~이 + 스
~하다 — делать	~하시다	~하 + 스
~가지다 — иметь	~가지시다	~가지 + 스
~자다 — спать	~주무시다	~주무 + 스 (изменение корня)
~죽다 — умирать	~돌아가시다	~돌아 + 스 (изменение корня)
~먹다 — есть (пищу)	~드시다, 잡수시다	~드, 잡수 + 스 (изменение корня)
~테려가다 — вести	~모시다	~모 + 스 (изменение корня)
~아프다 — болеть	~편찮으시다	~편찮으 + 스 (изменение корня)
~묻다 — спрашивать	~여쭙다	~여쭙 + ㅂ (изменение всего слова)
~주다 — давать	~드리다	~드리 (изменение всего слова)

Глагол в корейском языке тоже изменяется в зависимости от того, нужно ли выражать вежливость по отношению к субъекту и его действиям. Как правило, если к нейтральному глаголу присоединить 시 или 스, он превращается в вежливый эквивалент. Например, вежливый эквивалент *이다* — это *이시다*, *하다*—*하시다*. Однако существует довольно большое число глаголов, у которых нельзя образовать вежливую форму только присоединением этой частицы. Для образования вежливой формы глагола *먹다* (*есть*) нужно полностью изменить корень слова, чтобы получить его вежливый эквивалент *드시다*. Такие глаголы, у которых нужно изменить корень для того, чтобы они превратились в вежливые эквиваленты, обычно используются при общении в семье или при непосредственном общении говорящего и слушающего. Это такие глаголы, как *есть*, *спать*, *выходить*, *умирать*, *искать*, *спрашивать*, *делать* и т.д.

2.3. Вежливые частицы

Нейтральные частицы ▼	Вежливые частицы ▲	Особенности
~은/는	~께서는	Именительный состояния
~이/가	~께서	Именительный действия
~에게/에게서	~께	Выражает косвенное дополнение, играет роль предлога

Выбор частицы, присоединяемой к подлежащему или косвенному дополнению, зависит от того, вежливое это существительное или нейтральное. В корейском языке нет вежливых эквивалентов для показателей целевого падежа, т.е. почтительность можно выразить только по отношению к лицу, являющемуся в предложении подлежащим или косвенным дополнением.

2.4. Примеры использования

Корейский язык относится к агглютинативным языкам, где главную роль в предложении играет не порядок слов, а частицы. Например, если мы хотим сказать *You will return home* по-корейски, то все связи в предложении будут выражены частицами, а не твёрдым порядком слов: 너는 집으로 돌아 갈 거야. Здесь частица 는, помещённая после местоимения 너 (ты), обозначает подлежащее, 으로 после существительного 집 (дом) обозначает направление, а глагол помещается в конец предложения. Если правильно поставить частицы в предложениях 집으로너는돌아갈거야, 너는돌아갈거야집으로, 집으로돌아갈거야너는, 너는돌아갈거야집으로, то для понимания смысла порядок слов будет не столь важен. Поскольку решающее значение в грамматике корейского языка играют частицы, а не порядок слов, смысл предложения понять не сложно, если разобраться в смысле частиц, оформляющих имена существительные и глаголы. Сложность заключается в том, что эти имена, глаголы и частицы изменяются в зависимости от выражаемой ими вежливости.

Если мы хотим выразить почтительность по отношению к лицу, обозначенному в предложении подлежащим или косвенным дополнением, то говорим, например, 어머님께서는편찮으시다 (мамушка болеет) или 사장님께여쭙다 (спросить у президента компании), т.е. употребляем вежливые варианты имён существительных, глаголов и частиц. Если мы не хотим выражать вежливость по от-

ношению к лицу, обозначенному в предложении подлежащим, то должны употребить невежливые варианты имён существительных, глаголов и частиц. Это означает, что в системе вежливости корейского языка при изменении подлежащего автоматически изменяются и все остальные члены предложения. Если употребляется уничижительное местоимение 저 (я), то это неизбежно ведёт к употреблению после него нейтральных, а не вежливых частиц и глаголов, т.е. всё предложение как бы «склоняется» по вежливости. Например: 제 (▼) + 가 (▼) + 아프다 (▼), 저 (▼) + 에게 (▼) + 물어보다 (▼). С другой стороны, существует ещё так называемое правило *главенства вышестоящего*, которое заключается в том, что если субъект предложения выше по положению, чем говорящий, а слушающий выше, чем субъект предложения, то должны употребляться нейтральные имя существительное, частицы и глагол. Это проявляется в примере, когда внук говорит бабушке: «Бабушка, папа ещё не пришёл» – 할머니! 아버지가 (▼) 아직안왔습니다 (▼). Нельзя в этом случае сказать: 할머니! 아버지께서 (▲) 아직안오셨습니다 (▲), т.е. употребить вежливые частицы и глагол, характеризующие отца, так как он хотя и старше, чем говорящий, но младше слушающего (бабушки).

3. Разрушение речевого этикета в корейском языке и значение этого процесса

В современном корейском языке «склонение» по вежливости уже не происходит автоматически. Хотя в языке до сих пор сохраняются вежливые, нейтральные и уничижительные имена существительные, частицы и глаголы, но принципы их комбинации постоянно нарушаются, т.е. уже нерегулярно соблюдается правило о том, что все члены предложения должны соответствовать друг другу по вежливости: (▲) + (▲) + (▲). Сейчас предложение с точки зрения вежливости может принимать вид (▲) + (▼) + (▼), (▼) + (▲) + (▼), (▲) + (▲) + (▼). Примеры таких предложений приведены в таблице ниже. Здесь предложения, правильные с точки зрения изменения по вежливости, обозначены буквой X, неправильные — буквой O.

Существительное (подлежащее)	Частица	Глагол	
아버님 (▲)	이 (▼)	죽는다고생각한다 (▼)	X
아버님 (▲)	께서 (▲)	돌아가신다고생각하신다 (▲)	O

Существительное (подлежащее)	Частица	Глагол	
너 (▼)	가 (▼)	문제입니다 (▲)	X
너 (▼)	가 (▼)	문제이다 (▼)	O
아빠 (▼)	께서 (▲)	놀라십니다 (▲)	X
아빠 (▼)	가 (▼)	놀란다 (▼)	O
우리 (▲)	가 (▼)	가실까요? (▲)	X
저희 (▼)	가 (▼)	갈까요 (▼)	O
3500 원 (предмет)	이 (▼)	나오십니다 (▲)	X
3500 원 (предмет)	이 (▼)	나옵니다 (▼)	O
사장님집 (предмет)	께서 (▲)	무너졌습니다 (▼)	X
사장님집 (предмет)	이 (▼)	무너졌습니다 (▼)	O
형님말씀 (понятие)	이 (▼)	계십니다 (▲)	X
형님말씀 (понятие)	이 (▼)	있습니다 (▼)	O
질문 (понятие)	이 (▼)	들어오십니다 (▲)	X
질문 (понятие)	이 (▼)	들어옵니다 (▼)	O

Самым спорным является вопрос о том, нужно ли обозначать вежливыми эквивалентами понятия или предметы, относящиеся к лицу, к которому выражается вежливость. Например, когда нужно сказать: «Папин рис испортился», нужно ли сказать *아버님의진이 가상하셨다*, т.е. употребить вежливое существительное *진지* (*рис*) и вежливый глагол *상하셨다* (*испортился*), так как речь идёт о предмете, принадлежащем отцу, или нужно только обозначить вежливость по отношению к отцу, не обозначив вежливость по отношению к предмету (*아버님의밥이상했다*)? Дело в том, что в корейском языке очень часто предмет, принадлежащий лицу, становится подлежащим в предложении. Например, в предложении *아버님께서키가크시다* (*Отец высокого роста*) нужно, проанализировав смысл, определить, что же является подлежащим — *아버님께서* (*отец*) или *키* (*рост*), и тогда уже решать вопрос о вежливости. В принципе было принято употреблять нейтральные существительные, говоря о предметах или понятиях, относящихся к лицу, к которому нужно выразить почтительность. Однако следует сказать, что с самого начала в языке существовали специальные вежливые существительные для обозначения

предметов и понятий. Кроме того, консервативная языковая политика последнего времени предписывает использовать вежливые существительные, «когда речь идёт обо всём, что тесно связано с лицом, по отношению к которому нужно выразить вежливость: частях тела, предметах первой необходимости, личных вещах и т.д.» [이익섭, 채완 (1999), 국어문법론강의, 서울: 학연사, 국립국어원, Q&A ‘사물존칭’, http://www.korean.go.kr/09_new/minwon/qna_list.jsp]. Представим изложенное выше в виде таблицы.

«Большое» подлежащее (вежливое наименование лица)	Вежливая частица	«Малое» подлежащее (предмет, понятие)	Нейтральная частица	Глагол, прилагательное	
아버님	께서는	바지	가, 이, 는, 은	짧으시다	O
				짧다	
저분들		우정		깊으시다	
				깊다	
당신		사랑		없으시다	
				없다	
		아버님바지		짧으시다	
				짧다	
				깊으시다	
	저분들우정	깊다			
		없으시다			
		없다			
	당신의사랑	없으시다			
		없다			

В корейском языке «большое» подлежащее (выраженное именительным падежом обладания) невозможно рассматривать с точки зрения грамматики. С грамматической точки зрения подлежащим является «малое» подлежащее. А подлежащее, выраженное именительным падежом обладания, является прагматическим условием, которое поддерживает вежливость корейского языка. По этой причине можно сделать вывод, что вежливость в корейском языке — это социолингвистическая категория, в которой прагматическое суждение важнее, чем грамматическое (лингвистическое). Корейский язык является особенным языком, в котором предложение,

выстроенное по всем правилам грамматики, с прагматической точки зрения может оказаться недопустимым.

Хаотичность в использовании вежливых слов в корейском языке можно объяснить несколькими причинами. Прежде всего, при переходе от авторитарного общества к демократическому начала разрушаться система вежливых слов, базирующаяся на патриархальном образе мыслей [한석왕, 2005, с. 121]. Такие слова, как *아빠* (*nana*) и *엄마* (*мама*), считавшиеся принадлежностью детской речи, сейчас естественно используются и взрослыми. Вежливая частица именительного падежа — *께서* смешивается с нейтральными *은*, *는*, *이*, *가*, а вежливая частица дополнения — *께* смешивается с нейтральной *에게* или занимающей промежуточное положение *한테*. Вежливость подвергается процессу нейтрализации: если раньше использовалось вежливое *어머니께 물어봐* (*спроси у мамы*) и *엄마에게 물어봐* (*спроси у мамы*), то теперь это *어머니한테 물어봐*, равное *엄마한테 물어봐*. Можно сказать, что теперь имена, частицы и глаголы изменяются не по вежливости, которой руководствовалось старое общество, а по «выбору расстояния», которым руководствуется современное индивидуалистическое и прагматическое общество.

Современный образ мыслей таков, что если люди близки, то незачем выражать почтительность, а достаточно выразить только дружеские отношения. Раньше говорили: *도둑이 집에 들어와 물건을 훔쳐가셨다* (*Вор проник в дом и украл наши вещи*), автоматически употребляя вежливую форму. Это был результат механистического языкового сознания, и происходило так не потому, что хотели выразить уважение к вору, а потому, что он оценивался как «чужой», о котором нужно было говорить, употребляя вежливые формы.

4. Выводы

Вежливость в корейском языке — понятие социолингвистическое. Другими словами, это такая категория, где в сферу грамматики энергично вмешались этикет, порядок и принуждение со стороны патриархального общества. Корейская система вежливости — это особое явление, где подлежащее, дополнение, косвенное дополнение, частицы, глаголы, прилагательные, наречия выходят из подчинения системе функциональной грамматики. В этом случае лингвистический принцип (функциональная грамматика) подчиняется прагматическому принципу (социограмматике). Разрушение коллективистского мышления в обществе приводит к отказу от традиционной системы вежливости, что оказывает влияние и на функционирование языка.

Отношения языка и общества, взаимосвязь между социальными трансформациями и изменениями в языке уже давно являются предметом исследования как российских, так и европейских учёных, однако до сих пор система вежливости корейского языка не исследовалась с помощью социолингвистического подхода. Данная статья представляет собой лишь предварительные наброски на эту тему, которая нуждается в дальнейшем глубоком экспериментальном исследовании.

Список литературы

국립국어연구원. 표준언어예절. 2012년 3월 13일 개정된 한국경어표현표준이다.

URL: <http://www.korean.go.kr>

이정복. 국어경어법사용의 전략적 특성, 서울: 태학사, 2001. С. 462.

이익섭, 채완. 국어문법론강의, 서울: 학연사, 1999. 국립국어원, Q&A ‘사물존

칭’. URL: http://www.korean.go.kr/09_new/minwon/qna_list.jsp

한석왕. 한국사회와호칭어. 서울: 역락, 2005. С. 121.

Хванг Джи-ён,

профессор Университета иностранных языков Хангук, Республика Корея;
e-mail: sarahuang@hanmail.net

ПЕРЕВОД ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ РИТОРИКИ КИТАЯ В КОРЕЙСКИХ СМИ

Государственная риторика является обширной системой, охватывающей дипломатическую, военную, политическую, культурную и другие сферы. Дипломатическая риторика Китая имеет целостный и непрерывный характер. В данной работе рассматривается перевод дипломатической риторики Китая в корейских СМИ на протяжении 30 лет после начала реализации политики реформ и открытости Дэн Сяопина. В качестве примера можно привести следующие речевые обороты: *Qui Tong Cun Yi* (求同存異), *Tao Guang Yang Hui* (韬光養晦) и *You Suo Zuo Wei* (有所作爲)¹. Смысловые оттенки дипломатической риторики невозможно передать путём дословного перевода. Анализ тенденций перевода дипломатической риторики Китая в корейских СМИ показал, что часто встречаются случаи объяснения подобных фраз до или после непосредственного их обозначения.

Ключевые слова: дипломатическая риторика, политика реформ и открытости (КНР), корейские СМИ, перевод.

Hwang Ji-youn,

Professor at Hankuk University of Foreign Studies, the Republic of Korea; e-mail:
sarahuang@hanmail.net

TRANSLATING CHINESE DIPLOMATIC RHETORIC IN KOREAN MEDIA²

National rhetoric refers to a comprehensive system of strategies that encompass diplomacy, military, politics, culture and so on. This article examines, inter alia, China's national rhetoric in the diplomatic domain, since the Reform and Opening Up, as well as how it is translated in the Korean media. The Chinese have used diplomatic rhetoric with consistency. *Qui Tong Cun Yi* (求同存異), *Tao Guang Yang Hui* (韬光養晦) and *You Suo Zuo Wei* (有所作爲) have something in common in terms of translation; i.e. diplomatic rhetoric phrases cannot simply be translated word for word as they represent the core value and the basic stance of China towards the outside world. Therefore, the Korean media put some explanation of the meaning up in the front or down the line in most cases.

Key words: diplomatic rhetoric, the Reform and Opening Up policy in China, Korean media, translation.

¹ 求同存異 — находить общую почву при сохранении разногласий; 韬光養晦 — скрывать от света и развить способности в темноте; 有所作爲 — принимать активное участие и совершить желаемое.

² This paper was supported by Hankuk University of Foreign Studies Research Fund in 2015.

1. Introduction

The notion of national rhetoric may represent a comprehensive plan of a country encompassing its fundamental goals, principles, methods, velocity, and priority for the long-term development of the nation. National rhetoric carries meanings in two folds. Firstly, it means the national discourse created in the course of a nation's progress and dealing with international relations. Secondly, it is a terminology used for newly arisen concepts. In this case, national rhetoric goes through a dynamic process until the new term or phrase is used long enough to become popular.

The national rhetoric of China aiming at the modernization stood out in the pursuit of "Reform and Opening Up" in 1978. Accordingly, China's national rhetoric since then, is characterized by economic and social development strategies that prioritize economic growth and social advancement. National rhetoric indicates where the nation stands in its development and how they view the state of affairs around the world. As a new age comes and progresses, so does new national rhetoric one after another. It is often the case in a country like China that undergoes a rapid social change.

Here, translation plays an important role. If China's national rhetoric is not translated well in the Korean media, the state of affairs in China and their objectives cannot be understood to the full extent. In view of the timeliness of news reports being emphasized recently, this article examines the modality of translation for the national rhetoric of China that often appears in the Korean media.

2. National Rhetoric since Reform and Opening Up

In the late 20's, the socialism of China entered a new phase. The ideologic foundation for a new form of socialism was laid in the Third Plenary Session of the 11th Communist Party of China (CPC) Central Committee by Deng Xiaoping who was the highest-ranking political leader at that time. Since then, the succeeding regimes of Jiang Zemin and Hu Jintao have been marked by continuity rather than interruption and gradualness on the ideologic front. Rather than creating a new theory, they have secured a space for theoretical discussion taking into account the changes in reality, accepted and disseminated the theories that are filtered therefrom.

This very point enabled the socialism experimented within China to absorb the theoretic impact. In the analysis of China's national rhetoric, ideology plays an important role. Despite the expansion of Reform and Opening Up, socialist ideology still remains as the ultimate qualification check that determines the political leaders' policy decisions.

China's national rhetoric emphasizes more on "Chinese" than socialist. Socialism in China is incessantly challenged to interpret new phenomena theoretically. By the same margin, there is a wide range of theoretic variability to cover. The ideologic devices have so far been carefully manipulated to control the level of Reform. This has led to the "Socialism with Chinese Characteristics" (中國特色的社會主義) that applies ideology to policies in practice, highlighting the implications of being Chinese through the instrumentalization of ideology.

According to the political report at the 18th National Congress of the CPC that reflects the national rhetoric of the new Xi Jinping regime. It is more likely than not that national rhetoric containing the basic principles and policies of China will remain the same into the future. National rhetoric refers to a comprehensive system of strategies that encompass diplomacy, military, politics, culture and so on. This articles examines, inter alia, China's national rhetoric in the diplomatic domain, and how it is translated in the Korean media.

3. Translation of National Rhetoric for Diplomacy

3.1. *Qui Tong Cun Yi* (求同存異)

In April 1955, the Asian-African Conference was held in Bandung, Indonesia. Premier Zhou Enlai gave a speech there and reiterated the historical meaning of the principle "seek common ground while reserving differences" or *Qui Tong Cun Yi* (求同存異). In other words, he appealed to the participants that they should put down their differences and go for common interests.

To some extent, the notion stems from the painful history of China. The 1840 Opium War was ended with the crushing defeat of China under the Qing Dynasty by the British Empire. Under the Treaty of Nanjing, consequently, the Qing had to lease Hong Kong for 155 years as well as to pay a large indemnity to Britain. Afterwards, China was helpless against the invasion of foreign powers. Europe, the US, and Japan attacked China one after another and made China suffer in shame for quite a while.

This painful memory of foreign invasions motivated the People's Republic of China founded in 1949 to declare the principle of non-interference in each other's internal affairs. Premier Zhou's diplomatic rhetoric helped China emerge as a leading power among the Third World countries. *Qui Tong Cun Yi* has been reflected consistently in Chinese diplomatic policies promoting cooperation only where possible without interfering with the counterparts' internal affairs whatsoever. It is also thanks to this principle that China could maintain a friendly relationship with other nations in Asia and Africa.

Example 1. Admitting differences with each other and seeking the sameness in the spirit of ‘gu-dong-jon-i (求同存異)’ (The Korean Journalist Association Newspaper, 2012.09.19).

Example 2. ‘Admitting differences while seeking the sameness’ refers to the famous ‘gu-dong-jon-i (求同存異)’ (The Kang Won Dominilbo, 2013.06.11).

Examples 1 and 2 are belong to the internal description in text. Dissolve the description in the text to heighten readability. Put the explanation of *Qui Tong Cun Yi* up in the front, followed by the Korean pronunciation of Chinese characters in parentheses.

Example 3. Gu-dong-jon-i (求同尊異: Seeking common ground under the premise of admitting differences with each other) (Edaily, 2013.06.13).

Example 4. ‘Gu-dong-jon-i’ (Seeking common ground while admitting differences) (Hankyoreh Newspaper, 2012.04.27).

Examples 3 and 4 are belong to the external description in text. Paste the annotation next to the translation. In Example 3, *Qui Tong Cun Yi* is pronounced in Korean with the Chinese characters and interpretation in parentheses, while in Example 4, *Qui Tong Cun Yi* is written in Korean with the relevant interpretation without the Chinese characters accompanied.

Example 5. The two countries adopted the perspective of ‘gu-dong-jon-i (求同存異).’ In other words, they acknowledged their differences in the area where their trust in each other was weak and at the same time expanded exchange and cooperation in the areas where they could mutually benefit and trust (Bulkyo21.com, 2013.07.09).

Example 6. China describes our relationship with a four-letter idiom called ‘gu-dong-jon-i (求同存異)’. It means seeking the sameness while respecting differences (MBN Broadcasting, 2013.06.20).

Examples 5 and 6 are belong to the external description in text. Describe the relevant detail in the follow sentence. In Examples 5 and 6, *Qui Tong Cun Yi* is accompanied by the Chinese characters in parentheses. Its interpretation is freely written in the next sentence separately.

3.2. *Tao Guang Yang Hui* (韜光養晦)

Tao Guang Yang Hui is literally translated as “hide brightness and nourish in obscurity.” It can have two interpretations. One is the meaning of “nourish one’s ambition” that is related to the ancient Romance of Three States. Once Liu Bei took refuge under Cao Cao. He acted as if hiding from thunder when Cao Cao called him a hero. At that point on, Cao Cao let his guard down and stopped suspecting him.

The other interpretation is “take a modest attitude” referenced in “tuck one’s tail between one’s legs (夾緊尾巴)” which means “you should not show off your abilities to others; rather be modest as much as you can.”

What is behind this rhetoric is China in the 1990’s, with its economy fast growing, viewed by other nations as a threat in the making. At that time, Deng Xiaoping presented *Tao Guang Yang Hui* as his foreign relations strategy in order to stabilize the state of international affairs. His dictum in full read *Tao Guang Yang Hui, You Suo Zuo Wei*. It means “nourish in obscurity, bide your time and get something accomplished when the time comes.”

Example 7. ‘Hide the light of the blade and bide one’s time’ is the meaning of do-kwang-yang-hoi (韜光養晦) (KYONGBUKILBO, 2013.07.05).

Example 8. ‘Hide one’s strength and train in the shadow’ is the meaning of ‘do-kwang-yang-hoi’ (韜光養晦) (Hankyoreh, 2013.06.11).

Example 9. ‘Hide the light of the blade in the sheath and grow one’s power secretly in the darkness’ is the meaning of do-kwang-yang-hoi (No Cut News, 2010.08.18).

Examples 7 to 9 are belong to the internal description in text. Dissolve the description in the text to heighten readability. Examples 7 and 8 mention the meaning of *Tao Quang Yang Hui* up in the front, followed by the Chinese characters. Example 9 mentions the meaning of *Tao Quang Yang Hui* up in the front, but without the Chinese characters accompanied.

Example 10. Do-kwang-yang-hoi (韜光養晦 · Hide one’s power, persevere and wait) (Joongyang Daily, 2013.08.13).

Example 11. Do-kwang-yang-hoi (韜光養晦 · Hide one’s talent and bide one’s time) (Donga Daily, 2012.07.25).

Example 12. Do-kwang-yang-hoi (A low-profile strategy, biding its time until a nation grows strong) (MK News, 2013.07.16).

Examples 10 to 12 are belong to the external description in text. Paste the annotation next to the translation. In Examples 10 and 11, the meaning of *Tao Guang Yang Hui* is put in parentheses with the Chinese characters and interpretation.

Example 12 simply puts the Korean interpretation of *Tao Guang Yang Hui* in parentheses.

3.3. *You Suo Zuo Wei* (有所作為)

Deng Xiaoping explained a new order in the international political economy as no monopoly in the international community with some countries interfering with others’ internal affairs, referring to *You Suo*

Zuo Wei as an active effort to achieve it. It means “to be able to bring one’s talent into play and do well in life.”

In 2012, Liu Xuecheng (刘学成), executive vice president of the China Institute of International Studies, said, “*Tao Guang Yang Hui* and *You Suo Zuo Wei* have been changing little by little over time, but they represent the diplomatic policies sustained by China and should remain so for a long time in the future as well.” He also emphasized that “authoritarian or hegemonic politics should be rejected; instead a win-win strategy to pursue by cooperating with many other nations.”

Example 13. ‘Active engagement when necessary’ is the meaning of u-so-jak-ui (Seoul Economic Daily, 2009.04.15).

Example 14. ‘Exertion in modest’ is the meaning of u-so-jak-ui (有所作为) (Newspim, 2013.06.03).

Examples 13 and 14 are belong to the internal description in text. Dissolve the description in the text to heighten readability. Example 14 has the interpretation of *You Suo Zuo Wei* up in the front without Chinese characters. On the other hand, Example 14 interprets the meaning of *You Suo Zuo Wei* at first with Chinese characters in parentheses.

Example 15. U-so-jak-ui (有所作为 · Actively participate and do as one wishes) (Donga Daily, 2012.07.25).

Example 16. U-so-jak-ui (有所作为 · Actively participate and carry through one’s plan) (Pressian, 2013.04.21).

Example 17. U-so-jak-ui (有所作为 · Play one’s role where possible) (Munhwa Daily, 2013.03.20).

Example 18. U-so-jak-ui (Do as one wishes by actively participating) (MK News, 2013.07.16).

Examples 15 to 18 are belong to the external description in text. Paste the annotation next to the translation. Examples 15 through 17 show that the ways *You Suo Zuo Wei* is translated are very similar. They all have the Chinese characters in parentheses with additional meanings. Example 18 has the meaning added in parentheses without Chinese characters.

4. Concluding Remarks

This article examines the translation of China’s diplomatic rhetoric by the Korean media. Over 30 years since the Reform and Opening Up of Deing Xiaoping, Chinese have used diplomatic rhetoric with consistency.

Qui Tong Cun Yi (求同存異), *Tao Guang Yang Hui* (韜光養晦) and *You Suo Zuo Wei* (有所作为) have something in common in terms of translation; i.e. diplomatic rhetoric phrases cannot simply be translated word for word as they represent the core value and the basic stance of

China towards the outside world. Therefore, the Korean media put some explanation of the meaning up in the front or down the line in most cases. They also add Chinese characters for readers' better understanding.

Bibliography

- 趙培星 (1998), 《社會主義論》, (北京: 北京人民出版社).
- 于光遠 (1983), <發展作為社會主義建設的科學的馬克思主義>, 《人民日報》3月26日.
- 胡繩 (1983), <馬克思主義和中國國情>, 《紅旗》No. 6.
- 馬克思 (1971), <高達綱領批判馬克思恩格斯選集>, 《人民出版社》No. 3.
- 胡錦濤 (2012), 《第 18 大黨代表大會政治報告》.
- 毛澤東外文選 (1994), <毛澤東 “吸取歷史教訓, 反對大國沙文主義”> (北京: 中央文獻出版社).
- 胡鞍鋼 (2003), 《中國大戰略》, (杭州: 浙江人民出版社).
- 葉自成 (2002), <關於韜光養晦和有所作為: 再談中國的大國外交心態>, 《太平洋學報》No. 1.
- 鄧小平 (1993), <鄧小平文選 “关于利用時機解決發展問題”>, (北京: 北京人民出版社) No. 3.
- The Korean Journalist Association Newspaper, 2012.09.19.
- The Kang Won Dominilbo, 2013.06.11.
- Edaily, 2013.06.13.
- Hankyoreh, 2012.04.27, 2013.06.11.
- Bulkyo21.com, 2013.07.09.
- MBN Broadcasting, 2013.06.20.
- KYONGBUKILBO, 2013.07.05.
- No Cut News, 2010.08.18.
- Joongyang Daily, 2013.08.13.
- MK News, 2013.07.16.
- Seoul Economic Daily, 2009.04.15.
- Newspim, 2013.06.03.
- Donga Daily, 2012.07.25.
- Pressian, 2013.04.21.
- Munhwa Daily, 2013.03.20.

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

И. В. Балканов,

адъюнкт, соискатель учёной степени кандидата филологических наук, Военный университет Министерства обороны РФ; e-mail: i-balkanov@mail.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЕННОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (на материале русско-иноязычных военных словарей)

В статье проводится анализ общих русско-иноязычных (русско-английских, русско-французских и русско-немецких) военных словарей, созданных в СССР и России, с точки зрения их мега-, макро- и микроструктуры, рассматриваются особенности отечественной двуязычной военной лексикографии XX в.

Ключевые слова: макро- и микроструктура словаря, словарная статья, заглавное слово, издание, принципы отбора лексики, интерпретация значений слов.

Ilya V. Balkanov,

Adjunct, Cand. Sc. (Philology) Applicant at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; e-mail: i-balkanov@mail.ru

THEORY AND PRACTICE OF MILITARY LEXICOGRAPHY: A STUDY BASED ON RUSSIAN-ENGLISH, RUSSIAN-FRENCH AND RUSSIAN-GERMAN MILITARY DICTIONARIES

This article is an analysis of the mega-, macro- and microstructure of military Russian-English, Russian-French and Russian-German dictionaries created in the USSR and Russia. It studies general trends in the Russian lexicography and the lexicographical culture of specialized (military) dictionaries in the 20th century.

Key words: macro- and microstructure of a dictionary, dictionary entry, headword, edition, vocabulary selection strategies, interpretation of word meanings.

Первые иноязычно-русские военные словари (англо-, немецко- и французско-русские) были созданы в 1930-е гг.¹, и в дальнейшем работа над ними продолжилась уже после окончания Великой Отечественной войны. Однако сложившаяся в 1930–40-е гг. военно-политическая обстановка требовала появления не только иноязычно-русских, но и русско-иноязычных военных словарей.

¹ В этой связи мы не можем не упомянуть выдающегося лексикографа — профессора Военного института иностранных языков Александра Михайловича Таубе, единоличного автора фундаментальных военных англо-русских (издания 1938, 1942 и 1949 гг.), немецко-русских (1931, 1936, 1942, 1944 и 1945 гг.) и французско-русских (1931, 1937 и 1942 гг.) словарей первой половины XX в.

Первый русско-иноязычный (русско-французский) военный словарь, тиражом всего 1200 экземпляров, выходит в 1940 г. Составителями этого словаря являются А.И. Садов и Н.М. Флерова, общий объём корпуса не превышает 1000 слов. В обезличенном предисловии, составляющем раздел предваряющих текстов, сообщается, что словарь включает «преимущественно артиллерийские термины и наиболее употребительные слова из других отраслей военного дела» [Садов, Флерова, 1940, с. 3]. При работе над словарём составители используют французские уставы, наставления, журналы и существующие военные словари, корпуса которых легли в основу словника данного русско-французского военного словаря².

В словнике все вокабулы расположены в строго алфавитном порядке, каждое реестровое слово представляет собой новый абзац. В подбор к реестровым словам составители предлагают производные словосочетания, которые не упорядочены по алфавитному или иному принципу, что затрудняет работу со словарём:

Армия	<i>armée f</i>
– кадровая	– active
– союзная	– alliée
– регулярная	– régulière

В производных словосочетаниях изменяемая часть вокабулы (окончание имени существительного или имени прилагательного) помещается в круглые скобки, реестровое слово заменяется знаком «—», а французский эквивалент может сокращаться до первой буквы с точкой или заменяться знаком «—». При этом описание приёмов экономии места в разделе предваряющих текстов не приводится, системность в сокращении французских эквивалентов отсутствует:

Задача	<i>mission f; problème m</i>
– (у) получить	– recevoir une m.
Залп	<i>salve f; décharge m</i>
– артиллерийский	– s. des mitrailleuses
– ружейный	– de mousquèterie
Масштаб	<i>échelle f</i>
– карты	– de la carte
– численный	– numérique
– крупный	– grande
– мелкий	– petite

² К моменту выхода словаря А.И. Садова и Н.М. Флеровой в СССР уже были изданы французско-русские военные словари А.М. Таубе (в 1931 и 1937 гг.).

Кроме производных словосочетаний в словарных статьях могут приводиться термины, для которых реестровое слово является родовым понятием:

Звание (чин)	grade <i>m</i>
— (ия) (чины) во французской армии:	les grades:
ефрейтор	caporal; brigadier
унтер-офицер	sous-officier

В структуре словарной статьи и в приложениях отсутствует экстралингвистическая информация. В скобках даются пояснения, позволяющие уточнить область применения того или иного термина:

Есть! (ответ на переключке)	Présent; paré! (морск.)
Штанга управления (у прожектора)	queue de casserole <i>f</i>

Речевой компонент представлен в словаре командами, каждая из которых не только образует самостоятельную словарную статью, но и помещена в единственное приложение — «Некоторые команды», в котором приводится перевод основных строевых, артиллерийских и кавалерийских команд:

«Огонь»	«feu» (в словарной статье «огонь»)
Огонь!	Feu! (в приложении)

Таким образом, словарь А.И. Садова и Н.М. Флеровой становится первым русско-иноязычным военным словарём, изданным в СССР. При крайне небольшом объёме словника составителям удалось отразить в словаре базовые военные и артиллерийские понятия, заложить основы построения русско-иноязычных военных словарей.

Первый русско-немецкий военный словарь, тиражом 50 000 экземпляров, появляется в 1944 г. Этот словарь, составленный А.М. Малининым, выходит под редакцией А.М. Таубе и, как отмечает составитель, является «первым опытом в деле создания русско-немецких военных словарей» [Малинин, 1944, с. 3].

Исключительно практическая направленность словаря обуславливает небольшой объём словника (5000 слов), в котором представлены наиболее употребительные военные и военно-технические термины, отобранные из корпуса словаря А.М. Таубе 1942 г.³, о чём сообщается в издательском предисловии.

³ Военный немецко-русский словарь: Около 35 000 слов и около 6000 сокращений, применяемых в воен. лит.-ре. 3-е изд., испр. и доп. / Сост. Ф.Е. Кузнецов, А.М. Таубе; Гл. ред. О.Ю. Шмидт. Ред. Ф.Н. Петров, В.Г. Боговой. М.: ГИС, 1942. 640 с.

Мегаструктура словаря включает словник (корпус) и окружающие тексты: издательское предисловие, правила пользования словарём, список сокращений и одно приложение — «Воинские звания Красной Армии».

Структура словарной статьи включает реестровое слово и его переводной эквивалент, устойчивые и фразеологические сочетания с заглавным словом, в которых оно сокращается до первой буквы с точкой:

коробка Schächtel *f*; Büchse *f*; Kasten *m*; Gehäuse *n*; **к. передач (скоростей)** Scháltgetriebe *n*; **к. противогаса** Filterbüchse *f*; **ствольная к. (винтовки)** Kámmerhülse *f*.

Изменяемая часть реестрового слова отделяется от основы двумя вертикальными линиями (||), вместо повторения основы используется знак тильды (~):

погрузочный Ei'nlade; **~ая команда** Au'fladekommando *n*; **~ая станция** Ei'nlade bahnhof *m*.

Все немецкие слова снабжены ударениями, транскрипция отсутствует. Грамматическая информация вводится с помощью помет, определяющих род имени существительного (*m, f, n*):

темляк (пехотинца) Tróddel *f*; (*кавалериста*) Fáustriemen *m*; **офицерский т.** Porterée *n*.

Пояснения даются курсивом в скобках и могут относиться как к русскому термину (размещаются после заглавного слова), так и к его немецкому эквиваленту (размещаются после перевода). Данные пояснения не содержат экстралингвистическую информацию, но позволяют уточнить значение определяемого ими слова:

ствольная к. (винтовки) Kámmerhülse *f*
проезжий (пригодный для проезда) fáhrbar

Речевой компонент представлен в словаре законченными фразами — командами, каждая из которых образует самостоятельную словарную статью:

к ноге! Gewéhr ab!
шагом! im Schritt!

Экспрессивно окрашенная и устаревшая лексика, а также слова, обозначающие исторические понятия, в словаре отсутствуют, что объясняется его исключительно практической направленностью и малым объёмом словника.

Мы отмечаем значимость работы А.М. Малинина, но при этом помним, что корпус словаря основан не на анализе оригинальных немецких текстов, а на словнике словаря А.М. Таубе. Подобную практику нельзя считать успешной и оправданной, потому что «когда соответственный иностранно-русский словарь выворачивается, так сказать, наизнанку... сложные отношения между иностранными и русскими словами запутываются ещё больше и получаются словари, от пользования которыми ещё больше приходится предостерегать учащихся» [Щерба, 1974, с. 306].

Небольшой объём словника вызывает ряд вопросов о критериях, использовавшихся для отбора столь малого числа терминологических единиц. Для объективного отбора недостаточно проанализировать корпус немецко-русского военного словаря, но необходимо определить «коэффициент употребляемости отдельных значений слов и выражений» [там же, с. 310], что даже в современных условиях является сложной и непосильной для одного человека задачей.

Мы признаём вклад А.И. Садова, Н.М. Флеровой и А.М. Малинина в развитие отечественной лексикографии и отмечаем, что они заложили основы составления русско-иноязычных военных словарей. Использованные ими приёмы нашли своё отражение в переводных словарях конца XX в., так как после выхода описанных нами русско-немецкого и русско-французского военных словарей подобные русско-иноязычные словари в СССР не издавались до конца 1980-х гг.

С момента окончания Второй мировой войны и вплоть до конца 1980-х гг. в стране ведётся работа по созданию общих иноязычно-русских военных словарей.

Созданием французско-русских военных словарей продолжает заниматься А.М. Таубе⁴, а впоследствии В.П. Остапенко и В.А. Поляков⁵. Над немецко-русскими военными словарями ведут работу Л.Ф. Парпаров, Л.С. Азарх и А.П. Артемов⁶. Все иноязычно-русские военные словари характеризуются большим объёмом словника, актуальностью представленной в них военной и военно-технической терминологии.

⁴ Таубе А.М. Французско-русский военный словарь: Около 45 000 слов и словосочетаний. М.: Воениздат, 1960. 824 с.

⁵ Остапенко В.П., Поляков В.А. Французско-русский военный словарь: Около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1976. 880 с.

⁶ Немецко-русский военный словарь / Сост. проф. А.М. Таубе, Л.С. Азарх, А.П. Артемов и др.; Под общ. ред. Л.Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1964. 1224 с.; Немецко-русский военный словарь: Около 70 000 терминов / Сост. Л.Ф. Парпаров, А.П. Артемов, Л.С. Азарх; Под ред. Л.Ф. Парпарова. М.: Воениздат, 1978. 1192 с.

В эти же годы Воениздат выпускает ряд специальных военных словарей — только в приложении ко второму изданию словаря Г.А. Судзиловского перечислены 17 специальных англо-русских военных словарей (по тылу и снабжению, по радиоэлектронике, автобронетанковый, артиллерийский, по авиационной и ракетным базам, военно-инженерный и др.), в создании которых участвуют Г.А. Судзиловский, В.М. Бузинов, Н.И. Дозоров, Д.И. Эльянов, В.В. Борисов и др.

Несмотря на значительные успехи в создании иноязычно-русских военных словарей, первый фундаментальный русско-иноязычный (русско-немецкий) военный словарь выходит только в 1990 г. [Парпаров, 1990], русско-французский — за авторством Н.К. Гарбовского — в 2008 г., а общий русско-английский военный словарь не вышел до сих пор.

В целях настоящего исследования мы рассмотрим мега-, макро- и микроструктуру современных русско-иноязычных военных словарей по основным европейским языкам — английскому, французскому и немецкому.

Для получения более полного и объективного представления о состоянии дел в отечественной военной лексикографии и ввиду отсутствия фундаментального русско-английского военного словаря мы проанализируем мега-, макро- и микроструктуру двух наиболее общих специальных военных словарей: «Русско-английского военно-политического словаря» [Дудник, 1990], вышедшего тиражом 5000 экземпляров, и «Русско-английского военно-технического словаря» [Надысев, Савелов и др., 1975], тираж которого составил 18 500 экземпляров.

Из издательского предисловия к «Русско-английскому военно-техническому словарю» мы узнаём, что его корпус объединяет в себе 35 000 терминов и терминологических сочетаний по стрелковому оружию, артиллерийскому и ракетному вооружению, автобронетанковой технике, оружию массового поражения, военной радиоэлектронике и связи, военно-инженерному делу и другим областям военной науки и техники. Терминология военно-воздушных и военно-морских сил не находит своего отражения в данном словаре.

Раздел предварающих текстов представлен краткой инструкцией о пользовании словарём и списком используемых помет и сокращений. Словник построен по алфавитно-гнездовому принципу. После реестрового слова располагаются глагольные и предложные словосочетания, затем с новой строки в подбор к заглавному слову приводятся составные термины. Синонимические варианты помещены в квадратные скобки, а факультативы — в круглые. Пре-

позитивные определения даются после основного слова или после постпозитивного определения, а сложносокращённые слова образуют самостоятельные словарные гнёзда:

масло oil; **менять** ~ change oil

~, **авиационное** aviation [aero] oil, avoil

~ **без присадки** undoped (regular) oil

~, **для верхней смазки цилиндров** (*вводимое в топливо*) upper lubricating oil

В словарной статье можно встретить пояснения, помогающие лучше понять и более точно использовать отдельные технические понятия и термины, исключить неправильный подбор эквивалента, когда одному слову русского языка соответствует несколько обладающих разной семантикой вариантов перевода:

механизм

~ **переброски** *art.* slewing mechanism

~ **«пике-горка»** (*зенитного прицела*) dive-zoom mechanism

Для экономии места заглавное слово заменяется тильдой. Эмоционально-экспрессивная лексика в словаре не представлена.

Раздел завершающих текстов отсутствует, что можно считать недостатком словаря, так как включение в словарь различных приложений может значительно упростить работу переводчика.

Аналогичная мега-, макро- и микроструктура присуща и «Русско-английскому военно-политическому словарю» Л.В. Дудника. Корпус данного словаря включает 25 000 слов и словосочетаний, относящихся к следующим темам: учения о войне и армии, советское военное строительство, воинское обучение и воспитание, военные доктрины НАТО, идеологическая борьба на современном этапе. Данный словарь является первым военно-политическим словарём и предназначен для переводчиков, пропагандистов, а также слушателей, курсантов и студентов вузов.

В отличие от «Русско-английского военно-технического словаря», в структуре словарной статьи знак «|» отделяет основу заглавного слова от его изменяемой части:

индустри|я industry; **модернизировать** ~ю modernize industry; **развивать** ~ю develop [speed up] industry

~, **военная** military industry

В остальном микроструктура этих словарей идентична.

При составлении военно-политического словаря использовано большее количество помет и сокращений:

политик|а policy; politics

~, «**большой дубинки**» *США* big stick policy

ленд-лиз *ист. (система передачи займы или в аренду военной техники, оружия или боеприпасов)* land-lease

авиация aviation; aircraft; air force

~, **ВМС США** naval air forces

министерство ministry; department

~ **народной обороны** *НРБ* Ministry of the People's Defense

~ **национальной обороны** *ГДР, ПНР, СРР, ЧССР* Ministry of National Defense

Представлены законченные фразы, в основном лозунги:

принцип principle

~ **социализма** «**От каждого — по способности, каждому — по труду**», **основной** Socialism basic principle “From each according to his ability, to each according to his work”.

Многие исторические, политические, культурные и страноведческие реалии даются в кавычках, но при этом не поясняются, что заставляет адресата использовать дополнительные источники информации (словари и энциклопедии):

политик|а policy; politics

~, «**большой дубинки**» *США* big stick policy

~, «**заботливого старшего брата**» (*политика США по отношению к некоторым странам Карибского бассейна*) “big brother policy”

~, **ковбойская** trigger-happy policy

ястреб (*сторонник развязывания войны*) (war) hawk

Первый общий русско-иноязычный военный словарь выходит тиражом 5000 экземпляров в 1990 г. Составителем данного русско-немецкого военного словаря выступает Л.Ф. Парпаров⁷.

В предисловии особо подчёркивается, что данный словарь, корпус которого насчитывает 60 000 слов и словосочетаний, является первым общевоенным русско-иностранным словарём, издаваемым в СССР [Парпаров, 1990].

Мегаструктура словаря Л.Ф. Парпарова представлена разделом предваряющих текстов и словником. Раздел завершающих текстов отсутствует. Микроструктура совпадает с микроструктурой описанных выше русско-английских словарей. Реестровые слова упо-

⁷ Лев Фёдорович Парпаров — фронтовой переводчик и военный лексикограф, профессор, автор свыше 40 научных трудов и монографий, составитель целого ряда немецко-русских и русско-немецких общих и специальных военных словарей.

рядочены по алфавитно-гнездовой системе: заглавное слово; эквивалент на немецком языке, сопровождаемый грамматической информацией; фразеологические и глагольные словосочетания; терминологические словосочетания. Глаголы имеют самостоятельные статьи. В целях экономии места составитель заменяет основу вокабулы тильдой, а второй компонент производного словосочетания — первой буквой с точкой. Терминологические словосочетания, начинающиеся с цифры, даются в конце гнезда. Варианты располагаются в квадратных, факультативы — в круглых скобках.

аппарат Apparat *m*, Gerät *n*, Einrichtung *f*, Vorrichtung *f*; *см. тж. аппарататура; прибор; устройство*

~, **аварийный** Notgerät *n*; Notapparat *m*

~, **а. дыхательный** Tauchretter *m*

~, **космический (летательный)** Raumflugkörper *m*

войска Truppen *f pl*; (*под войск*) Truppe(n) *f (pl)*; *см. тж. подразделение; выводить ~ из-под удара* Truppen einem Schlag entziehen; **обходить ~** die Front der Truppen abschreiten

~, **автобронетанковые** *уст.* Kraftfahrzeug- und Panzertruppen *f pl*

~, **б. и механизированные** *уст.* Panzer- und mechanisierte Truppen

~, **впереди действующие** (weiter) vorn handelnde Truppen

~ **противоядерной, противобиологической, противохимической защиты** ФРГ ABC-Abwehrtruppe *f*

Как видно из приведённых выше примеров, в словаре использованы многочисленные сокращения и пометы (всего 82), которые можно условно разделить на:

— грамматические — для указания рода (*f* — существительное женского рода) и числа (*pl* — множественное число) имени существительного;

— стилистические (*уст.* — устаревший термин, *разг.* — разговорное выражение);

— общие (*см. тж.* — смотри также);

— указывающие на принадлежность понятия к языку определённой страны, использование понятия в вооружённых силах данной страны (*ГДР* — Национальная народная армия ГДР; термин, применяемый в ГДР; *Бр* — вооружённые силы Великобритании);

— указывающие на международные и советские организации и документы (*ВД* — Варшавский договор; *ДОСААФ* — Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту);

— указывающие на рода и виды вооружённых сил (*ВВС* — военно-воздушные силы; *ПВО* — противовоздушная оборона);

– называющие отдельные типы и классы систем вооружения, приборы и устройства (*ЗСУ* — зенитная самоходная установка; *РЛС* — радиолокационная станция).

Таким образом, словарь Л.Ф. Парпарова является первым фундаментальным русско-иноязычным словарём, который предлагает пользователю перевод ключевых военных и военно-технических понятий. Данный словарь имеет хорошо проработанную микроструктуру, предлагает пометы и сокращения, позволяющие пользователю получить минимально необходимую информацию о термине или его эквиваленте. При этом в словаре нет завершающих текстов, фонетического и грамматического очерков, практически не представлена эмоционально-экспрессивная лексика, отсутствуют законченные фразы.

После фундаментального военного словаря Л.Ф. Парпарова общие военные русско-иноязычные словари не издавались. Только в 2001 г. ограниченным тиражом в 1000 экземпляров выходит русско-китайский словарь И.Д. Кленина⁸, составленный на основе новейшей военной литературы на русском и китайском языках.

Фундаментальные военные переводные словари по европейским языкам не выходили на протяжении 20 лет. И только в 2008 г. в результате совместной работы российских и французских военных специалистов издаётся русско-французский словарь военных терминов, корпус которого насчитывает более 40 000 слов и словосочетаний. Автором словаря является Н.К. Гарбовский⁹, в состав редакционной коллегии также входят О.И. Костикова (со стороны России), Р. Гардер и В. Микулинский (со стороны Франции).

Данный словарь стал последним на сегодняшний день общим русско-иноязычным военным словарём, вышедшим в России. В составлении словаря приняли активное участие лексикографы не только России, но и Франции, а разделы предваряющих и завершающих текстов полностью переведены на французский язык, что позволяет утверждать, что данный словарь военных терминов рассчитан не только на русскоязычного адресата и может быть

⁸ Кленин И.Д. Русско-китайский военный и технический словарь. М.: ИД «Муравей», 2001. 656 с. Иван Дмитриевич Кленин — фронтовой офицер, выдающийся лексикограф, профессор Военного университета, единоличный автор ряда китайско-русских и русско-китайских словарей, учебников и учебных пособий по военному переводу с китайского языка, признанный специалист по китайской терминологии и лексикологии.

⁹ Николай Константинович Гарбовский — выпускник Военного института иностранных языков (1970 г.), директор Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова, автор более 150 научных работ, двуязычных словарей и учебников по теории и практике перевода, создатель и идейный вдохновитель научной школы в области языкознания и перевода.

успешно использован в работе военными специалистами франкоязычных стран.

В издательском предисловии подчёркивается, что «необходимым условием для обмена знаниями и опытом является обеспечение двуязычной коммуникации», большую роль в которой «играют отраслевые переводные словари» [Гарбовский, 2008, с. 8].

При работе над словарём составители используют принципы двуязычной лексикографии, сформулированные автором «Большого русско-французского словаря» Л.В. Щербой:

– перевод должен быть не объяснением, а реальным переводом, когда конкретная иноязычная фраза становится переводом конкретной русской фразы;

– необходимо отбрасывать все образные переводы, так как мы должны использовать фразы неродного языка ясно и к месту;

– необходимо отметить все неточные и приблизительные переводы и быть очень осторожными в использовании синонимов;

– если нет точного перевода, необходимо кроме приблизительного эквивалента давать конкретные объяснения (комментарии);

– особое внимание необходимо уделять управлению слов и точному переводу этого управления [Щерба, 1974, с. 309–310].

«Русско-французский словарь военных терминов» стремится не просто предложить дословный перевод того или иного военного понятия русского языка, но найти его наиболее точный эквивалент в системе военных терминов французского языка. При этом многим реестровым словам соответствуют сразу несколько вариантов перевода с уточнением сферы:

передача *a* transfert *m*, acheminement *m*; remise *f*; *св.* transmission *f*, émission *f*, communication *f*, diffusion *f*.

И только когда в системе военных понятий французского языка отсутствует соответствие русскому термину, составители предлагают дословный перевод, как в случае с воинскими званиями:

прапорщик *raportschik*

~, **старший** *raportschik major*

Использованные составителями условные сокращения разделены на две части (на русском и французском языках), каждая из которых начинается с аббревиатур и продолжается общими сокращениями и пометами. Сокращения на французском языке дополнены переводом на русский язык (например: *S-M* — *sous-marin* — подводная лодка).

Кроме помет, использованных в рассмотренных нами ранее русско-иноязычных военных словарях и указывающих на принад-

лежность термина или его эквивалента к определённому роду или виду войск, стране, международной организации, классу вооружений, в словаре Н.К. Гарбовского мы находим большое количество помет, вводящих грамматическую информацию, например:

- mn.* — множественное число;
- inv* — *invariable* — неизменяемая форма;
- vi* — *verbe intransitif* — непереходный глагол;
- pl* — *pluriel* — множественное число;
- n* — *nom* — имя существительное.

Соглашаясь с мнением Л.В. Щербы о том, что «иностранец, чтобы не быть смешным, должен выражаться самым простым, обыкновенным языком» и что необходимо отбрасывать все «челесчур французские» и образные переводы (а тем более арготические), Н.К. Гарбовский «за редким исключением» [Гарбовский, 2008, с. 12] берёт за основу нейтральные терминологические единицы, но при этом вводит в словарь эмоционально окрашенную лексику:

всер... 2. (*вид стрельбы из автоматического оружия*) разг. «*quart t de brie*»

В словаре использованы пометы, характеризующие семантику слова в различных отношениях:

- жарг.* — военный жаргон;
- ист.* — историзм;
- перен.* — переносное значение;
- разг.* — разговорный термин;
- fam* — *familier* — разговорное слово или выражение;
- idiom* — идиоматическое выражение;
- péj* — *péjoratif* — отрицательное оценочное значение.

Кроме того, в словаре представлены законченные фразы, в основном команды:

«**Кругом!**» (*команда*) «*Demi-tour, droite!*» (*commandement*)

Корпус словаря включает в себя более 40 000 терминов, а каждый из разделов словника начинается с обозначения, принятого в качестве условного сигнала в Военно-морском флоте России:

«**A**» мор. *épelé comme «a» signal lumineux, au fanion ou par sémaphore de la Marine de guerre russe signifiant la négation: «Non, je ne suis pas d'accord, je n'en ai pas, je ne le permets pas, je n'en ai pas besoin».*

Структура словарной статьи подробно описывается на русском и французском языках в разделе «О пользовании словарём». Все термины в словаре упорядочены по алфавитно-гнездовому принципу, в словарном гнезде после заглавного слова в строго алфавитном порядке следуют предложные и глагольные словосочетания, а затем терминологические словосочетания, состоящие из ключевого и определяемых слов:

высот|а III. *топогр.* hauteur *f*, tertre *m*, butte *f* (de terre), élévation *f* de terrain, éminence *f* de terre
захватить ~у s'emparer d'une hauteur
на ~е sur la hauteur
удерживать ~у tenir une hauteur
~, **господствующая** point *m* dominant, hauteur dominante

Реестровые слова напечатаны более крупным шрифтом и в составе словосочетаний заменяются тильдой (~), основа заглавного слова отделяется от его изменяемой части знаком «|», а изменяемая часть отражается в терминологических словосочетаниях:

высот|а III. *топогр.* hauteur
на ~е sur la hauteur

Факультативы даются в круглых, а варианты — в квадратных скобках; факультативы и варианты набраны прямым шрифтом, пояснения — курсивом:

обходить ~у déborder une élévation (du terrain)
терять ~у perdre la hauteur [un point haut]

Составители последовательно решают проблему многозначности слова. Каждое из его значений отделяется точкой с запятой, а очень удалённые значения дополнительно сопровождаются арабскими цифрами с точкой:

перегрузка 1. Surchauffe *f*; charge *f* ex excès; *ав.* accélération *f*, facteur *m* de charge, **G. 2.** transbordement *m*

Омонимы даются в разных гнездах и обозначаются римскими цифрами:

планирование I. planification *f*; élaboration *f* des plans; établissement *m* des plans

планирование II. *ав.* vol *m* plane, plane *m*, descente *m* planée

Когда русскому именному словосочетанию во французском языке соответствует только глагольное словосочетание, составители

используют приём переводческой транспозиции (перестановки), помечая данное словосочетание знаком «⁰»:

введение в заблуждение ⁰ induire en erreur

Как видно из приведённых выше многочисленных примеров, в словарном гнезде кроме заглавного слова и его эквивалентов присутствует грамматическая информация. Таким образом, словарь Н.К. Гарбовского предлагает адресату минимально необходимую грамматическую информацию для правильного использования слова в речи, что делает данный словарь независимым от общего русско-французского словаря.

Раздел заключающих текстов представлен содержанием и двумя приложениями — сопоставительными таблицами воинских званий в сухопутных войсках и военно-морском флоте Франции и России.

Рассмотрев русско-иноязычные военные словари, мы можем выявить следующие общие закономерности развития отечественной военной лексикографии:

– словари отражают изменения в организационно-штатной структуре, тактике и стратегии ведения боя, средствах вооружённой борьбы, военном деле в целом, но недостаточное их количество и периодичность издания делают собранную в них терминологию не вполне актуальной;

– при работе над словарями составители используют приём гнездования и приём замены заглавного слова знаком «~», что позволяет сократить общий объём словаря и увеличить количество представленных в нём терминов;

– сохранение грамматического компонента в структуре словарной статьи делает адресата менее зависимым от общих русско-иноязычных и иноязычно-русских словарей;

– несобственно-лексикографическая информация в военных переводных словарях практически не представлена и не систематизирована;

– лексикографы постоянно ищут способы совершенствования приёмов работы со словарём, оптимизации его мега-, макро- и микроструктуры.

Таким образом, микро-, макро- и мегаструктура военного переводного словаря развивалась на протяжении всего XX в., неизменным оставался алфавитно-гнездовой принцип построения словаря. «Русско-французский словарь военных терминов» Н.К. Гарбовского на сегодняшний день является самым совершенным русско-иноязычным общим военным словарём, выпущенным в России. В нём находят своё место все наработки военных лексикографов XX в.: последовательно решаются проблемы структурирования

словника, перевода безэквивалентной лексики, омонимии, семантизации и филиации, нормативные терминологические единицы вводятся наравне с эмоционально окрашенной лексикой, содержатся необходимые пометы и пояснения.

К основным задачам, стоящим сегодня перед военными лексикографами, следует отнести дальнейшее совершенствование мега-, макро- и микроструктуры военного переводного русско-иноязычного словаря с точки зрения включения в него несобственно-лексикографической информации, более активного введения эмоционально окрашенной лексики, разработки необходимых в практической работе приложений для раздела завершающих текстов.

Кроме того, «лексикографы [всегда] оказываются в ситуации, когда объективных критериев нет, а субъективное ощущение употребительности во многих случаях даёт ненадёжные результаты» [Берков, 2004, с. 45]. Для повышения объективности и эффективности отбора лексики, отслеживания её постоянных изменений необходимо создавать собственные научные школы по отраслевой лексикографии, развивать практику сотрудничества учёных и военных специалистов различных стран, основы которой заложены при создании «Русско-французского словаря военных терминов». Это позволит создавать переводные словари по основным европейским и азиатским языкам, а впоследствии их регулярно дополнять, ведь «изменения состава военной лексики, особенно её непрерывное пополнение, выпадение из неё ряда слов, изменение значений, тесно связаны с непрерывным развитием общих условий деятельности вооружённых сил» [Судзиловский, 1968, с. 1019].

Список литературы

- Берков В.П.* Двужычная лексикографія: Учебнік. М.: Астрель [і др.], 2004. 236 с.
- Berkov, Valeriy.* Dvujazychnaja leksikografija: Uchebnik. M.: Astrel' [i dr.], 2004. 236 p.
- Гарбовский Н.К.* Русско-французский словарь военных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 960 с.
- Garbovskij, Nikolay.* Russko-francuzskij slovar' voennyh terminov. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. 960 p.
- Дудник Л.В.* Русско-английский военно-политический словарь: Около 25 000 слов. М.: Воениздат, 1990. 382 с.
- Dudnik, Leonid.* Russko-anglijskij voenno-politicheskij slovar': Okolo 25 000 slov. M.: Voenizdat, 1990. 382 p.
- Малинин А.М.* Военный русско-немецкий словарь: Около 5000 слов. М.: Полиграфкнига, 1944. 176 с.
- Malinin, Aleksandr.* Voennyj russko-nemeckij slovar': Okolo 5000 slov. M.: Poligrafkniga, 1944. 176 p.

- Надысев М.А., Савелов В.П.* и др. Русско-английский военно-технический словарь. М.: Воениздат, 1975. 623 с.
- Nadysev, Mikhail, Savelov, Valeri* i dr. Russko-anglijskij voenno-tehnicheskij slovar'. М.: Voenizdat, 1975. 623 p.
- Парпаров Л.Ф.* Русско-немецкий военный словарь: Около 60 000 терминов. М.: Воениздат, 1990. 1040 с.
- Parparov, Lev.* Russko-nemeckij voennyj slovar': Okolo 60 000 terminov. М.: Voenizdat, 1990. 1040 p.
- Садов А.И., Флерова Н.М.* Русско-французский военный словарь. М.: Искра революции, 1940. 144 с.
- Sadov, Aleksandr, Flerova, N.M.* Russko-francuzskij voennyj slovar'. М.: Iskra revoljucii, 1940. 144 p.
- Судзиловский Г.А.* Англо-русский военный словарь: Около 50 000 терминов. М.: Воениздат, 1968. 1064 с.
- Sudzilovskiy, Georgiy.* Anglo-russkij voennyj slovar': Okolo 50 000 terminov. М.: Voenizdat, 1968. 1064 p.
- Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. 428 с.
- Shherba, Lev.* Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. М.: Nauka, 1974. 428 p.

Kim Ire,

аспирант Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени
М.В. Ломоносова; e-mail: moscow_yiry@naver.com

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ И РУССКОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Семантическая деривация является частотным способом пополнения терминологии — как строительной, так и любой другой. Это заимствование внутренней формы слова, в котором действуют структурные законы и нормы языка. Проведённое нами исследование позволяет сделать вывод, что в первую очередь калькируются термины семантически мотивированные и легко поддающиеся смысловому распознаванию. Выделяются собственно кальки — термины, все компоненты которых участвуют в раскрытии смысла или содержания иностранного термина, и полукальки — термины, в которых лишь часть компонентов раскрывает содержание термина, а другие компоненты указывают на звуковое сходство с иноязычным термином. Семантическое заимствование зачастую рассматривается как часть процесса заимствования, а с другой стороны, одновременно с этим, как отдельный объект языкового изучения в противовес заимствованию. Эти различные по форме способы принятия иноязычных терминологических элементов объединяет общая цель — обогащение словарного состава общелитературного и профессионального языка. Продуктивность калькирования объясняется тем, что этот способ эффективно ассимилирует иноязычные лексемы к системе заимствующего языка.

Ключевые слова: семантическое заимствование, семантическая деривация, калькирование в терминологии, полукальки в терминологии, метафорический перенос в терминологии.

Kim Yire,

Cand. Sc. (Philology) at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: moscow_yiry@naver.com

SEMANTICALLY DERIVED WORDS IN SOUTH KOREAN AND RUSSIAN CONSTRUCTION TERMINOLOGY

Semantic derivation is a frequent way of any terminology (including construction one) replenishment. It is the process of loaning the internal form of a word in compliance with the structural and morphological norms and standards of the receiving language. The results of our research lead us to a conclusion that semantically motivated terms are more easily adapted by other languages. According to the traditional linguistic classification, there are two types of loan words: calques and semi-calques. In the first case, all semantic and structural elements of a loan term reveal the meaning of the original foreign term; in the case of semi-calques, one component is adapted phonetically while the other one is adapted by means of translation and semantic derivation (adaptation).

Key words: semantic derivation in terminology, semantic adaptation in construction terminology, translating loan terms, semi-calques in Korean construction terminology, metaphoric semantic derivation in Korean construction terminology.

Основными путями пополнения терминологии считаются переход общелитературных слов в разряд терминологии, фонетическое заимствование иноязычных слов и семантическое заимствование или освоение терминов. Лингвистический интерес к семантическому заимствованию возник сравнительно недавно, о чём свидетельствует тот факт, что термин «калька» появился в России век назад. Кальками называются «слова и выражения, образованные механически, по образцу выражений, взятых из иностранного языка» [Суперанская, 1989, с. 214]. В корейской лингвистической литературе это явление называется 어의 차용어 [оый чхаёнъо], что примерно соответствует термину «переводное/семантическое заимствование».

Изучению калек или так называемых семантических заимствований в российском языкознании посвящено немало работ, этим вопросом занимались А.А. Реформатский, Д.С. Лотте, Н.М. Шанский, К.А. Левковская и др.

По нашим предположениям, первые кальки строительных терминов из западных языков в корейском языке стали появляться в XX в., когда Корея стала вести строительство по западному образцу; возможно, некоторые кальки из английского языка проходили сначала адаптацию в японском языке и затем заимствовались корейским. В русском же языке, скорее всего, процесс калькирования строительных терминов начался раньше, ещё в XVIII–XIX вв., когда строительная терминология, находясь под влиянием западноевропейских архитектурных и строительных тенденций, принимала в свой язык новые слова. Наиболее вероятно, что процесс калькирования в строительной терминологии активизировался именно к XIX в., когда в русском языке стали появляться не только фонетически адаптированные, но и так называемые переводные термины.

Калькирование — это заимствование внутренней формы слова, которое не происходит автоматически, в нём действуют структурные законы и нормы языка. Проведённое нами исследование позволяет заключить, что в первую очередь калькируются термины семантически мотивированные и легко поддающиеся смысловому распознаванию. Семантические заимствования можно подразделить на два типа: собственно кальки — термины, все компоненты которых участвуют в раскрытии смысла или содержания иностранного термина, и полукальки — термины, в которых лишь часть компонентов раскрывает содержание иноязычного термина, а другие компоненты отражают его звуковые особенности.

Семантическое заимствование зачастую рассматривается как часть процесса заимствования, а с другой стороны, одновременно с этим, как отдельный объект языкового изучения в противовес заимствованию. Эти различные по форме способы принятия ино-

язычных терминологических элементов объединяет общая цель — обогащение словарного состава общелитературного и профессионального языка. Продуктивность калькирования объясняется тем, что этот способ эффективно ассимилирует иноязычные лексемы к системе заимствующего языка.

«Некоторые лингвисты объединяют калькирование и перевод в один класс, так как результатом этих процессов является передача внутренней формы иностранного слова. Однако калька, в отличие от перевода, представляет собой эквивалент с заданной неизменной внутренней формой. Калькирование как терминотворческий приём представляет собой пересечение и взаимодействие трёх основных приёмов: терминологизации, терминообразования и терминозаимствования» [Похолкова, 2007, с. 65].

В настоящей работе мы приведём примеры калькирования внутренней формы лексемы, будь то слово или словосочетание, то есть примеры калькирования, которое сводится к имитации иноязычной модели и наполнению её морфемами/лексемами своего языка (в результате чего под влиянием иноязычных терминов копируются словообразовательные средства языка-источника — в той мере, в которой это возможно, с учётом разнотерминости языков, — а также уточняется значение слова, иногда происходит семантический сдвиг, который приводит к частичному смещению, сужению или расширению изначального значения слова). По нижеприведённым примерам видно, что многие узкоспециальные термины, образованные недавно в строительной терминологии, перешли как в русский, так и в корейский язык в виде семантических заимствований.

Рассмотрим ряд примеров семантических заимствований (калек, в том числе метафорических калек) и полукалек из английского языка в корейском и русском языках.

Кальки в русском языке: contact stress — контактное напряжение, spot welding — точечная сварка, cutting edge — режущая кромка, low-frequency vibration — низкочастотное вибрирование, self-hardening steel — самозакаливающаяся сталь, moving load — подвижная нагрузка, redistribution — перераспределение, stress redistribution — перераспределение напряжений, stress history — история нагружения, setting accelerator — ускоритель схватывания, glass fiber — стекловолокно, angular distance — угловое расстояние, pipe column — трубчатая колонна, combined water — связанная вода, rigid connection — жёсткое соединение, measuring cylinder — измерительный цилиндр, hard steel wire — прочная стальная проволока, light metal — лёгкий металл, refraction wave — преломлённая волна, high

strength bolt — высокопрочный болт, surface active agent — поверхностно-активное вещество, contact stress — контактное напряжение.

В корейском языке: flow test — 유동성시험 [юдонъсонъ сихом] (испытание бетонной смеси на распływ), contact stress — 접촉응력 [чопчхок ынънък] (контактное напряжение), spot welding — 점용접 [чомёнъджоп] (точечная сварка), cutting edge — 절단연 [чольтанён] (режущая кромка), low frequency vibration — 저주파진동 [чоджупха чиндонъ] (низкочастотное вибрирование), recycle — 재활용 [чэвхальёнъ] (повторное использование [материалов]), self-hardening steel — 자경강 [чагёнъсонъджанъ] (самозакаливающаяся сталь), moving load — 이동하중 [идонъ хаджун] (подвижная нагрузка), stress redistribution — 응력재배분 [ынънък чэбэбун] (перераспределение напряжений), setting accelerator — 응결촉진제 [ынъгёлъ чхокчинджэ] (ускоритель схватывания), glass fiber — 유리섬유 [юри сою] (стекловолокно), angular distance — 각거리 [каккори] (угловое расстояние), pipe column — 강관기둥 [канъгван кидунъ] (трубчатая колонна), steel fiber — 강섬유 [канъсомю] (стальная фибра), rigid connection — 강접합 [канъджопхап] (жёсткое соединение; в русском языке полная лексическая калька, в корейском языке лексемы заменены морфемами и получился сложносоставной термин), hard steel wire — 경강선 [кёнъганъсон] (прочная стальная проволока), light metal — 경금속 [кёнъгымсок] (лёгкий металл), lightweight concrete — 경량콘크리트 [кёнънянь кхонкхыритхы] (лёгкий бетон), refraction wave — 굴절파 [кульджольпха] (преломлённая волна), surface active agent — 계면활성제 [кемён хвальсонъджэ] (поверхностно-активное вещество).

По отношению к своему объекту и способу осуществления **полукальки** — это комбинация заимствования и калькирования, однако не любая, а строго определённая: «заимствование одной и перевод другой деривационно-мотивирующей единицы» [Ефремов, 1974, с. 123]. Номинативные единицы, образованные как полукальки, представляют собой слово, один из компонентов которого претерпевает фонетическую адаптацию, а другой калькируется. В полукалькировании ярко проявляются словообразовательные возможности языка.

Приведём примеры полукалек из английского в корейский и русский языки: spot welding — 스폿용접 — точечная сварка (в русском языке полная калька, в корейском — полукалька), jacking force — 재킹력 — контролируемое усилие натяжения преднапрягаемой арматуры, hydraulic jack — 유압잭 — гидравлический домкрат (полукалька и для русского, и для корейского языка), self-compacting concrete — 자기충전콘크리트 — разжиженная самоуплотняющаяся бетонная смесь (полукалька для корейского языка и собственный

термин для русского языка), galvanic corrosion — 갈바니부식 — контактная коррозия (полукалька как в русском, так и в корейском языке, однако калькированию подверглись разные элементы термина), gas pressure welding — 개스압접 — газопрессовая сварка (полукалька и в русском, и в корейском языке, однако морфологического калькирования в русском языке не произошло), steel fiber — 강섬유 — стальная фибра (в корейском языке образована полная калька, а в русском — полукалька), measuring cylinder — 계량실린더 — измерительный цилиндр, groove weld — 그루브용접 — шов с разделкой кромок (в корейском языке полукалька, а в русском языке собственный термин), high strength bolt — 고력볼트 — высокопрочный болт.

Метафорические кальки копируют (стёртое) метафорическое значение в термине из одного языка в другой (по сути, являются разновидностью семантической деривации). Это связано с природой человеческого мышления — способностью обобщать с помощью языка внеязыковую действительность. Например: curtain wall — 장막벽 [чанъмакпёк] — навесная стена (корейский язык семантически заимствовал термин с использованием лексемы «curtain» — 장막 [чанъмак] «занавес», в русском языке использовано однокоренное слово «навесная»), diaphragm wall — противофильтрационная **диафрагма** (в русском языке частичное семантическое заимствование), footing beam — затяжка стропильной фермы (на уровне концов стропильных ног), stressed skin — 응력외피 [ынъньёк вепхи] — работающая обшивка (семантическое заимствование в корейском языке слова «skin»), inside face — 내면 [нэмён] — внутренняя поверхность (семантическое заимствование в корейском языке слова «face», которое реализовано в виде морфемы 면 [мён]), mortar bed — растворная **постель**, pile head — 말뚝머리 [мальтук мори] — оголовок сваи (и в корейском, и частично в русском языке произошёл семантический перенос слова «head»), pile cap — 말뚝모 — свайный **наголовник** (и в корейском, и частично в русском языке произошёл семантический перенос слова «cap»), pile shoe — свайный **башмак**, shear head — 전단머리 [чондан мори] — стригальная **головка**, flat head rivet — 납작머리리벳 — заклёпка с конусной **головкой**, water head — 수두 — водоприёмник, rigid body — 강체 [канъчхэ] — твёрдое **тело**, steel core — 강채심부 [канъджэ симбу] — стальной **сердечник**, core — 핵심 [хэксим] — сердцевина, **сердечник**; female screw — 암나사 [амнаса] — гайка, skeleton — 뼈대 [ппёдэ] — каркас, остов, **скелет**; sleeve — 1) надвижная **муфта**, 2) втулка, гильза, 3) **стакан** (для пропуска трубопровода через ограждение), 4) **манжета**; king post truss — 왕대공트러스 [вань тэгонъ тхыросытхы] — висячие стропила с одной подвеской, throat — 목두께 [моктуке] — 1) узкий

проход, 2) капельник, 3) сужение в основании дымохода, 4) расчётный размер, 5) сопло, 6) толщина сварного шва.

Из вышеприведённых примеров мы видим, что во всех трёх языках в процессе появления новых терминов сознательно или спонтанно присутствовал принцип антропоцентричности (т.е. использование лексем, которые описывают части тела или образ жизни, быт человека) или анимизма — уподобления неодушевлённого предмета живому существу. Приведём примеры:

а) в английском языке: head, foot(ing), face, diaphragm, ribbed, skin, bed, knee, shell, body, female, male, sleeve, throat, bleeding;

б) в русском языке: проушина, серьга, решето, гребень, лепёшка, гусеница, стакан, скорлупа, скелет, поясок, манжета, муфта, головка, наголовник, оголовок, башмак, постель, диафрагма, [цементное] молоко, ребро (поперечное ~, ~ балки, ~ плиты, ~ охвата), тело, сердечник, баба (движущаяся или падающая часть гравитационного молота), бабка (вертикально расположенный брус), быки (наклонные массивные брёвна, стропильные ноги в деревянной конструкции), конёк (верхний стык двух скатов кровли), лапа (способ соединения брёвен на углах, при котором концы брёвен не выходят за пределы стены), стопа (полностью собранный сруб);

в) в корейском языке: 귀잡이 [квичаби] «угловая связь» (где элемент «кви-» дословно означает «ухо»; сходство по форме), 머리/-두 [мори/-ту] (исконный и иероглифический элементы, обозначающие «голова, верхушка»), -면 [-мён] «лицо, поверхность», 외피 [вепхи] «кожа, покрытие», 장막 [чанъмак] «занавес», -심 [-сим] «сердце, центр», (췌)눈 [чульнун] «шов» (дословно «глаз шва, сварки»); 암-/수- [ам-/су-] «самка/самец» — в таких терминах, как 암콘 [амхон] «полый конус» (дословно «женский»), 암기와/сут기와 [амкива/суткива] «черепица» (нижняя/верхняя; дословно «женская/мужская»), 암나사 [амнаса] «гайка»; 까치발 [ккачхипаль] «коносоль» (дословно «лапы сороки»), 뽕죽아치 [ппёчок ачхи] «стрельчатая арка» (дословно «арка в виде женского каблука»), 띠근 [тикин] «хомут» (дословно «пояс, верёвка»), 목두께 [моктуке] «узкий проход».

Семантическая деривация или освоение слов общелитературного языка с использованием метафор также является одним из способов пополнения терминологии. Если сравнение указывает на подобие объекта, независимо от того, является оно временным или кажущимся, то метафора не может указывать на эпизодическое подобие, поскольку она выражает устойчивое подобие, а при ослаблении образности — постоянный признак. Стёртые метафоры в терминологии практически не используются для обозначения случайного подобия; именно этой особенностью объясняется

наличие метафор, ставших терминами. Чаще всего метафоры в терминологии корейского языка образуются с помощью сино-корейской лексики, которая по своей природе уже обладает некоторой абстрактностью и метафоричностью. Образность метафоры в терминологии утрачивается, так как основными качествами термина являются его нейтральность и отсутствие другого названия у объекта, подлежащего обозначению термином.

Дж. Лакофф и М. Джонсон, основоположники когнитивного подхода в изучении метафор, считают, что научная/отраслевая метафора превращается в термин в результате частого использования, став достоянием целого сообщества специалистов, употребляющих её для обозначения конкретных понятий, что способствует формированию терминосистем [Лакофф, Джонсон, 2004].

Самая высокая дериватогенная способность в терминологии свойственна в большей мере существительным (а также иногда прилагательным и глаголам), для которых характерны следующие модели метафорического переноса:

а) перенос, основанный на **сходстве функций**, например: скорлупа (РЯ), скелет (РЯ), поясок (РЯ), головка (наголовник, оголовок) (РЯ), башмак (РЯ), curtain wall — 장막벽 [чанъмакпёк] «навесная стена» (АЯ, КЯ), diaphragm wall — противофильтрационная диафрагма (АЯ, РЯ), footing beam — стропильные ноги (АЯ, РЯ), inside face — 내면 [нэмён] «внутренняя поверхность» (АЯ, КЯ), pile cap — 말뚝모 «свайный наголовник» (АЯ, КЯ, РЯ), water head — 수두 «водоприёмник» (АЯ, КЯ), steel core — 강채심부 [канъджэ симбу] «стальной сердечник» (АЯ, КЯ, РЯ), core — 핵심 [хэксим] «сердцевина; сердечник» (АЯ, КЯ, РЯ), skeleton — 뼈대 [ппёдэ] «1) каркас, 2) остов, 3) скелет» (АЯ, КЯ, РЯ), 띠근 [ттикын] «хомут» (КЯ, РЯ), bleeding — 블리딩 [быллидинъ] «1) водоотделение, 2) выступление цементного молока на поверхности бетона» (АЯ);

б) перенос, основанный на **сходстве внешнего вида, размеров, величины** предметов, например: проушина (РЯ), серьга (РЯ), решето (РЯ), гребень (РЯ), лепёшка (РЯ), гусеница (РЯ), стакан (РЯ), манжета (РЯ), муфта (РЯ), [цементное] молоко (РЯ), ребро (РЯ), быки (РЯ), конёк (РЯ), лапа (РЯ), стопа (РЯ), mortar bed — растворная постель, pile head — 말뚝머리 [мальтук мори] «оголовок свай», shear head — 전단머리 [чондан мори] «стригальная головка», pile shoe — свайный башмак, sleeve — 1) подвижная муфта, 2) втулка, гильза; стакан, манжета, 귀잡이 [квичаби] «угловая связь» (КЯ);

в) перенос, основанный на **сходстве принципа внутреннего устройства**, количества составляющих элементов: stressed skin — 응력외피 [ынъньёк вепхи] «работающая обшивка» (АЯ, КЯ), female screw —

암나사 [амнаса] «гайка» (АЯ, КЯ), 암콘 [амкхон] «полый конус» (КЯ), 암기와/숫기와 [амкива/суткива] «черепица» (КЯ).

Вышеобозначенные примеры свидетельствуют о том, что семантическая деривация является частотным способом пополнения терминологии — как строительной, так и любой другой. Это заимствование внутренней формы слова, в котором действуют структурные законы и нормы языка. Проведённое исследование приводит нас к выводу, что в первую очередь калькируются термины семантически мотивированные и легко поддающиеся смысловому распознаванию. Выделяются собственно кальки — термины, все компоненты которых участвуют в раскрытии смысла или содержания иностранного термина, и полукальки — термины, в которых лишь часть компонентов раскрывает содержание термина, а другие компоненты указывают на звуковое подобие с иноязычным термином. Семантическое заимствование зачастую рассматривается как часть процесса заимствования, а с другой стороны, одновременно с этим, как отдельный объект языкового изучения в противовес заимствованию. Эти различные по форме способы принятия иноязычных терминоэлементов служат единой цели — обогащению словарного состава общелитературного и профессионального языка. Продуктивность калькирования объясняется тем, что этот способ эффективно ассимилирует иноязычные лексемы к системе заимствующего языка.

Список литературы

- Ефремов Е.П.* Основы теории лексического калькирования. Алматы, 1974. 191 с.
- Efremov, E.P.* Osnovy teorii leksicheskogo kal'kirovaniya [Basic theory of lexical word loaning]. Almaty, 1974. 191 p. (in Russian).
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живём. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Lakoff, Dzh., Dzhonson, M.* Metafory, kotorymi my zhivjom [Metaphors we live by]. M.: Editorial URSS, 2004. 256 p. (in Russian).
- Левковская К.А.* Теория слова, принципы её построения и аспекты изучения лексического материала. М.: КомКнига, 2005. 296 с.
- Levkovskaja, K.A.* Teorija slova, principy ejo postroenija i aspekty izuchenija leksicheskogo materiala [Word theory, principles of its formation and aspects of vocabulary research]. M.: KomKniga, 2005. 296 p. (in Russian).
- Лотте Д.С.* Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 158 с.
- Lotte, D.S.* Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskoy terminologii [The basis of scientific terminology formation]. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1961. 158 p. (in Russian).

- Лотте Д.С.* Образование системы научно-технических терминов. М.: Мир, 2001. 741 с.
- Lotte, D.S.* Obrazovanie sistemy nauchno-tehnicheskikh terminov [Formation of scientific terminology system]. М.: Mir, 2001. 741 p. (in Russian).
- Похолкова Е.А.* Современная экономическая терминология в Республике Корея (лингвистический анализ): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 230 с.
- Pokholkova, E.A.* Sovremennaja jekonomicheskaja terminologija v respublike Koreja (lingvisticheskij analiz): Dis. ... kand. filol. nauk [Modern economic terminology in the Republic of Korea (linguistic analysis): Dissertation]. М., 2007. 230 p. (in Russian).
- Похолкова Е.А.* Заимствование как способ пополнения экономической терминологии корейского языка // Филологические науки в МГИМО: Сб. науч. трудов. № 24 (39). М.: МГИМО (У) МИД России, 2006. С. 95–111.
- Pokholkova, E.A.* Zaimstvovanie kak sposob popolnenija jekonomicheskoy terminologii korejskogo jazyka [Word loaning as a method of terminology formation in Korean language] // Filologicheskie nauki v MGIMO: Sb. nauch. trudov. № 24 (39). М.: MGIMO (U) MID Rossii, 2006. P. 95–111 (in Russian).
- Похолкова Е.А.* Южнокорейская экономическая лексика в свете отечественных лингвистических подходов // Корея: взгляд из России: Доклады XI науч. конф. корееведов. М.: ИДВ РАН, 2007. С. 307–316.
- Pokholkova, E.A.* Juzhnokorejskaja jekonomicheskaja leksika v svete otechestvennyh lingvisticheskikh podhodov [South Korean economic terminology in Russian scientific approach] // Koreja: vzgljad iz Rossii: Doklady XI nauch. konf. koreevedov. М.: IDV RAN, 2007. P. 307–316 (in Russian).
- Похолкова Е.А., Ким Ире.* 60 лет вместе или врозь? Внутриязыковые лакуны и контрасты корейского языка // Вестник российского корееведения. М., 2010. № 2. С. 79–95.
- Pokholkova, E.A., Kim, Ire.* 60 let vmeste ili vroz'? Vnutrijazykovye lakuny i kontrasty korejskogo jazyka [60 years together or apart? Inter-language lacunas and lexical contrasts of Korean language] // Vestnik rossijskogo koreevedenija. М., 2010. № 2. P. 79–95 (in Russian).
- Реформатский А.А.* Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М.: Наука, 1986. С. 163–198.
- Reformatskij, A.A.* Mysli o terminologii [Some thoughts on terminology] // Sovremennye problemy russkoj terminologii. М.: Nauka, 1986. P. 163–198 (in Russian).
- Реформатский А.А.* Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. М., 1961. С. 46–55.
- Reformatskij, A.A.* Chto takoe termin i terminologija [What is terminology] // Voprosy terminologii. М., 1961. P. 46–55 (in Russian).
- Реформатский А.А.* Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1968. С. 103–125.

- Reformatskij, A.A.* Termin kak chlen leksicheskoy sistemy jazyka [Term as the unit of the lexical system of the language] // Problemy strukturnoj lingvistiki. M.: Nauka, 1968. P. 103–125 (in Russian).
- Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В.* Общая терминология: Вопросы теории. М.: Наука, 1989. 246 с.
- Superanskaja, A.V., Podol'skaja, N.V., Vasil'eva, N.V.* Obshhaja terminologija: Voprosy teorii [General terminology: Theory]. M.: Nauka, 1989. 246 p. (in Russian).
- Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М.: Просвещение, 1972. 368 с.
- Shanskij, N.M.* Leksikologija sovremennogo russkogo jazyka [Lexicology of modern Russian language]. M.: Prosveshhenie, 1972. 368 p. (in Russian).
- Ярцева В.Н.* Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
- Jarceva, V.N.* Jazykoznanie: Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' [Linguistics: Encyclopedia]. M.: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 2000. 688 p. (in Russian).
- Новый русско-корейский словарь: 170 тыс. слов / Сост. Ким Чун Сик, А. Кан. Сеул: Мунелим, 2009.
- 사전에 없는 말. 신조어. 2007 [Саджонэ омнын маль. Синджоо]. (Неологизмы корейского языка, не внесённые в словари. Сеул: Нац. ин-т кор. яз.).
- 한국어 어휘 연구의 새로운 모색. 박동근. 2008 [Хангуго охви ёнгуэ сэроун мосэк]. (*Пак Тонгын*. Новый взгляд на изучение лексики корейского языка. Сеул: Сотхон).
- 우리 말 어휘소 되기. 김철남. 1997 [Урималь охвисо твеги]. (*Ким Чхольнам*. Лексика корейского языка. Сеул: Хангукмунхакса).
- 이기문, 심재기, 이정민, 소흥렬. 한국어의 발전 방향. 서울. 미음사. 1999 [Хангугоый пальчон панхян]. (*И Гимун, Сим Чжэги, И Чонмин, Со Хыннёнль*. Пути развития корейского языка. Сеул: Миымса).
- 외래어 사전. 고국소식. 서울. 2004 [Вэрэо саджон]. (Словарь иностранных заимствований корейского языка. Сеул: Когук-сосик).
- 러-한, 한-러 건설기술 용어합본사전. 이상재. 문예림. 2009 [Ро-хан, хан-но консоль кисуль ёно хаппон саджон]. (Русско-корейский, корейско-русский словарь строительных и технических терминов. Автор и составитель Ли Сан Чжэ. Сеул: Мунерим).

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Д.С. Лесневская,

кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики Университета национального и мирового хозяйства, г. София, Болгария; e-mail: demetra3@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ» (г. Лерида, Испания, 21–24 ноября 2015 г.)

На конференции, проходившей 21–24 ноября 2015 г. в Лериде, Испания, были обсуждены актуальные проблемы теории, истории, методологии, дидактики перевода, а также преподавания РКИ.

Ключевые слова: перевод, дидактика, лингводидактика.

Dimitrina S. Lesnevskaya,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Foreign Languages and Applied Linguistics Department, University of National and World Economy, Sofia, Bulgaria; e-mail: demetra3@gmail.com

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “TRANSLATION AS A MEANS OF ENRICHMENT OF WORLD CULTURE” (Lleida, Spain, November 21–24, 2015)

At the conference (November 21–24, 2015) in Lleida, Spain, actual problems of theory, history, methodology, didactics of translation and also teaching Russian as a foreign language were discussed.

Key words: translation, didactics, linguodidactics.

Высшая школа перевода (факультет) МГУ имени М.В. Ломоносова провела при содействии ассоциации «Центр русского языка и культуры» (ЦРЯК, г. Лерида) и мэрии Лериды международную научную конференцию «Перевод как средство обогащения мировой культуры», посвящённую Году литературы в России и Году культуры России в Испании.

В конференции приняли участие профессора и доценты, аспиранты, преподаватели университетов и переводчики из 13 стран (Азербайджан, Болгария, Великобритания, Греция, Грузия, Казахстан, Китайская Народная Республика, Латвия, Польша, Россия, Словакия, Турция, Украина). Россия была представлена учёными из Москвы, Белгорода, Ейска, Армавира, Ханты-Мансийска.

К началу конференции вышел электронный сборник «Перевод как средство обогащения мировой культуры. Материалы международной научной конференции 21–24 ноября 2015 г.» (М.: ООО «Издательство ФОРУМ», 2015. 245 с. ISBN 978-5-00091-175-4).

Торжественное открытие конференции состоялось в Муниципальном культурном институте г. Лериды. Выступивший с приветственным словом на церемонии открытия конференции первый секретарь посольства России в Испании *А.В. Батадеев* пожелал её участникам плодотворной работы и выразил уверенность, что данное мероприятие, проходящее в Год русской литературы, внесёт вклад в развитие российско-испанского культурного и академического сотрудничества, укрепление позиций русского языка за рубежом.

Были награждены победители международного конкурса перевода как способа отражения культур «Дети-переводчики», являющегося совместным проектом ЦРЯК и Высшей школы перевода МГУ имени М.В. Ломоносова, направленным на развитие культурных связей России с Испанией, популяризацию русского языка и расширение сотрудничества между образовательными учреждениями обеих стран. Руководитель проекта — *Карпицкая Наталья Антоновна*, учредитель и президент Ассоциации им. Р. Карпицкой, преподаватель русского языка (школа «Антошка», г. Лерида).

На конференции обсуждались актуальные проблемы теории, истории, методологии и дидактики перевода, методики и практики преподавания русского языка как иностранного, сопоставительной лингвистики и сравнительного литературоведения, культурологии и межкультурной коммуникации.

В своём пленарном докладе «Крутые галсы науки о переводе» доктор филологических наук, профессор *Н.К. Гарбовский*, директор Высшей школы перевода МГУ и её основатель (2005 г.), проследил историческое развитие науки о переводе в России, выделив «галсы», повороты — лингвистические, герменевтические, культурные, антропологические и пр., которые предопределили её современное состояние.

Заседания проводились в рамках двух секций — «Теория, история и методология перевода» и «Инновации в методике преподавания русского языка как иностранного и второго родного языка для стран дальнего зарубежья».

Герменевтический методологический стандарт как когнитивно-прагматическая матрица был отражён в докладе доктора филологических наук, профессора ВШП МГУ *Э.Н. Мишкурова* «О методологии переводческих процедур в трансдисциплинарном аспекте». Доклад доктора филологических наук, профессора ВШП МГУ *Н.И. Голубевой-Монаткиной* «К вопросу о передаче ритма прозы

при переводе (G. García Márquez “Cien años de soledad” / Г. Гарсиа Маркес “Сто лет одиночества”)» был посвящён сопоставительному исследованию ритмических особенностей испанского и двух русских текстов романа «Сто лет одиночества». В своём докладе «Tantum scimus, quantum traducimus» заместитель декана по научной работе ВШП МГУ кандидат филологических наук, доцент *О.И. Костикова* проанализировала развитие словесности в разных мировых культурах через переводческую деятельность и освоение терминологии. Интерес вызвал доклад *Сяо Цзиньюй* (г. Гуанчжоу, КНР) «Преподавание перевода с китайского языка на русский: проблемы и перспективы».

Д.З. Гоциридзе, Р.Р. Бабаев, Л.Я. Чарквиани (г. Тбилиси, Грузия) в докладе «Основные тенденции перевода английских научно-технических заглавий на русский язык» провели сопоставительный анализ научно-технических заглавий двух языков, выявив как универсальные, так и специфичные заголовочные конструкции. Проблемам технического перевода был посвящён доклад *Е.В. Куприянова* (г. Киев, Украина) «Термины-англицизмы в испанских специальных текстах как проблема технического перевода (на примере терминологии энергомашиностроения и смежных областей)».

В своём докладе «Лингвокультурологические знания о Японии как необходимое условие адекватности перевода с ЯЯ» доцент кафедры восточных языков Института лингвистики РГГУ *Е.Д. Богоявленская* осветила наиболее важные тематические разделы лексики ЯЯ, вызывающей трудность при переводе в силу отсутствия эквивалентов и соответствующих реалий в РЯ. Переводу латышской поэзии был посвящён доклад ассоциированного профессора отделения славистики Латвийского университета г. Риги *Н.В. Кононовой* «Переводы стихотворений Александра Чака Давидом Самойловым».

Состоялся обмен мнениями по проблематике преподавания РКИ. Большой интерес вызвал доклад доктора филологических наук, профессора *Е.М. Марковой* (Россия—Словакия) «Диалектика традиционного и нового при обучении русскому языку как иностранному». Курсу русского языка как иностранного для студентов-переводчиков был посвящён доклад *А.В. Пономарёвой* (г. Лондон, Англия) «Новое — это хорошо забытое старое».

Игровые формы обучения проанализировали в своих выступлениях *В.А. Галицкая* (г. Москва, Россия; «Использование игровых форм обучения как средство приобщения студентов к культуре страны изучаемого языка (на примере преподавания испанского языка)») и *Т.М. Обухова* (г. Москва, Россия; «Играть или не играть: обзор настольных игр для занятий по русскому языку как иностранному (лексико-коммуникативный аспект)»).

В своём докладе «Способы влияния на мотивацию греческой аудитории в обучении русскому языку дистанционно» *О.Н. Калита* (г. Москва, Россия) и *Г. Павлидис* (г. Патра, Греция) определили способы влияния на мотивацию в дистанционном изучении РЯ греческой аудиторией, используя модель повышения мотивации, предложенную Дж. Келлером.

Межкультурному рекламному дискурсу при обучении РКИ в болгарских школах и вузах был посвящён доклад кандидата филологических наук, доцента Университета национального и мирового хозяйства г. Софии *Д.С. Лесневской* «Реклама как форма межкультурной коммуникации при обучении РКИ». Проблему когнитивности при обучении РКИ осветила в своём выступлении кандидат педагогических наук, доцент Московского государственного университета тонких химических технологий имени М.В. Ломоносова *Е.Н. Тарасова* («Когнитивность как основа педагогической стратегии обучения РКИ»). Методология культурно-релятивистского диалога при обучении РКИ была проанализирована в докладе кандидата филологических наук, доцента ВШП МГУ *Л.А. Борис* «Методологическая организация межкультурного пространства на занятиях по обучению русскому языку (коммуникативный аспект)».

Все исследования, представленные в докладах, отличаются научной новизной и актуальностью. На заключительном заседании были высказаны слова благодарности в адрес организационного комитета — *Н.К. Гарбовского, М.Н. Есаковой, Н.А. Карпицкой, Ю.Н. Кольцовой, О.И. Костиковой, Г.М. Литвиновой, В.Л. Поповой*. Участникам были выданы сертификаты об участии в работе конференции. Для участников была организована богатая культурная программа: пешеходная экскурсия по Лериде, а также автобусная экскурсия в монастырь Монтсеррат и Барселону.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
опубликованных в журнале «Вестник Московского университета.
Серия 22. Теория перевода» за 2015 год**

	№	С.
<i>Общая теория перевода</i>		
<i>Balliu Chr.</i> La traductologie Russe sous l'angle de la culture française . . . 4	4	
<i>Балью К.</i> Переводоведение в России сквозь призму французской культуры 4	4	5
<i>Гарбовский Н.К.</i> Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний 1	1	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы. 2	2	3
<i>Гарбовский Н.К., Костикова О.И.</i> Сетевое взаимодействие в переводческой деятельности 3	3	3
<i>Горшкова В.Е.</i> Эстетика аудиовизуального перевода Жана-Франсуа Корню в парадигме системной трансдисциплинарности . . 3	3	22
<i>Иванов Н.В.</i> Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) 4	4	34
<i>Мишкурлов Э.Н.</i> Герменевтико-переводческий методологический стандарт в зеркале трансдисциплинарности (часть 1) . . . 2	2	17
<i>Ю Джонг Ха.</i> Новые сферы деятельности коммунального переводчика и его множественная роль. 3	3	38
<i>Методология перевода</i>		
<i>Васина Е.А.</i> Синхронный перевод с китайского языка на русский: особенности логических преобразований синтаксической структуры текста сообщения 3	3	50
<i>Гаврилов Л.А., Зарипов Р.И., Торсуков Е.Г.</i> Метафоры образа России: проблемы перевода 4	4	75
<i>Коростелёва А.А.</i> Проблема «блуждающего комизма»: сочетание коммуникативных смыслов в звучащем переводе 1	1	21
<i>Лаврентьева Е.С.</i> Способы перевода метафорических моделей в поливекторном дискурсе. 3	3	60
<i>Парина И.С.</i> Перевод фразеологизмов в условиях недостаточности словарных данных (на материале студенческих работ) . . . 1	1	38

<i>Сычёва Е.С.</i> Проблема перевода обращений и именных суффиксов в современной массовой культуре Японии (на примере аниме и манга)1	46
<i>Тарасова М.А.</i> Потенциальность как типологическая черта языка переводной поэзии (на материале русских переводов современных англоязычных поэтических текстов).3	73
<i>Ундрицова М.В.</i> Трансформации при переводе глоттонических текстов (на материале английского, французского, греческого и русского языков)1	57
<i>Харитоновна Е.В.</i> Особенности функционирования социолектных текстов в родственной и неродственной этносреде: переводоведческий аспект1	70
<i>Чу Цзы-Чен.</i> О проблемах перевода числительных, входящих в семантическое поле «два» в русском и китайском языках1	80

Теория художественного перевода

<i>Алевич А.В.</i> О поэтическом миропонимании: творчество Джона Донна сквозь призму социокультурных и переводческих стратегий (часть I)1	95
<i>Нуриев В.А.</i> Теория перевода и поэтический перевод: современный статус дисциплины. Проблемы и решения1	108

Лингвистические и культурологические аспекты перевода

<i>Алевич А.В.</i> О поэтическом миропонимании: творчество Джона Донна сквозь призму социокультурных и переводческих стратегий (часть II)2	38
<i>Бойко Б.Л.</i> Фронтвые реалии в языковой картине мира принимающей культуры (на материале немецкого перевода романа Д. Гранина «Мой лейтенант»)3	85
<i>Джусупов Н.М.</i> Сопоставительная стилистика в контексте лингвистических исследований: проблемы, статус и тенденции развития4	82
<i>Дымант Ю.А.</i> Проблема соотношения первичного и вторичного текстов в автопереводе2	65
<i>Иванова О.Ю.</i> Древнегреческая литература и русская картина мира (в чём Анненский-поэт убедил Анненского-переводчика)2	56
<i>Исаев Ю.Н.</i> Ассоциативный эксперимент как источник изучения языковой картины мира и как метод когнитивного исследования2	77

<i>Какзанова Е.М.</i> «Умный» или «духовный»? Перевод одного прилагательного и концепт «духовность»4	98
<i>Калита О.Н.</i> Трудности в изучении функционирования русских глаголов движения в греческой аудитории2	84
<i>Костикова О.И.</i> Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки2	100
<i>Лаврентьева Е.С.</i> Манипулятивные стратегии легитимации в политическом дискурсе и их отражение в переводе2	114
<i>Пан КёЁн.</i> О разрушении системы вежливости корейского языка в настоящее время4	107
<i>Хванг Джи-ён.</i> Перевод дипломатической риторики Китая в корейских СМИ4	119
<i>Чжоу Цзиньхуэй.</i> Перевод терминов с суффиксом <i>-изм</i> с русского языка на китайский3	101

Вопросы терминологии

<i>Балканов И.В.</i> Теория и практика военной лексикографии (на материале русско-иноязычных военных словарей)4	126
<i>Власенко С.В.</i> Переводческий дискурс: дилеммы определения и унификации понятия.2	124
<i>Ким Ире.</i> Семантические заимствования в южнокорейской и русской строительной терминологии4	142

История перевода и переводческих учений

<i>Чжао Яньцю.</i> Очерк распространения и изучения русских переводческих традиций в Китае4	65
--	----	----

Рецензии

<i>Гарбовский Н.К.</i> Р.К. Миньяр-Белоручев. Методика обучения переводу на слух. Москва: Издательство ИМО, 1959. 183 с.1	117
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Японистика в славянском контексте (о языковых единицах, о переводе <i>хайку</i> , концептах и субконцептах, японизмах в лексикографии и др.)1	120
«Москва переводческая» / <i>A Translator's Moscow (Н. Гарбовский, О. Костикова)</i>3	117

Хроника научной жизни

<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Традиции и инновации в теории перевода на Международной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода»2	145
---	----	-----

Лесневская Д.С. Международная научная конференция «Перевод как средство обогащения мировой культуры» (г. Лерида, Испания, 21–24 ноября 2015 г.)4 152

Памяти

Мишель Балляр (1942–2015)2 174

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

— необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

— текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

— *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

— необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

— наличие списка *ключевых слов* после аннотации на русском и английском языках;

— *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

— *примечания* в виде постраничных сносок. *Библиографические ссылки*: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998, с. 125]. При повторном цитировании: [там же, с. 128] для русскоязычных источников или [ibid., p. 123] для иноязычных источников;

— *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (in Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты: vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.